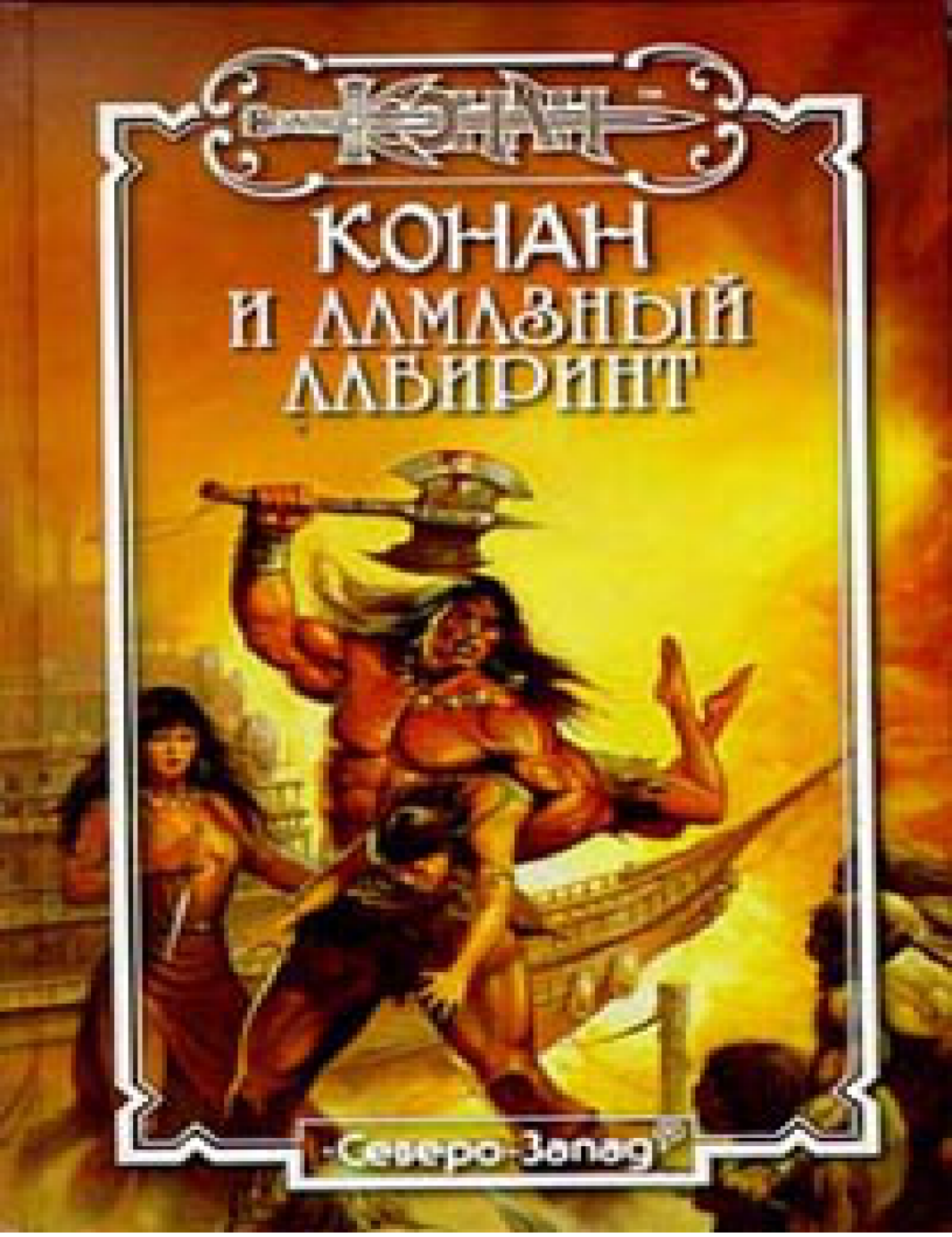
КОНАН
И АЛМАЗНЫЙ ЛАБИРИНТ
Северо-Запад

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

От чьей руки пал таинственный зингарец, суливший несметные богатства пиратам? Что за клад предстоит отыскать в дарфарских джунглях? Конан не знал ответы на эти вопросы. Однако в руках у него был обрывок карты, и жажда приключений вновь будоражила кровь. Но он не мог и подозревать, что погоня за сокровищами заведет его в смертельную ловушку.

- Олаф Бьорн Локнит
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
  - ГЛАВА ПЯТАЯ
  - ГЛАВА ШЕСТАЯ
  - ГЛАВА СЕДЬМАЯ
  - ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
  - ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
  - ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
  - ЭПИЛОГ

Олаф Бьорн Локнит
Алмазный лабиринт

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Западный Океан, побережье неподалеку от Аргоса, борт «Вестрела»

Маленький двухмачтовый кораблик подгоняемый слабым восточным ветром, неторопливо двигался вдоль берегов Аргоса. Шторм, бушевавший вчера над Западным Океаном, оставил на память о себе тяжелые мерные валы с грязно-белыми пенными гривами, плавно поднимавшие и опускавшие корабль. Море многое несло с собой: расколотые стволы деревьев, сорванные со дна лохматые водоросли, образовавшие на серо-зеленоватой поверхности воды бурые пятна, расщепленные доски – то ли от бывших прибрежных домов, то ли от судов, не переживших бурю.

Кораблю повезло – он уцелел и сравнительно дешево отделался: внезапно налетевший шквал сорвал и унес с собой верхние паруса, волны вдребезги разбили толстое слюдяное стекло в кормовом фонаре – на пробоине теперь красовалась наскоро наложенная заплата – да выломали несколько досок в фальшборте. Судно, низко осевшее из-за чрезмерного груза и попавшей в трюм воды, спешило к порту.

Судя по плавной линии обводов, высоко поднятой корме, украшенной некогда позолоченными резными завитками, и двум довольно высоким мачтам, корабль был караком, построенным на верфях Зингары. Подобные суда все чаще появлялись на просторах океана, сменяя привычные тихоходные (хотя и более вместительные) галеры. Стремительные, верткие караки теперь постоянно шныряли между гаванями четырех морских держав, а единственным их серьезным недостатком было то, что при отсутствии ветра небольшие быстрые корабли немедля уподоблялись увязшей в смоле мухе и терпеливо ждали, когда небеса сменят гнев на милость. Но случалось подобное нечасто – даже слабого ветерка было достаточно для многочисленных квадратных парусов.

Новые суда оценили по достоинству не только купцы – обитателям Барахских островов они тоже пришлись по вкусу. Пусть карак не мог взять на борт столько же людей, сколько длинная галера, зато ему не было равных в молниеносном нападении и бегстве, в возможности подкрасться ночью к ничего не подозревающему поселку или вытащенному на берег «купцу», а затем так же незаметно исчезнуть в океане. Пусть тяжелые

бронзовые тараны на носу галер порой пробивали тонкие борта караков насквозь, но зато скольких трудов стоило гребцам галеры развернуть свое неповоротливое судно, в то время как карак успевал несколько раз поменять курс и описать вокруг торопливо бьющей веслами галеры полный круг.

Но над кормой корабля не развевалось зловещее темно-алое полотнище – знак принадлежности к Красному Братству вольных Барахских островов, наводящий ужас на всех купцов от побережья Черных Королевств до Зингары. У карака не было никакого флага, лишь кормовом флагштоке ветер трепал вылинявший вымпел.

Изрядно поблекшие, выведенные некогда белой краской на темных досках буквы складывались в название корабля – «Вестрел». Ветер и волны сделали свое дело – имя судна было почти незаметно, а выписанное чуть ниже название порта приписки стерлось полностью, оставив на память о себе несколько неразборчивых знаков. Все эти странности, включая и серо-синий цвет парусов, сливающихся с небом и морем, могли навести капитанов встречных судов на нехорошие размышления… Но океан ныне был пуст, как в те дни, когда вода и земля отделились друг от друга.

На палубе карака остались следы вчерашней упорной борьбы со штормом – обрывки парусов, разлохмаченные канаты. Сорвавшийся с креплений бочонок, внутри которого что-то плескалось, перекатывался от борта к борту при каждом движении корабля. На сваленных в кучу мешках спали несколько человек, и, судя по громоподобному храпу, разбудить их могло только явление атакующего военного флота в полном составе или конец мира. Вахтенный на юте клевал носом, явно пренебрегая своими обязанностями, порой внезапно просыпался, осматривал осоловелыми глазами пустынный горизонт и снова ронял голову.

Впрочем, имелись и те, кто не спал после минувшей неспокойной ночи – рулевой да еще двое, устроившиеся на нижней палубе. Плоская крыша кают-компании, выступавшая над мокро поблескивавшими досками палубы, была застлана несколькими небрежно брошенными звериными шкурами. Поверх них лежал пообтрепавшийся кусок пронзительно-желтого бархата, а на нем, поджав ноги и кутаясь от свежего ветра в меховой плащ, сидела девушка.

Темноволосая, темноглазая, с капризным и надменным выражением на хорошеньком личике. Умело подкрашенные губы и подведенные глазки, а также количество украшений наводили на мысль, что подобная красотка была куда более уместна в дворцовых гостиных Кордавы, чем на потрепанном бурей корабле неопределенной принадлежности. Одних длинных

покачивающихся серег с алыми капельками рубинов хватило бы небогатому семейству на год безбедной жизни. Девушка мрачно смотрела на затянутый низкими серыми тучами далекий горизонт так, словно он был виноват во всех ее несчастьях, нынешних, настоящих и грядущих.

Ее спутник – не вышедший ростом, тощий, и слегка напоминающий маленького хищного и пронырливого зверька вроде хорька или ласки – сидел позади красотки, прислонившись к мачте, и перебирал струны инструмента с длинным грифом и округлой декой, мурлыкая себе под нос какую-то песенку. Девушка чуть повернула голову и прислушалась.

Как роскоши осеннего полыхания
Ждет лист, весною пробужденный,
Так негаснущему жару желания
Грезится друг, ей судьбою врученный…

– Помолчи, – недовольно бросила девушка. – Надоел… Если очень хочется терзать чужие уши – пойди спой что-нибудь Сигурду.

Молодой человек сделал вид, что не расслышал, и затянул погромче:

Вокруг него кружились черные тени,
Черные пасти скалили жестокие клыки,
И кровь текла, как вода…
Но любовь сильнее смерти.
Из бездны вырвалась и смерти злые чары победила,
Чтобы на зов его явиться…

– Да примолкнешь ты наконец? – зло спросила девушка, оборачиваясь.

– А что, тебе не нравится? – невинным голосом осведомился певец, опуская инструмент.

– Да, не нравится!

Она отвернулась, поджав губы и всем видом показывая, что не намерена продолжать разговор.

– Это же происходило десять лет назад, – примирительно заметил парень. – Или даже больше. Кто знает, как все было на самом деле, и что вообще произошло?.. Ну зачем ты злишься, Санча? Подумаешь, шторм, мало мы их пережили? Потрепало немного, так не потонули же! Скоро в Кордаву придем…

– Надоело мне все, – угрюмо отозвалась Санча. – Море,

лоханка, которой давно пора на дно, орава головорезов, каждый вечер пьяных до поросячьего визга…

– Побрякушки, золото, камешки красивые, – подражая раздраженному голосу девушки, с готовностью подхватил собеседник. – И еще варвар, который тебе их дарит едва ли не сундуками, да только и знает, что пить и… За что?

Он вовремя откинулся назад, и занесенная для оплеухи рука девушки не достигла цели.

– …А как только мы доберемся до берега, ты мигом побежишь в ближайший храм Митры и попросишь, чтобы тебя научили бороться с плотскими соблазнами, правда, Санча? – он издевательски подмигнул побелевшей от злости девушке. Конечно, только полный идиот рискнет ссориться с подружкой капитана, но пока подобные шутки сходили ему с рук.

– Змееныш ты, Вайд, – сквозь зубы процедила Санча. – И заместо языка у тебя жало.

– Неправда! – возразил Вайд. – Показать?

– Поди ты… – Санча подробно, но не очень умело указала, куда потребно идти некоторым не в меру болтливым бездельникам. Как следует научиться корсарским речениям Санча так и не сумела – благородная по рождению, как-никак. Вайд с деланным изумлением поднял брови, выслушав ее горячую речь, а потом заметил:

– Порядочные девушки таких слов, между прочим, не должны знать…

– Вот и поищи… порядочную, – и Санча отвернулась, завернувшись в плащ чуть ли не с головой. Дело принимало серьезный оборот – не на шутку обидевшаяся девушка вполне могла исполнить давнюю угрозу и пожаловаться на болтуна капитану, а у него рука не просто тяжелая…

– Санча, – медоточивым голоском позвал Вайд. – Са-анча! Я же пошутил, честное слово…

– Отвяжись, – глухо сказала красавица. – Болтун…

– Конечно, болтун, – с готовностью согласился Вайд. – Ты не сердишься? Хочешь, я тебе серенаду сочиню? Са-анча…

– Отстань же, плебей! – капризно отозвалась Санча. – Топай отсюда побыстрее.

– Да пожалуйста… – Вайд сполз с бархатной подстилки, подобрав свой инструмент. Все, выволочка обеспечена, и хорошо, если обойдется только этим. Что стоило лишний раз помолчать? Но кто же знал, что вчерашний шторм вместе с парусами унес у Санчи и способность понимать шутки? Да и что плохого, в сущности, он сказал? Ничего особенного, если разобраться. Но капитан точно разбираться не будет… Спрятаться теперь, что ли?

Да разве спрячешься на маленьком караке?

Вайд прошелся по палубе, переступая через разбросанные канаты и обрывки снастей, заглянул в черный провал люка, ведущего в недра корабля, прислушался – и оттуда доносилось похрапывание, – подошел к дверям капитанской каюты, оглянулся и приложил ухо к щели между решетчатыми створками. Тихо, и это не слишком удивительно – вчера всем досталось, так что даже несгибаемый капитан непробудно спит. Причем в одиночестве; может, поэтому Санча злится? Он оглянулся на девушку, но та по-прежнему сидела неподвижно, уподобясь статуэтке из черного дымчатого камня, и мириться не желала.

Тяжело вздохнув над своей нелегкой судьбой, Вайд взобрался по узкой лестнице с высокими ступеньками на корму.

– Опять? – ехидно поинтересовался рулевой, рыжий и постоянно небритый Сигурд, ванахеймец, неведомо какими ветрами занесенный на Южное побережье. До того, как стать рулевым на «Вестреле», Сигурд успел побывать на Барахских островах и даже командовал кораблем, разбившимся впоследствии у зловещего Безымянного Острова. Тогда-то произошло его знакомство с экипажем карака, подобравшем потерпевшего крушение ванахеймца. – А ты представляешь, что с тобой капитан сделает, если эта зингарская кошка нажалуется ему?

– Знаю. Кишки на уши намотает, – Вайд невовремя припомнил любимую присказку капитана и поежился, представив, как может происходить подобное действо. – Или печень вырежет и съесть заставит. А то и вовсе сам съест, если Санча ее сперва пожарит. На оливковом масле.

– Вот именно, – Сигурд чуть повернул рулевое колесо с блестящими, отполированными множеством ладоней медными рукоятками. – Конечно, здесь не место женщине, но тебе следовало быть поумнее, Крысенок.

– Следовало, – согласился Вайд. – Но что-то не получается. Я тут посижу, ладно?

– Сиди, – кивнул Сигурд. – Дыши, пока живой.

Вайд присел возле резных перил, ограждавших верхнюю палубу, и взглянул на медленно катящиеся внизу волны и остающийся за кораблем пенистый след. Ветер усиливался, обложившие все небо тучи постепенно расползались, на воде заплясали солнечные блики, а далеко на горизонте показалась едва различимая тонкая черная полоска берега.

– Сигурд!

– Чего тебе? – недовольно отозвался рулевой.

– Когда в Кордаву доберемся?

– Если ветер не переменится и никто по дороге не встретится, то через пару дней будем там.

– Ага… – задумчиво протянул Вайд. – Пара дней…

* * *

Вайд, которого со дня его появления на «Вестреле» прозвали Крысенком, был по происхождению тауранцем. Во всяком случае, его мать утверждала, что родилась именно в этой провинции Аквилонии, а позже перебралась в Кордаву. В это Вайд склонен был поверить, хотя матушка Акма частенько несла непредставимую чушь, особенно в вечера, когда у нее появлялись деньги, а с ними – выпивка. Послушать ее, так она не стала аквилонской королевой по чистому недоразумению и потому, что уж больно хлопотное это занятие. Вайд скептически хмыкал, слушая плаксивые разглагольствования расчувствовавшейся матушки о ее погубленной и пропащей жизни.

Когда-то Акма была довольно милой девушкой, но с годами опустилась, растолстела и стала одной из многих уличных потаскушек в Кордаве. Больше всего Вайда удивляло то, что матушка умудрялась находить клиентов достаточно часто. Видимо, людские вкусы действительно бесконечно разнообразны… Или непритязательны.

Какого бедолагу угораздило стать его отцом – Вайд не знал, а все попытки вызнать у матери, кто наградил ее эдаким подарочком, успехом не увенчались – она сразу начинала хныкать и жаловаться на судьбу. Наконец, Вайд смирился с тем, что его происхождение навсегда останется загадкой. Впрочем, ему было наплевать. Наверняка кто-нибудь из матушкиных «друзей», не слишком бы обрадовался нежданному появлению неизвестно откуда взявшегося отпрыска.

Для самого Вайда родиной была Кордава, с ее узкими улочками, выложенными шершавыми гранитными плитами; с гаванями и верфями, занявшими берега вдоль залива и устья Черной реки; Морским рынком, необъятным и шумящим целый день; кораблями из всех стран Южного побережья и величественным королевским замком на скале над городом. Мальчишки носились по длинным пристаням, нанимались перетаскивать груз с прибывающих кораблей, виртуозно срезали кошельки у зевак в толпе и не задумывались о том, что будет завтра.

Пятнадцати лет от роду Вайд заслуженно получил прозвище «Рифмоплет» – никто из портовых подростков не умел так быстро складывать забавные и не слишком приличные вирши обо всем попадавшемся на глаза. Умение оказалось выгодным – особо удачные строчки можно было продать морякам, желавшим поразить своих подружек. Однажды у него приобрела свеженький стишок компания молодых дворян и кто-то из них в качестве оплаты подарил старую виолу. Инструмент многое повидал на своем веку – не хватало двух струн, некогда блестящий лак на корпусе пошел трещинами и облупился, но все же это была настоящая виола, и Вайд внезапно решил рискнуть и попробовать сделать случайные заработки своим постоянным ремеслом. Через три года хозяева портовых таверн и кабачков с удовольствием приглашали его развлекать посетителей, безошибочно сообразив, что под незамысловатое жизнерадостное бренчанье жуется и пьется куда веселее, и, что гораздо важнее для торговли и процветания заведений – посетители остаются довольны.

Последние три-четыре месяца Вайд постоянно обретался в таверне «Бездонная бочка», находившейся поблизости от Новой Гавани. То ли год был неудачным, то ли пираты с островов разбуянились сильнее обычного, но некогда многолюдная и шумная «Бочка» все чаще стояла пустой, и Вайд уже начал подумывать о том, что придется перебираться на другое место. Однажды вечером он решил, что немедля скажет хозяину о своем уходе – искусство, так сказать, искусством, а желудок тоже своего требует.

С этой мыслью Вайд вошел в низкое, прокопченное и пропахшее горелым жиром помещение таверны, где его встретили громкие вопли посетителей, визгливый смех девиц и взъерошенный, задерганный хозяин, с неподдельным ужасом прошипевший: «Далайо и его сброд! Пойди, сыграй им что-нибудь, пока они все не разнесли!»

О Далайо, капитане каравеллы «Королева Юга», человеке, который, по слухам, потерял счет своим предательствам и преступлениям, Вайд был наслышан, но никогда его не видел. Сейчас, как утверждали, Далайо присягнул на верность зингарской короне, но стоило ли этому верить? Ведь совсем недавно над «Королевой» развевался флаг Красного Братства, за ней вовсю гонялись аргосские и зингарские боевые галеры, а теперь – пожалуйста… Интересно, что такое стряслось на Барахском архипелаге, что Далайо поспешил унести оттуда свою драгоценную задницу?

Теряясь в догадках, Вайд, перешагивая через чьи-то вытянутые ноги и не подающие признаков жизни тела

перебравших вина гуляк, пробрался к своему месту – пустому бочонку, установленному на небольшом деревянном помосте возле входа на кухню. Усевшись поудобнее, он оглядел собравшихся в таверне пиратов, сокрушенно вздохнув про себя – «ну и рожи…», подтянул ослабевшую струну и негромко начал одну из самых любимых в Кордаве песен – «А что нам море – чужое горе, а что свобода – путь до восхода…» Пытаться перекричать посетителей «Бочки» было совершенно бесполезно. Вайд по собственному опыту знал – постепенно до их затуманенных темным зингарским вином голов дойдет, что в зале присутствует посторонний звук, они волей-неволей заинтересуются… А там и слушать начнут, да денежки платить если пение трактирного музыканта понравится.

Так, собственно, и получилось – вскоре нестройный, заплетающийся, но дружный хор с увлечением подтягивал припев к старой истории об олухе-боцмане и его молодой и чрезмерно любвеобильной супруге. Горка монет в поставленной для этой цели большой глиняной кружке из-под пива росла, веселье вовсю продолжалось, со всех сторон выкрикивали названия песен – знакомые и не очень, и время, если судить по большой свече-часам, приближалось к полуночи. Вайд уже немного охрип, сбил подушечки пальцев на левой руке и стал подумывать о том, что на сегодня, пожалуй, хватит, и пора сматываться, пока перепившиеся моряки не взялись за любимое дело – громить трактир. А в том, что гулянка закончится доброй дракой, он не сомневался – уж больно много бочонков и кружек было сегодня опустошено.

– Все, все! – с этими словами Вайд спрыгнул со своего бочонка, поднял изрядно потяжелевшую кружку и поискал взглядом хозяина – дал бы пожрать чего-нибудь, жмот… – Завтра, завтра! Нет, благодарю! – это относилось к почти не владеющей языком компании, настойчиво приглашавшей его выпить. – Всем приятного вечера!

Подставленную ногу он заметил слишком поздно – только когда запнулся об нее и растянулся на заплеванном и залитом вином полу. Несколько монет вылетели из кружки, которую Вайд, даже падая, не выпустил из рук, и укатились, звеня, куда-то под столы.

«Начинается, – мрачно подумал Вайд, поднимаясь на ноги и оглядываясь. – Я же знал, что какая-нибудь гадость обязательно случится. И именно со мной… Ну, и что теперь? Можно идти?»

Он укоризненно посмотрел на компанию за столом, но те, веселившиеся над удачной шуткой, не обратили на это ни малейшего внимания. Один из них, горбоносый, хорошо – даже

слишком хорошо, по мнению Вайда – одетый, с пронзительно смеявшейся девицей на коленях, издевательским тоном обратился к Вайду:

– Надеюсь, ты не ушибся?

– Нет, – коротко ответил Вайд, высматривая, как бы поскорее улизнуть.

– А мне показалось… – начал горбоносый, но его перебили:

– Пусть сбренчит, капитан!

«Поздравляю, это – Далайо. Знаешь, парень, ты просто невероятно везуч!»

– Видишь ли, – нарочито извиняющимся голосом сказал Далайо. – Моим людям нравится ваше… – он небрежно пошевелил пальцами в воздухе, и Вайд с завистью посмотрел на радужные переливы камней в многочисленных кольцах. – Не откажи в их маленькой просьбе…

Далайо был последним человеком в Кордаве, с котором стоило бы ссориться, но Вайд устал и не испытывал ни малейшего желания играть для этого изысканного стервеца и его шайки.

– Я тоже хочу послушать, – капризно заявила девица. – Пусть он сыграет, дорогуша!

– Прошу прощения, господа, я ухожу, – Вайд осторожно сделал шаг назад, проклиная себя за то, что полным ходом вляпывается в очень большие неприятности. – Приходите завтра…

– Вот как? – холодно осведомился Далайо. – А мне кажется, что ты останешься здесь.

– А мне не кажется, – пробормотал Вайд, делая попытку обогнуть стол и проскочить к дверям. Неудачную попытку – один из собутыльников капитана «Королевы Юга» оторвался от скамьи, и, железными пальцами, будто осьминог щупальцами, ухватил его за рукав. Вайд рванулся, затрещала рвущаяся ткань, но отделаться от назойливого пирата не удалось. Вайд выругал себя за то, что рассчитывал на спокойный вечер и не захватил с собой кинжал – пора запомнить раз и навсегда, в Кордаве никогда не бывает спокойных вечеров! – и коротко ударил сложенными кулаками покачивающегося матроса в солнечное сплетение. Это подействовало – пальцы, сжимавшие его рукав, разжались, корсар шумно выдохнул, пробормотал какое-то проклятие и, пошатнувшись, осел на пол.

– Вот как? – поднял бровь Далайо. – Ты, оказывается, предпочитаешь, чтобы тебя заставляли? Ну что же, как угодно…

Прежде чем громилы Далайо поднялись из-за стола, Вайд метнулся к выходу, не приняв в расчет того, что в «Бочке» еще не

все пришли в приятное состояние полного опьянения и заметили, как у стола капитана происходит что-то непонятное. Пробиравшийся со всей возможной быстротой к выходу Вайд врезался в поднявшегося навстречу пирата, отскочил в сторону, пройдясь по чьим-то ногам, увернулся от летящей в голову кружки, налетел еще на одного матроса с «Королевы Юга», и на этом бегство закончилось. Обладатель твердокаменной спины повернулся и наградил Вайда таким ударом в челюсть, что тот отлетел в сторону, с размаху приложившись затылком о бревенчатую стену. В голове безумным галопом пронесся табун одичавших лошадей, и сквозь их топот Вайд расслышал неизвестный низкий голос:

– Оставь парня в покое. Он же ясно сказал, что уходит.

Вайд попытался разглядеть что-то через плывущую перед глазами розово-красную пелену и увидел силуэт человека, поднявшегося со скамьи в дальнем конце зала. Вайд помнил компанию из трех или четырех человек – эти люди пришли позже всех, сели отдельно, спросили красного аргосского да закуски, и приступили к уничтожению огромного количества принесенной еды. Сейчас один из них встал и лежавший на полу Вайд готов был поклясться, что головой незнакомец упирается прямо в низкий закопченный потолок. Голоса долетали до него, как через толщу воды, и Вайд с трудом понимал, о чем идет речь.

– Я всего лишь попросил его сделать моим друзьям одолжение, – надменный голос Далайо.

– Так это была просьба? – рокочущий низкий голос незнакомца. – А мне показалось, что твои головорезы собрались сделать из мальчишки отбивную.

– Тебе именно показалось, мой друг, – в ледяном тоне капитана «Королевы» прозвучало нечто вроде тщательно скрываемой тревоги.

– С каких это пор у меня в друзьях шелудивые псы? – и громыхнул дружный хохот за столом незнакомца.

– Откуда мне знать, кого ты еще подберешь из канавы? – «шелудивого пса» Далайо, как это не странно, пропустил мимо ушей. – Это твой приятель?

– Первый раз в жизни вижу.

В голове у Вайда немного прояснилось, но единственная мысль, оставшаяся там, была следующей: «Бежать, и побыстрее!» Поэтому он с трудом встал, цепляясь за стену и, шатаясь не хуже нагрузившегося под завязку морского волка, выбрался из «Бездонной бочки» на улицу, оставив позади и Далайо, препирающегося с незнакомцем, и сборище пьяниц. Он сообразил, что оставил в таверне нечто важное, но возвращаться

не решился.

Проковыляв по улице, и, к счастью, не натолкнувшись на ночные патрули, обходящие кварталы возле гавани, Вайд выбрался к тихо журчащему фонтанчику, установленному возле богатого дома. Сунув нещадно болевшую голову под стекающую из пасти каменной рыбы струю, он подумал, что все демоны Тьмы вкупе с самим Отцом Ночи Сетом не заставят его вернутся в эту треклятую таверну. Не-ет, хватит с него! Жизнь дороже!

Вайд потряс головой, убедился, что все зубы на месте, пригладил мокрые каштановые волосы… Чего-то не хватало, и, сообразив, чего именно, он тихо охнул и медленно сполз по стене на плиты мостовой. Кружка с выручкой. Три или четыре дня безбедной жизни. Он забыл кружку, из-за которой вытерпел столько мучений.

«Забыл, – тупо повторил Вайд, бессмысленно уставившись прямо перед собой. – Идиот. Бренчалка. Лучше бы мне голову проломили. Забыл.»

Он не помнил, сколько просидел так, слушая монотонный плеск воды в гранитной чаше, пока не понял, что рядом стоит человек. В тусклом свете качающегося высоко над головой масляного уличного фонаря Вайд разглядел пару потрепанных сапог с окованными носками. С трудом подняв голову, он увидел над собой силуэт высокого мужчины, а по раздавшемуся голосу признал неизвестного из таверны.

– Твое?

Рядом с Вайдом упал глухо звякнувший кожаный мешочек, туго перетянутый обрывком бечевки. Еще не веря в то, что удача не отвернулась окончательно, Вайд протянул руку, дотронулся до мешочка и поднял его. Приятная тяжесть оттягивала ладонь и даже сквозь плотную кожу чувствовались острые ребра монет.

– С-спасибо, – с трудом выговорил он. – Я… Мне было не до того…

– Немудрено, – усмехнулся незнакомец. – Идти можешь?

– Могу, – в доказательство своих слов Вайд не очень уверенно поднялся на ноги, сунув драгоценный мешочек за пазуху. Теперь он понял, что в таверне зрение не обмануло – неизвестный был на две или три головы выше него. Не удивительно, что он доставал головой до низкого потолка «Бочки». – Мне в Гавань, а тебе?

Высокий согласно кивнул и широким скользящим шагом двинулся вниз по улице. Вайд пристроился рядом, отметив про себя, что этот странный человек при движении почти не производит шума. Даже звука шагов не слышно, точно рядом с тенью идешь. Вайд искоса рассматривал в свете редких фонарей своего неожиданного попутчика: одет хорошо, но без излишней

роскоши, как Далайо, одежда скроена так, чтобы ничто не мешало движениям, лицо с резкими, грубоватыми чертами, грива черных волос… И еще огромный меч в ножнах за спиной, длиной чуть ли не с самого Вайда. Однако для подобного верзилы такой клинок, наверное, как игрушка. Под очередным фонарем неизвестный чуть повернул голову, и Вайд удивленно отметил, что глаза у него светло-синего оттенка, почти не встречающегося в землях юга. Откуда этот тип мог взяться и кто он? Ведь видел же его уже где-то… Или слышал? Нет, видел. Совсем недавно видел, только вспомнить бы, где…

– Мне сюда, – неизвестный остановился в начале улицы, ведущей к пристаням Новой Гавани. Вайд тоже остановился, посмотрев на залитое лунным светом море в просветах между домами.

– Тебя как зовут, заморыш? – неожиданно поинтересовался незнакомец. «Заморыш» прозвучало у него слегка презрительно, но не обидно, и Вайд с готовностью откликнулся:

– Вайд. А тебя я вспомнил. Ты с «Вестрела», королевский корсар, Конан Киммериец, правильно?

– Да. Сам догадался? – подозрительно спросил северянин.

– Кто же тебя не знает, – почти честно ответил Вайд. Если бы у не кружилась после удара голова, он еще в таверне сообразил, с кем свела его судьба. – Спасибо, что выручил. Попутного ветра, капитан.

Он прошел всего несколько шагов, когда сзади раздался оклик:

– Эй, как там тебя… Погоди!

Вайд замер на месте, и осторожно повернулся, не зная, чего ожидать. Из вороха сплетен, которые он слышал об этом непостижимом человеке, и половине которых напрочь не верил, следовало одно – трижды подумай, прежде чем становится капитану Конану поперек дороги или просто обращать на себя его внимание. Сейчас Вайд лихорадочно вспоминал все, что довелось узнать на Морском рынке Кордавы, от словоохотливых купцов или подвыпивших моряков. Как-то страшновато находиться в обществе настоящей легенды…

Впервые киммериец объявился на Южном побережье десять или девять лет назад. До сих пор большая часть купцов клялась всеми богами, что, видно, кто-то из небожителей решил посмеяться над бедными смертными, столкнув на бескрайних просторах Западного Океана два корабля, две галеры – торговую, спешившую с грузом из Аргоса в Шем, на которой бежал от аргосских законников молодой наемник из далекой северной страны Киммерии, и «Тигрицу», принадлежавшую шемитке Белит.

Что вышло из этой встречи – запомнили на всем побережье, и, наверное, будут вспоминать еще не один десяток лет. Тигрица нашла себе льва, и не знающая удержу парочка заставила трястись всех купцов цветущего Юга. Даже барахские пираты побаивались этой парочки, а в Стигии (подумать только!) начали спешно собирать военный флот, с одной-единственной целью – найти, догнать и уничтожить «Тигрицу», да так, чтобы ни одной щепки не осталось. Белит ненавидела стигийцев – всех и каждого в отдельности, мстя за сожженный поселок, в котором она родилась, за погибшую семью и родных. Стигийцам не пришлось долго искать – Белит и ее приятель-северянин явились сами, пробравшись в охваченную мятежом провинцию Стигии Тайю, и учинили там нечто такое, о чем даже сплетен не ходило, а все мельком слышавшие о тогдашних делах бесшабашной пары разводили руками, закатывали глаза и многозначительно восклицали: «Да-а…»

А потом «Тигрица» пропала. Некоторые утверждали, будто галера ушла в Черные Королевства, где шемитка и киммериец основали свое государство, иные говорили, что галера погибла во время зимних штормов, а кто-то уверенно заявлял, что и на «Тигрицу» нашлась управа – не иначе, как Сет самолично явился разобраться с парочкой смертных, не боявшихся никого и ничего. Так или иначе, а зловещая галера с резной головой тигрицы на носу не появлялась на горизонте, и многие облегченно вздохнули, решив, что она не появится больше никогда.

И ошиблись. Спустя три или четыре года северянин вернулся откуда-то с востока – то ли из расположенного на самом краю земли Турана, то ли из еще более далеких Кхитая и Вендии, с полными карманами золота, и подался на Барахские острова, где в скором времени обзавелся галерой, названной в честь сгинувшей тоже «Тигрицей», собрал команду из лихих парней и вышел в Западный Океан. Тогда же наконец выяснилось, куда делась неукротимая Белит – погибла вместе с большей частью своей команды в Стигии, на ядовитой реке Заркхебе, в брошенном городе, где бешеная парочка попыталась раздобыть древние сокровища…

«Тигрица» – Вторая оказалась ничем не лучше предшественницы, и проклятий от ограбленных купцов на нее сыпалось ничуть не меньше. Но и эта галера сгинула в небывалой силы шторме, пришедшем с севера и пронесшимся над океаном, подобно гневу богов далеких полуночных стран. В приморских городах украдкой шептались, что ураган был не простым порождением играющих стихий, а создан враждующими колдунами. Маги тут были виноваты или не маги, а доподлинно

вскоре стало известно – «Тигрица» разбилась на острых камнях у побережья одного из многочисленных островков. В четырех морских державах снова возблагодарили богов, и опять оказалось, что поторопились…

Впрочем, купцам было грех жаловаться – они получили почти пять лет передышки и спокойной жизни, прежде чем бывший капитан «Тигрицы» вновь возник на Южном побережье. Вернее, сначала Конан Киммерийский появился на Барахских островах, но с кем-то не поладил (что было совершенно не удивительно при его буйном характере и простых взглядах на жизнь) и отправился на поиски удачи дальше. Он и нашел ее – на зингарских берегах, где остановился карак под названием «Вестрел», принадлежавший вольному корсару Запораво, не входившему ни в Красное Братство, ни в сообщество королевских корсаров Зингарской короны.

Прошло менее месяца, и капитан на караке сменился. Прежний, между прочим, остался кормить стервятников на далеком южном острове, не нанесенном на карты Западного Океана – редко какой удалец отваживался забираться в эдакую даль. «Вестрел» благополучно вернулся в Кордаву, новый капитан разумно предпочел делиться доходами с короной, получив взамен удобную гавань, одну из лучших на всем Южном побережье, и патент «королевского корсара».

А четыре или пять месяцев назад, когда в королевском дворце произошли некие странные и загадочные события, связанные с молодой принцессой Чабелой (рассказывали про ее несостоявшееся замужество), «Вестрел» и его капитан невероятным образом оказались в самом центре событий. Что в действительности произошло – осталось тайной за семью печатями… Карак по-прежнему уходил в море и возвращался, три четверти награбленного добра оседали в подземельях кордавского коронного замка, и все было, как всегда… Ну, или почти как всегда.

– Я, кажется к тебе обращаюсь. – снова громыхнул голос капитана Конана.

– Слушаю, капитан, – отозвался Вайд, мотнув головой, будто проснувшись.

– В море ходил?

– Да, два раза – в Аргос, – это было правдой, Вайд действительно бывал в Мессантии с торговыми галерами. О том, что первый раз путешествие было невольным – он прыгнул на отходящий от пристани корабль, спасаясь от разъяренного шемитского купца и его слуг, у которого незадолго до того срезал с пояса туго набитый кошелек – Вайд благоразумно умолчал. –

А… а что?

– Ничего, – буркнул в ответ неразговорчивый варвар. – Приходи завтра к Новой Гавани. К «Вестрелу». Там посмотрим…

Сказав это, Конан круто развернулся на каблуках и стремительно зашагал вниз по улице, оставив Вайда стоять с полуоткрытым от удивления ртом и гадать, не подкидывет ли ему насмешливый Бел, покровитель воров и бродяг, новенькую неожиданную каверзу.

Наутро все произошедшее показалось Вайду не более чем причудливым сном, но внушительная шишка на затылке и тяжелый мешочек с медью и серебром неоспоримо доказывали обратное. Прикинув, как сейчас поступить, Вайд невольно припомнил маму Акму. Конечно, большую часть своей жизни почтенная родительница несла редкостную по глупости чушь, но кое в чем была безусловно права. Например, матушка всегда утверждала: «Если ты своими глазами видел, как человек уронил в выгребную яму набитый кошелек и не стал его доставать, сходи и пошарь. То, что потеряешь, не идет ни в какое сравнение с тем, что можешь найти…»

– Вот твоя навозная яма, – поделился сам с собой Вайд. – Прыгнем? Обязательно прыгнем, только сначала позавтракаем… Хорошо быть богатым… Хоть иногда…

Знаменитый «Вестрел», предусмотрительно отшвартованный в самом конце гавани, поближе к выходу в океан, при ближайшем рассмотрении несколько разочаровал – обычный карак, потрепанный штормами и не в меру игривыми волнами. На борту, свесив ноги, сидел мальчишка-зингарец, на вид чуть постарше Вайда, и с глубокомысленным видом поплевывал в воду вишневыми косточками. Очередная косточка звонко стукнулась о причал, мальчишка поднял голову, внимательно осмотрел несколько удивленного гостя с ног до головы, точно прикидывая, сколько в нем живого веса, и свысока осведомился:

– Куда прешься?

– Если это корыто – «Вестрел», то сюда… А капитан где?

– Ушел, – мальчишка пожал плечами. – Я что, нанимался за ним следить? Ты – Вайд?

– До вчерашнего дня – да.

– Тогда не стой как… – мальчишка хихикнул. – Поднимайся. Меня, кстати, кличут Болто, я здесь юнгой. Ну что, до вечера будешь стоять и пялиться?

– Куда идти – туда? – Вайд оторопело посмотрел на ехидную физиономию мальчишки, но тот, видно, не шутил, предлагая подняться на борт. Болто демонстративно постучал себя указательным по голове и вынес приговор:

– Ну и тупой… Сюда, сюда.

Вайд редко обращался с просьбами к богам, вполне справедливо полагая, что у небожителей и без него хватает забот, но сейчас, кажется, был именно такой случай…

«Митра, говорят, ты все видишь и все знаешь, так прими во внимание, пожалуйста, что я этого не хотел! Честное слово, все как-то само собой получилось… Ну что, прыгаем?»

Вместо полагающихся мостков с борта корабля на причал были переброшены две хлипкие на вид и проседающие под ногами доски. Маленькие, мерцающие золотом под утренним солнцем, волны покачивали карак, поскрипывали снасти. Продолжая ломать голову над загадкой, зачем капитану королевских корсаров понадобился на судне человек, почти незнакомый с морем и напрочь неподходящий для включения в команду, Вайд перебрался с берега на корабль.

«Сейчас мешок на голову, в трюм, отвезут куда подальше и продадут, – с мрачным весельем подумал он, оказавшись на палубе. – Только кто купит?»

* * *

Вайд, задремавший под плеск волн, проснулся от того, что палуба под ним резко качнулась и он едва не скатился по лестнице вниз, успев схватиться за точеную колонку перил. Ветер менялся, заходя с юга, и Сигурд разворачивал корабль на другой галс. Берег, что с утра казался темным облаком, прилегшим на горизонте, теперь приблизился. Судя по различимым даже отсюда желто-оранжевым скалистым обрывам и тому, что вода в море стала гораздо светлее, неподалеку находилось устье одной из самых больших рек Южного побережья – Хорота. А значит, и расположенная неподалеку Мессантия, и аргосские боевые галеры, которые с величайшим удовольствием погоняются за потерявшим часть парусов караком и, по возможности, отправят его на дно.

На палубе стало оживленнее – проснувшийся экипаж выбирался наверх, глотнуть свежего воздуха и взглянуть, что делается в мире. Вайд услышал пронзительный возмущенный голос грозы команды – боцмана Зелтрана, распекавшего кого-то под первое и под десятое, поминая всех морских демонов, и требовавшего, чтобы немедленно – немедленно, слышали, сборище недоумков? – все безобразие на палубе и в трюме было

убрано, потому что это не корабль, а плавучий хлев, а боцман не собирался идти на одном судне со свиньями!..

– Ставлю четвертак, что Крикун сейчас помянет зингарскую корону, – предложил Вайд, с интересом наблюдая за мечущимся по палубе боцманом. Сверху казалось, что у грузного Зелтрана совсем нет ног и он эдаким говорливым шариком катается от борта к борту. – И что мы недостойны высокого звания корсаров его величества… Кстати, где наш флаг?

– Ну и выиграл ты свой четвертак, – отозвался Сигурд. – А флаг вчера сорвало. Сходи вниз, поищи, может запасной есть, а то вдруг аргосцы не разглядят и за своих примут. Некрасиво получится: они к нам, как к родным, а мы их…

– Вниз – ни за что! – Вайд попятился от лестницы и огляделся – нету ли местечка, где можно спрятаться. Такового на маленькой площадке верхней палубы, конечно, не оказалось, разве что за борт прыгнуть. – Там капитан. И Санча, кошка драная…

И точно – Санча, состроив обиженное личико маленькой девочки из хорошей семьи, которую толкнул пробегавший мимо уличный оборванец, с жаром повествовала о всех мыслимых и немыслимых оскорблениях, нанесенных ей подлым Крысенком. Какое-то время капитан внимательно слушал ее, затем поднял голову и осмотрел корабль, явно кого-то выискивая.

– Все, – обреченно сказал Вайд. – Пожаловалась. Как сейчас все славно повеселятся, кроме меня… Не поминайте лихом. Говорят, мучеников пропускают в рай без очереди…

– Так тебя в раю и ждут, – жестоко заметил здравомыслящий Сигурд. – Таким знаешь, где место?

– Варвар, – отозвался Вайд. – Никакого сочувствия. Это оттого, что ты мне остался должен. Отгадай, какая разница между задницей вашего Имира и твоей головой?

– Ну? – подозрительно спросил Сигурд.

– Ты говорить умеешь, – быстро проговорил Вайд и с воплем: – Капитан, вы не меня случайно ищете? – спрыгнул с рулевой палубы вниз, навстречу неизбежной расправе.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кордава, столица Зингары

В таверне «Девять стрел», располагавшейся на Портовой улице Кордавы и принадлежавшей вот уже четвертому или пятому поколению почтенного семейства Габоралов, было шумно. Настолько шумно, что обитатели близлежащих домов начинали подумывать, не сходить ли за силами охраны порядка и законности, то бишь за обходящими город патрулями. Звуки, доносящиеся из тихого и спокойного доселе заведения, наводили на мысль, что в таверне развернулось настоящее сражение не на жизнь, а на смерть. Табуреты и бесчувственные тела из окон, правда, пока не летели, но дружный ор, перемежаемый пронзительными женскими взвизгиваниями и хихиканьем, разносился на несколько окрестных кварталов, неминуемо предвещая погром и пьяную драку. Если не в таверне, то на улицах. А не на улицах, так в порту… Таверна пережила три пожара, осаду города и несчитанное число ураганов, но кто знает, не увидят ли утром на ее месте гору дымящихся обломков?

Никто не помнил, кто из первых владельцев прибил над входом в кабачок широкую доску с воткнутыми в нее девятью короткими толстыми стрелами, отлитыми из темно-красной меди. Стрелы походили на арбалетные, но они никогда не касались арбалетного ложа, их просто однажды загнали в волокнистую древесину по самое оперение, и в таком виде они успешно заменяли вывеску.

Но сегодня собравшимся возле входа изрядно разозленным горожанам было не до происхождения девятки стрел. Благонамеренные кордавцы, напрочь забыв о правилах поведения в обществе, решали: кто отправится к Габоралу и выяснит, какие мерзавцы гуляют у него вот уже третий день и все не нагуляются, а также – не пора ли принять меры по принудительному прекращению излишне буйного веселья.

Наконец, собрание разыскало в своих рядах наиболее достойного – того, которому было нечего терять и по чьей безвременной кончине не станут убиваться безутешная вдова и осиротевшие детишки. Выбранный представитель, только что кричавший громче всех, сразу сник и попытался отказаться от столь почетного поручения, но, слегка подталкиваемый в спину, спустился на три ступеньки вниз, распахнул тяжелую дубовую

дверь и исчез в клубах гулявшего по таверне сизого дыма.

Ждали его долго. Толпа под дверями «Стрел» успела разрастись вдвое и некоторые уже бились об заклад, что посланник сгинул навеки, когда дверь чуть приоткрылась и в образовавшуюся щель выпал представитель народа. Взобравшись на четвереньках по ступенькам наверх, он с бессмысленной, но счастливой улыбкой свернулся калачиком под стеной питейного заведения и явно вознамерился малость вздремнуть, не обращая внимания на сыпавшиеся со всех сторон вопросы. Лишь после того, как ему на голову вылили пару ведер холодной воды, народный избранник, запинаясь, сообщил интересующую всех собравшихся вещь:

– «В-вестрел»…

Горожане переглянулись и обреченно вздохнули, мысленно посочувствовав бедняге Габоралу и самим себе. Предпринимать что-либо или обращаться за помощью к гвардейцам было совершенно бесполезно: еще не родился человек, что смог бы укротить разошедшийся после удачного похода экипаж корсарского карака. Все, что оставалось сделать в такой ситуации – от души проклясть засевших в таверне пиратов и разойтись по домам, надеясь, что рано или поздно золото у беспутных проходимцев кончится и они вернутся туда, откуда пришли – в море…

Одетый в темное человек, пристально наблюдавший за недовольной, медленно редеющей толпой из густой тени под аркой дома напротив «Девяти стрел», вышел на улицу и остановил одного из почтенного вида горожан. Последний совершенно не мог смириться с поражением и горячо доказывал, что нужно спалить к Нергалу таверну. Сообразив, что перед ним приезжий или тот, кто не слышал слов рискнувшего зайти в таверну, кордавец с радостью ухватился за неожиданно представившуюся возможность отвести душу.

Он подробно высказал все, что думает о престарелом короле Зингары и его безумных решениях, последствия которых расхлебывают несчастные подданные. Вот, например, эти королевские корсары, чтоб им всем провалиться сквозь землю или утопнуть вместе со своими проклятыми кораблями! Ни днем, ни ночью покоя нет, управы на них никакой, и пожаловаться не смей – они, видишь ли, под особым покровительством короны, так что тебе же и нагорит, коли против них ляпнешь что-то! Зачем, спрашивается, они нужны – против барахцев? Так половина из этих мерзавцев сами бывшие барахцы, и против своих дружков никогда в жизни не пойдут! Предположим, от Аргоса они худо-бедно зингарские корабли защищают, но ведь и

сами, ежели случай подвернется, ограбят и смотреть не будут, кому принадлежала обчищенная подчистую галера.

А этих, с «Вестрела», давно пора гнать из города, вместе с их капитаном-варваром, которого даже гнев богов не берет! Любой другой нормальный человек уже давно отправился бы прямиком на Серые Равнины, давать отчет о своих делах Владыке Мертвых, а киммерийскому дикарю хоть бы что! Сколько раз достоверно утверждали, что отправили его на дно – два, три, десять? И каждый раз он снова возвращается!

– Варвар? – впервые проявил признаки заинтересованности доселе молчаливо внимавший горячему монологу обывателя славного коронного города Кордавы его собеседник.

– Самый что ни на есть варвар и дикарь! – заверил его горожанин. – Из этой, как ее… Ну, которая на севере, за Аквилонией… Чего ему дома не сиделось, не понимаю?

– И он сейчас там? – незнакомец кивнул в сторону таверны, продолжавшей содрогаться от разудалых криков и раскатов хохота.

– Где ж еще? – недоуменно отозвался горожанин и с растущим подозрением осведомился: – А у вас что, дело до него имеется?

– Вроде того… – неопределенно отозвался неизвестный, пересекая улицу и дергая на себя бронзовое кольцо на дверях «Девяти стрел». – Вроде того…

Достойный кордавец посмотрел ему вслед, в сердцах сплюнул, помянув Сета с его выкормышами, и отправился домой, размышляя по дороге, что могло понадобиться порядочному с виду человеку от такого злодея, каким, вне всякого сомнения является пиратский капитан, пусть и служащий высокой короне…

В просторном зале таверны, освещенном тускло горевшими плошками с маслом, за несколькими составленными вместе столами десятка два типов самого разбойного вида немелодично, но очень громко и дружно горланили разухабистую балладу о капитане Ригелло, первооткрывателе Барахских островов. Баллада повествовала о некоторых подробностях этого самого открытия, которые наверняка не были отмечены ни в одной летописи Южного побережья. Сидевшие вперемешку с корсарами девицы с готовностью взвизгивали в самых интересных местах и жеманно посмеивались. В дальнем углу оживленно резались в кости, и, судя по долетавшим выкрикам, ставки быстро приближались к ежегодному доходу процветающего купца.

– Сброд, – вполголоса пробормотал посетитель, сразу же споткнувшийся о чье-то не подающее признаков тело. Быстрый осмотр убедил его, что тело принадлежит некоему бравому

мореходу, пребывающему в состоянии блаженного опьянения, но пока отнюдь не мертвому.

Появлению в «Девяти стрелах» еще одного страждущего никто не удивился; точнее, его просто не заметили. Гость, прищурившись, оглядел темноватое помещение со сводчатыми потолками и маленькими зарешеченными окнами, перестроенное некогда из большого винного подвала. На потолке и стенах, заботливо побеленных рачительным хозяином, посетители оставили множество следов своего пребывания, расписав с помощью копоти от факелов и свечей белую известь названиями кораблей, собственными именами, а также высказываниями, многие из которых можно бы было назвать мудрыми, будь они высказаны несколько другим языком и в более доступной пониманию простого обывателя форме…

По таверне тугими сизыми клубами плавал дым, вытекая из распахнутых настежь дверей кухни, где что-то вовсю шипело, трещало и булькало. Взмокшие служанки носились по таверне с подносами, уставленными тарелками, кружками и бутылями. Сложенным вдоль стен в пирамиды огромным винным бочкам устроили форменное кровопускание, постоянно забывая закрывать краны, и весело журчащие струйки темного и светлого вина сливались на полу в причудливые лужицы, над которыми поднимался кисловатый терпкий аромат.

Разудалая баллада завершилась общим дружным воплем, от которого ощутимо дрогнули стены, а затем последовал новый клич: «Хозяин! Вина!!»

Посетитель – ничем не примечательный человек средних лет, по виду типичный зингарец, с тронутыми сединой черными волосами, быстрыми темными глазами и острой бородкой, в одежде которого преобладали темные тона, с расчетом на то, чтобы в любой толпе не привлекать внимания, снова осмотрел зал, задержавшись взглядом на стоявшем особняком столе и людях, сидевшим за ним.

– Зачем пожаловали? – довольно развязно осведомился у гостя, явно колебавшегося – уйти или остаться? – незаметно подошедший молодой человек с потрепанной виолой под мышкой и с огромной пенящейся кружкой в руках. И вопрос, и нахальный тон были направлены на то, чтобы заставить нежданного посетителя побыстрее убраться, пока цел, но вместо этого зингарец деловито спросил:

– Капитан здесь?

– А что, он тебе позарез нужен, дедуля? – пират попытался отхлебнуть из своей кружки и едва не выронил жалобно звякнувший инструмент.

– Да, – посетитель неуловимо быстрым движением извлек откуда-то ярко блеснувший кругляшок. С привычной ловкостью, выдававшей немалый опыт, обладатель виолы выхватил монетку, попробовал на зуб, и после некоторого размышления кивнул:

– Пошли.

* * *

Прошедший месяц был удачным. Очень удачным, если не принимать в расчет стремление Фердруго набить свою казну и желательно за чужой счет. Треть от добычи, где ж такое видано? И это после всего, что сделано для потерявшего последние остатки разума старикашки! Конечно, нигде на Южных побережьях не найдешь гавани лучше кордавской, но весь вопрос в том, насколько далеко простирается расположение короля к собственным корсарам? Если этот предел уже близко, то тогда – прощай, Кордава! Хотя совсем не хочется так быстро покидать приморский город…

Конану действительно нравилась зингаранская столица, хотя он предпочитал никогда надолго не задерживаться в городах. Шумная, многолюдная Кордава – как раз то место, где проще простого затеряться. Варвар уже бывал здесь, и с некоторым удивлением обнаружил, что за прошедшие годы в городе почти ничего не изменилось. Разве что старый хрыч и скряга Фердруго стал еще старее и скупее, а его маленькая дочка выросла.

Вспомнив о принцессе Чабеле, Конан невольно ухмыльнулся. Конечно, мысль женится на ней можно оправдать только временным умопомешательством, вызванным слишком длительной беготней под одуряюще жарким солнцем Стигии и Черных Королевств. Слава всем богам, сколько их не есть, Чабела оказалась умной девушкой и вовремя поняла всю безнадежность своей затеи, тем самым спася родную страну от немыслимого бедствия, в виде киммерийского варвара на древнем кордавском престоле. Хотя, надо признать, задумано было неплохо… Ладно, трон Конану уже как-то предсказывали, и какую-нибудь корону он себе непременно добудет, но не таким же способом!

«Ваше здоровье, принцесса», – пробормотав это, Конан опрокинул очередную кружку темного аргосского, и взглянул, что творится в таверне. В зале кабака вовсю веселились, следовательно, большая часть добытого золота, уцелевшая от бдительного ока чиновников Фердруго, сейчас стремительно

перетекает либо к хозяину «Стрел», либо к вопящим девицам… Запретить, что ли, команде пить вино в таких количествах? А то вчера вернулись, а завтра опять тащись в море… Или не вчера?

– Зелтран! Зелтран, осьминога тебе в задницу, проснись!

Но боцмана, упавшего головой в тарелку с обглоданными костям и сладко похрапывавшего, не могло разбудить ничто и никто, даже капитанские крики в ухо. Ладно, пусть проспится…

– Хозяин!

Ага, Габорал, на лице которого читалась неприкрытая озабоченность тем, что господа королевские корсары уже упились до скотского состояния и явно гадавший, уцелеет ли его таверна к завтрашнему утру, возник у стола почти мгновенно.

– Да, капитан?

– Еще аргосского!

– Аргосского больше нет, – голосом, полным искреннего сожаления по отсутствующему напитку, сообщил хозяин. – Кончилось…

– А что осталось? – поинтересовался Конан, уверенный, что хозяин наверняка врет, надеясь, что капитан со своими бандитами уберется отсюда. А вот и не выйдет…

– Кордавское, – с готовностью сообщил Габорал.

– Разведенная моча, – вздохнул киммериец. – Ладно, тащи…

Когда новый бочонок был водружен на стол и кружки наполнены доверху, капитан королевских корсаров мрачно задумался о том, долго ли ему еще оставаться в этом звании. Все зависело от ответа на вопрос: уцелел ли хоть кто-нибудь с той злополучной галеры, на которую «Вестрел» наткнулся у побережья Шема? Тогда над морем стоял утренний туман, и, когда из плотной серой пелены под самым носом карака выплыл длинный корпус дрейфующей в ожидании рассвета галеры, все сочли, что упускать подобный случай – себя не уважать. На галере и пикнуть не успели, хотя некоторые в возникшей суматохе успели сигануть за борт и поплыть к близкому берегу. Значения тому не придали, но, когда содержимое трюмов галеры уже частично переместилось на палубу «Вестрела», кому-то по чистой случайности пришло в голову взглянуть на флаг захваченного судна.

А флаг оказался зингарским…

В сущности это ничего не значило – мало ли кто мог напасть на галеру, и, даже если сбежавшие с нее и добрались до берега, кто поручится за то, что они сумеют вернуться в Кордаву? Но за многие годы странствий северянин хорошо усвоил подлый закон жизни – если неприятность может произойти, она непременно произойдет. Вопрос в том, кто и под каким соусом преподнесет

замечательную новость о проделке капитана Конана Фердруго, и не будет ли старый король в этот день страдать, скажем, несварением желудка? А то под такое дело еще прикажет развесить пиратов короны, стоящих у него как кость поперек горла, на городской набережной. В качестве дополнительного украшения улиц столицы, так сказать… И никакие прошлые заслуги не спасут. Наверное, все короли страдают короткой памятью; во всяком случае те, что встречались Конану, были именно такими – при первой возможности царственные особы забывали, чем обязаны северному наемнику и старались любым способом от него отделаться.

Ну и Нергал с ним, с Фердруго, выгонит – ему же хуже… Можно опять податься на острова, хотя такое сборище скорпионов, готовых в любой момент вцепиться друг дружке в горло, даже вспоминать неохота… Вдобавок там на варвара тоже злы – он, видите ли, нарушил какой-то из идиотских пиратских законов. Всю жизнь северянин плевал на законы, кроме тех, что сам устанавливал для себя, и не собирался так запросто менять свои убеждения. Поэтому он без всякого сожаления и очень скоро покинул Барахский архипелаг, наткнувшись по дороге на «Вестрел»…

Конан попытался заново растолкать боцмана, потому что пить в одиночку вовсе не привык, но Зелтран лишь неразборчиво мычал и просыпаться не собирался. Пришлось налить только себе, но тут за спиной у киммерийца раздалось пронзительное:

– Капитан, по вашу душу пришли!

Конан скривился – у этого мальчишки голос, как у осла – аж в ушах звенит. На кой он тогда его подобрал – Далайо досадить захотелось? Досадил, называется – привел на корабль гремучую змею и любопытного хорька в одном лице. Впрочем, от мальчишки была и несомненная польза – он развлекал команду и всегда был в курсе городских сплетен и новостей. Если бы еще и болтал при этом поменьше, вовсе б не было Вайду цены. А Далайо, кстати, зря пытался скрыться от барахцев под защитой кордавской короны – они все равно его нашли…

– Кто? – недовольно осведомился киммериец.

– Не знаю, капитан. Вот этот, – и Крысенок подтолкнул молчаливого посетителя к столу, а сам уселся поодаль на колченогий табурет, прислонился к стене и притворился, что дремлет. Конан не сомневался, что из предстоящего любопытного разговора не будет пропущено ни единого слова. Если бы у мальчишки были уши как у собаки, то сейчас бы они наверняка стояли торчком, ловя малейший звук. Или как у летучей мыши – вращались бы изо всех сил в разные стороны…

– Ну? – киммериец плеснул в свою опустевшую кружку темной приторно-сладкой жидкости и взглянул на брезгливо подсевшего к загаженному столу незнакомца. – Предупреждаю, мы – не торговое судно и грузов не берем. Пассажиров – тоже.

– Я знаю, – негромко сказал неизвестный. – Если бы требовался торговый корабль, то я нанял бы его в другом месте… Но мне нужны именно вы, капитан Конан. Вы и ваша команда.

– На кой? – коротко поинтересовался киммериец, так и не предложив своему собеседнику выпить. – Не люблю иметь дело с людьми, которые знают меня, но забывают назваться сами. Всегда выясняется, что они что-то скрывают…

Этот тихоня Конану определенно не нравился. Вечно все самые большие неприятности происходят от тихих и незаметных людишек…Чего ему надо? Не барахцы ли решили достать его таким способом? Ну что же, тогда они получат своего посланника обратно по частям…

– Мне скрывать нечего, в отличие от вас, капитан, – равнодушно пожал плечами зингарец. – Можете называть меня Вальдрио. Я хочу предложить вам… работу.

– Почему нам? В городе полно головорезов, которые за пару монет ограбят для вас Коронный замок и не будут задавать лишних вопросов… Кстати, что за чушь насчет того, что мне есть что скрывать?

– «Араминта», – тем же тихим невозмутимым голосом произнес Вальдрио.

– Это что, ваша жена или дочка? – Конан со стуком поставил наполовину опустевшую кружку на стол, и невесело подумал, что пророк из него вышел неплохой, только все предсказания мрачные… Откуда, Сет его побери, этот сухопутный заморыш может знать об «Араминте», тихо гниющей где-нибудь на пустынном берегу Шема?

– Не прикидывайтесь, капитан, – Вальдрио окликнул пробегавшую мимо служанку и попросил принести ему кружечку кордавского, желательно пятилетней давности. – Вы прекрасно знаете, о чем я. О галере «Араминта», которая вышла отсюда, направляясь в Асгалун, да так и не добралась. Ее не могло утопить штормом, потому что на галере были опытные капитан и рулевой. Впрочем, что говорить, вы не хуже меня знаете, куда она делась…Я не утверждаю, что вы это сделали специально, в конце концов, даже в таком… м-м… ремесле, как ваше, случаются ошибки. Дело не в галере и даже не в грузе, который был достаточно ценен, а в одном из пассажиров. Капитан, вы и ваши люди отправили на Серые Равнины близкого родственника короля, что, согласитесь, уже попахивает чем-то большим, чем

простое и незамысловатое пиратство.

«Та-ак! Значит, этот тип, разряженный как павлин, действительно был важной персоной! Впрочем, он сам виноват – схватился за меч, так умей его держать! Но каким образом…»

Конан хорошо запомнил внезапно выскочившего из каюты человека, успевшего даже ранить кого-то из команды «Вестрела», вовсю хозяйничавшей на палубе захваченной галеры. Слишком резвому защитнику слегка стукнули по голове веслом, чего ему вполне хватило. Труп, после недолгого колебания, выкинули за борт, тут же позабыв о досадном происшествии. Но что королевский родственник мог делать на обычной торговой галере?

– Ехать, не привлекая внимания, в Шем, – оказывается, последнюю фразу киммериец, не заметив, произнес вслух, и Вальдрио, только что получивший свою кружку и с видимым удовольствием смаковавший ее содержимое, ответил. – Впрочем, это меня не касается. Важно лишь то, что вы его убили, и королю это обстоятельство доселе неизвестно. А также то, что Фердруго может и дальше оставаться в блаженном неведении. Конечно, рано или поздно он узнает об этом прискорбном событии, но не от меня, и ваше имя не будет иметь к случившемуся ни малейшего отношения.

– А если я сейчас пошлю вас подальше, а законникам Фердруго скажу, что в глаза не видел никакой галеры под названием «Араминта»? Что тогда?

– Тогда, во-первых, состоится королевский суд, на котором будут свидетели, которые подтвердят, что вы и ваши люди поджидали несчастную галеру с одной-единственной целью – отправить в Царство Мертвых ее пассажира, – обстоятельно и с нескрываемым сарказмом начал расписывать предстоящие Конану неприятности зингарец. – Во-вторых, спокойная жизнь в Кордаве для вас в любом случае закончится. Я полагаю, что вам-то на это наплевать, но есть люди, которые вам доверяют, и вряд ли вам захочется, чтобы они пострадали… Хотя, может, в варварских землях так и полагается? И в-третьих…

– Первых двух вполне достаточно, – мрачно буркнул Конан. – Из какой навозной кучи ты выполз, а?

– Это неважно. Так вы согласны выслушать мое предложение?

– Валяй, – кивнул северянин, подумав, что лучше всего было в то неудачное утро пройти мимо треклятой галеры. Но сделанного, как известно, не воротишь, даже если очень хочется. Ладно, послушаем, чего нужно этому не в меру осведомленному типу…

Вальдрио бросил по сторонам быстрый взгляд, убедившись,

что никто их не подслушивает – большинство корсаров уже мирно спали на лавках и под столами, а те, кто пока был в состоянии передвигаться и шевелить языком, с трудом, но весьма увлеченно подсчитывали количество очков, выпавших на костях, и не обращали внимания на то, что поделывает и с кем разговаривает капитан. Крысенок старательно похрапывал, вторя боцману.

– Раздобудьте для меня одну вещицу. Я не настаиваю, чтобы немедленно бросились туда, где она находится, но чем быстрее вы соберетесь и приступите к делу, тем будет лучше для всех нас.

– Что за вещь-то? – каждый раз, когда киммериец слышал – «достаньте мне то-то или то-то», жизнь превращалась в сплошной кавардак, и Конан искренне удивлялся, как умудряется уцелеть в сыплющихся на его многострадальную голову неприятностях.

– Не знаю, – спокойно ответил зингарец.

– Это как? – опешил Конан. – Не знаешь?

– Да. Есть карта места, где она хранится. Я знаю туда дорогу. Но не имею представления, как выглядит искомый предмет. Именно поэтому я предпочел обратиться к вам. Кое-кто из ваших старых знакомых утверждает, что вы прекрасно справляетесь с подобными делами, и я этому верю… раз вы до сих пор живы.

– Ну и где же прикажете искать ваше сокровище? – ядовито осведомился северянин, чувствуя, что Вальдрио темнит. Что это за «знакомые», которым известно о его прошлых сомнительных подвигах? Или кто-то наболтал о происшедшем на Безымянном острове и позже, в кордавском дворце? Интересно, кто? Найти бы того болтуна и язык малость укоротить, чтобы думал в следующий раз, прежде чем трепаться…

– Бухта Красных Скал на побережье Стигии, возле границы с Кушем. Места пустынные, так что сможете спокойно высадиться. Затем – лиг десять прямо на восход, в направлении Сухмета. Увидите горы – не ошибетесь, других там нет – сворачивайте на юг и держитесь вдоль реки, что течет с гор. Река приведет вас, куда надо. Дальше можете воспользоваться картой. Местоположение нужного мне предмета на ней отмечено, а все, что встретится на пути и, на ваш взгляд, представляет ценность – принадлежит вам. Кроме того, я оплачиваю расходы на предстоящее путешествие и услуги ваших людей. Окончательный расчет производится после вашего возвращения с найденным предметом. Не сомневайтесь, сумма будет достаточной для того, чтобы каждый член экипажа «Вестрела» остался доволен… Мы договорились?

– Можно подумать, у меня есть выбор… А с какой стати я должен доверять тебе?

– С такой же, с какой и я, – холодно ответил зингарец. – Ведь

ничто не помешает вам забрать все, что вы найдете, и не возвращаться в Кордаву. Тогда уже не будет иметь значения, узнает Фердруго о ваших делишках или нет.

Вальдрио порылся в небольшой сумке из тисненой кожи, висевшей на поясе, вытащил маленький железный ключ с резной бородкой и положил его на стол, отодвинув в сторону полупустые кружки и тарелки с объедками.

– Это – залог нашего договора. Утром деньги будут доставлены на корабль, а ключ послужит знаком, что они именно от меня.

Зингарец бросил на стол монеты – плату за вино, поднялся и направился к выходу. Отойдя на пару шагов, он оглянулся, коротко и жестко улыбнувшись, и негромко сказал:

– Но все же вам лучше вернуться, капитан. Лучше для вас и для ваших людей.

Конан проводил его мрачным взглядом, и, не оборачиваясь, вполголоса позвал:

– Крысенок!

Храп мгновенно прекратился, и Вайд возник на опустевшем месте зингарца, тут же завладев его кружкой, в которой еще плескалось на дне дешевое вино, и уставился на капитана изумленными глазами:

– Капитан, он не может знать об «Араминте»! Никто в целом свете не может о ней знать!

– А этот знает, чтоб его Сет сожрал… Ты его когда-нибудь встречал?

Крысенок сосредоточенно подумал, не забывая отхлебывать из кружки, и помотал головой:

– Не могу же я помнить всю Кордаву! Но этот тип не тот, кем пытается казаться. Одежда купеческая или чиновничья, но не похож он на…

– Без тебя знаю, – огрызнулся киммериец. – Вот что, найди кого-нибудь, способного передвигать ногами, и марш за этим искателем сокровищ. Хотелось бы знать, куда он пойдет… Хоть убейте, а почему-то мне кажется, что он только передал порученное, а сам имеет к этому такое же отношение, как вон тот стол.

Вайд согласно закивал, вытянулся, будто королевский гвардеец на посту у спальни своего монарха, едва не щелкнув каблуками, и отчеканил:

– Будет сделано, капитан!

После чего бросился расталкивать своего неразлучного приятеля Болто, тихо-мирно дремавшего в темном уголке. Уже вдвоем они пинками и уговорами подняли на ноги Саргоса,

туповатого и медлительного, но зато сильного, как бык. Расчет был правильным – двое таких уличных проходимцев, как Вайд и Болто, пролезут в любую щель и везде сунут свой любознательный нос, а в случае чего Саргос вытащит их из почти любой возможной заварушки. Троица быстро пошушукалась, и исчезла за дверями в уже начинавших спускаться на город сумерках.

* * *

Посмотреть со стороны, так все было привычно – любой человек, у которого достаточно золота и имеется минимальный талант убеждать, сможет подвигнуть королевских корсаров на небольшие авантюры ради блага нанимателя и наполнения их собственных карманов. Не в первый раз, в конце концов! Для чего, собственно, существуют на свете наемники, корсары и им подобные искатели приключений, как не для того, чтобы добропорядочные и законопослушные граждане наслаждались безмятежной жизнью, предоставив свои проблемы и неприятности тем, кто умеет и привык с ними разбираться? Только никогда не забывайте платить за работу, а то наемники имеют вредную привычку бунтовать, не получив обещанного, а пиратский бунт – зрелище не из приятных, да и обойдется куда дороже…

Сейчас Конан был не в состоянии рассуждать нормально. Больше всего ему хотелось выйти из таверны, разыскать маленького зингарца со спокойно-холодным голосом, и вытрясти из него все, о чем тот предпочел умолчать. А еще – поговорить с кем-нибудь, способным трезво оценить положение со стороны и сказать, что же теперь делать.

Инстинкт, да и простое знание жизни хором твердили киммерийцу, что там, где к делу хоть немного причастна Стигия, добра не жди. Здесь сразу начинало пахнуть – и не пахнуть вовсе, вонять! – магией, а магию северянин не любил в любых проявлениях, независимо от цвета – черную, белую, серую или еще какую. Многочисленные магические штучки, с которыми варвару приходилось иметь дело, отличались пакостной особенностью прекращать действовать в самый ответственный момент, либо выяснялось, что вся некогда имевшаяся в них магия выдохлась, как вино в небрежно закупоренном кувшине. Кроме того, киммериец всегда предпочитал самостоятельно решать, принимать предложения о работе или нет. А сегодня поиск

неведомой штуковины ему просто-напросто навязали. Зингарец был прав – самому Конану было наплевать на то, попадет он в опалу к Фердруго или нет. Кордава – не единственный город на свете, и дорог из нее множество… Но на свете еще существовали три с лишним десятка человек, готовых пойти в огонь, воду и логово самого Сета вслед за киммерийцем, и было бы последней подлостью смыться и оставить их на расправу старому королю. С Фердруго станется извести под корень всю лихую команду «Вестрела», набранную с такими стараниями…

Не каждый день королевские корсары отправляют на встречу с Нергалом королевского родственника, так что старый интриган постарается, чтобы первый подобный случай стал и последним. А в назидание другим сорвиголовам Фердруго устроит такую бесподобную бойню, что и через десять лет помнить будут как команда карака «Вестрел» прощалась с этим светом… Придется тащиться в Стигию и искать «это неведомо что»… Одна надежда, что вещь действительно достаточно высоко ценится для того, чтобы и сам капитан, и его люди не пожалели о проделанном путешествии. И уповать, чтобы размеры этого предмета были не больше «Вестрела», а то как прикажете втаскивать его на корабль? Стигия и потом, вдобавок, на юг – это ж надо будет тащиться по джунглями, вот тоже большое удовольствие…

Зелтран наконец проснулся. Судя по его страдальческому виду и глазам, красным будто у голодного гуля из Рабирийских гор, боцмана мучило тяжкое похмелье. Само собой, что ни слова из происходившего у него над ухом разговора Зелтран не слышал, а сейчас был озабочен только тем, как бы поскорее избавиться от головной боли.

Зашевелились и по углам, постанывая и покряхтывая. Конан убедился, что его доблестная команда пережила загул, и настроена продолжить веселье. Габорал, похоже, смирился с мыслью, что команда карака останется у него жить, и даже выкатил откуда-то припрятанный было бочонок с аргосским. После двух кружек Зелтран слабым голосом заявил, что ему стало значительно лучше, и поинтересовался, действительно за столом еще кто-то сидел или ему показалось. Выяснилось, что затуманенные вином маленькие глазки боцмана кое-что сумели углядеть, но все, произошедшее потом, скрылось в непроглядном хмельном тумане…

Конан как раз пересказывал боцману свой разговор с неведомо откуда свалившимся подозрительным работодателем, когда гулко хлопнула входная дверь и в «Девять стрел» вошел посланный за зингарцем Вайд. Вид у него был такой, будто мальчишка только что невероятно хитроумным способом увел из

тщательно охраняемой сокровищницы Большую корону Кордавы, но на первом же перекрестке проиграл ее в «пять камешков». Туповато оглядевшись по сторонам, Крысенок остановил взгляд на капитане и целеустремленно направился к столу, наступая на руки и ноги лежавших на полу, и сопровождаемый возмущенными воплями и изощренными проклятьями.

– Капитан, они арестовали Болто и Саргоса, – бесцветным голосом сообщил он и не сел, а рухнул на стул, потянувшись к кружке Зелтрана.

– Чего? – недоуменно переспросили Конан и боцман «Вестрела». – Кто арестовал? За что?

– Королевские гвардейцы, – вяло ответил Вайд. – За то, что мы устроили драку в «Танцующей селедке» и убили кого-то… Не помню.

– Вспомни, – посоветовал киммериец. – Ты можешь толком рассказать, во что вы вляпались? Я тебя куда посылал?

«В жизни не поверю, что королевские гвардейцы решатся арестовать кого-то из корсаров, даже таких сопляков, как Крысенок и Болто! Да ведь с ними был Саргос, а с эдаким здоровяком никто, если в своем уме, связываться не станет!»

– Я и говорю, гвардейцы нас схватили в Кривом переулке и сказали, что, мол, мы зарезали какого-то хрыча в «Селедке», – уже бодрее сказал Вайд, осушив половину огромной кружки. – Капитан, я все-таки в состоянии отличить каравеллу от галеры и форму гвардии короля от одежд жрецов Митры!

– А вы действительно никого не прирезали? – поинтересовался удивленно слушавший и ровным счетом ничего не понимавший Зелтран.

– Да мы в «Селедку» совсем не заходили! Держались следом за тем типом, который такой умный, что мозги из ушей капают… Он сначала пошел на Парусную, там зашел в большой дом, из богатых, побыл внутри немного, и поковылял к Старой гавани, а мы за ним…

– И что? – нетерпеливо спросил Конан.

– А он шмыгнул в один домишко, и застрял там. Мы постояли, подождали – не высовывается. Болто сказал – давай покараулим, а ты сходи к капитану, расскажи, чего видели, и спроси – надо дальше ходить? Они остались, а я пошел к тебе. Пару улиц прошел – сзади крик. Рванул назад – а там стражники Болто с Саргосом вяжут! Пять человек – и откуда они взялись? – отродясь гвардия в Старую гавань не заглядывает, их туда ничем не заманишь! Я обратно побежал, а тот тип так из дома и не вышел. Скорее всего нас заметил и ушел через черный ход или еще как… – Вайд растерянно посмотрел на стремительно

мрачнеющие лица капитана и боцмана. – Белом клянусь, никого мы не убивали!

– Зелтран, присмотри, чтобы тут все было в порядке. А лучше поднимай всех наших да гони на корабль, – сквозь зубы процедил Конан, поднимаясь с табурета. – Пошли взглянем на гвардейцев, которым настолько надоела жизнь, что они решаются поднять руку на корсаров короны. Крысенок! Ты память по дороге не растерял?

– Нет, – кратко отозвался Вайд, решительно снимая висевший на стене массивный кованый фонарь с мерцающей внутри свечкой.

Принадлежавший киммерийцу огромный двуручный меч в простых ножнах, обтянутых кожей с бронзовыми накладками, стоял небрежно прислоненным возле стены. Конан на ходу подхватил его, подтолкнул замешкавшегося Вайда, яростно пнул дверь и первым выскочил из таверны на улицу. Смотревший им вслед Зелтран невольно подумал, что первому оказавшемуся на дороге разъяренного капитана гвардейцу очень не поздоровится…

Старая гавань и прилегавшие к ней кварталы были ровесниками города, а в старых летописях утверждалось, что некогда здесь стоял маленький рыбацкий поселок, из которого, собственно, и вырос славный город Кордава. Позже выстроили Новую гавань, известную на все Южное побережье, а Старую, обмелевшую и запущенную, нынче использовали всякие темные личности, которым лишнее внимание было совершенно ни к чему – контрабандисты, тайком навещавшие город представители Красного Братства, торговцы живым товаром и прочий сброд, какого хватает во всех приморских городах. Район вокруг гавани пользовался печальной известностью – в одиночку сюда не советовали соваться даже днем. Король Фердруго уже который год грозился, что под корень изведет этот рассадник пороков, но пока никаких заметных шагов для наведения там порядка не предпринималось. Обманчиво тихие и безобидные, покосившиеся домишки с черными провалами окон, окружившие Старую гавань, населял неразговорчивый люд, предпочитавший без лишней необходимости не показываться на улицах, а если и покидать дом, то исключительно по ночам… Короче, это было не то местечко, где почтенному горожанину хотелось бы провести остаток своей жизни.

Кривой переулок соответствовал своему названию – каждые десять шагов он менял направление почти на прямо противоположное, и Конан вскоре убедился, что без знающего любые закоулки в Кордаве Крысенка точно бы заблудился после третьего же поворота. Отставший поначалу Вайд теперь бодро

топал рядом, помахивая фонарем и оглядывая темные очертания домов. Наконец, он остановился и, еще раз все осмотрев, заявил:

– Пришли. Вот в ту халупу с башенкой зашел этот, как его… Вальдрио. А мы стояли вон там. Как вы думаете, капитан, куда наших увели?

– Тихо! – прошипел Конан, толкая мальчишку в глубокую стенную нишу. – Фонарь спрячь!

Крысенок послушно прикрыл фонарь полой плаща и только тогда осмелился прошептать:

– А что…

Из двухэтажного домика с темными окнами и съехавшей от старости набок башенкой вышли трое, представлявшие собой вполне привычную на улицах Кордавы картину – двое приятелей ведут до дома изрядно подвыпившего третьего, едва переставляющего ноги и грузно висящего на их плечах.

– Крысенок, а ведь это наш не в меру мудрый друг, – еле слышно сказал киммериец. – И он отнюдь не пьян… Стой здесь!

Вайд замер на месте, а Конан скользящим беззвучным шагом двинулся по погруженной в тень улице вслед за медленно удалявшейся троицей. Крысенок даже не успел заметить, когда длинный клинок переместился из ножен в руку северянина. Дальше начались странности. Он был уже шагах в пяти за спинами ничего не подозревавших субъектов, когда один из них оглянулся и коротко свистнул. В тот же момент вяло переставлявший ноги Вальдрио что-то невнятно выкрикнул, вырвался из рук своих то-ли сопровождающих, то-ли сторожей, и, пошатываясь, побежал по улице. Оставшаяся без своей добычи парочка, не долго думая, развернулась и быстро юркнула в ближайший проулок, заполненный непроглядной чернотой.

Бежавший Вальдрио неожиданно запнулся, глухо охнул и со всего размаху хлопнулся на торчащие булыжники мостовой. Раздался отчетливый сухой треск. Капитан ринулся вслед за скрывшимися любителями ночных прогулок и пустующих домов, и почти сразу же донеслись звуки схватки – лязгнуло железо, пронзительно и яростно вскрикнул человек…

Зингарец остался на попечении Крысенка, осторожно подошедшего к лежавшей ничком фигуре, и сразу понявшего, что падение вызвано вовсе не неровной мостовой – в спине Вальдрио торчали черные рукоятки двух тяжелых метательных ножей – один вошел точно между лопаток, второй вонзился повыше и левее. Между булыжников заблестели темные влажные струйки, Вайд приподнял фонарь повыше и отодвинулся – при падении зингарец разбил себе голову, ободрав всю кожу с виска.

Послышались быстрые шаги – возвращался Конан. Капитан

шел один.

– Удрали, – недовольно сказал он, подходя поближе и коротким движением забрасывая меч в ножны за спиной, – одного достал, но лишь оцарапал, а второй заскочил в какую-то развалюху и будто в воду канул. Ну, а здесь что?

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Кордава, столица Зингары

(продолжение)

Вайд красноречиво провел себе пальцем по горлу и развел руками. Поставив фонарь на мостовую, он быстро и привычно обшарил карманы и висевшую у пояса кожаную сумку покойника. Несколько золотых и серебряных монет разного достоинства, пара маленьких, хорошо выделанных кусков пергамента без каких-либо записей, полупустая баночка с чернилами – то, что носит с собой любой купец или состоятельный горожанин. Киммериец, нагнувшись, выдернул оба ножа, осмотрел и разочарованно пожал плечами:

– Клейма нет, обычные ножи… И что теперь?

– Не знаю, – честно сказал Вайд. На ночных улицах Кордавы люди частенько расстаются с жизнью, но сейчас случилось что-то совсем непонятное…

– Ты своими глазами видел, как он зашел в этот дом? – Конан посмотрел на молчаливую развалюху, которая не рассыпалась от старости только потому, что соседние дома подпирали ее.

– Видел. Он зашел туда сам, никто его не волочил и не звал. Он просто вошел, словно его там ждали или он там жил… Слушайте, капитан, мне кажется, или чем-то пахнет?

Они старательно принюхались – сладковатый дурманящий запах, без сомнения, шел от тела Вальдрио.

– Где-то я уже такое встречал… – озадаченно сказал Вайд. – Но где?

– Лотос, – подумав, определил киммериец. – Черный или желтый. Теперь понятно, почему он плелся, раскачиваясь, словно законченный пьяница. Здесь можно достать листья лотоса, Крысенок?

– В паре кварталов отсюда есть курильня, – припомнил Вайд. – А лотос может купить почти каждый, если у него есть чем заплатить и он знает, где спрашивать. Они заставили Вальдрио нанюхаться лотоса?

– Верно. Отвели бы к ближайшему причалу и столкнули. Утром стражники вытащат – ага, курильщик перебрал и отправился ловить луну в море. Или он бы просто тихо отдал

концы на берегу… Ну что, пойдем, посмотрим, что в этом домишке?

– Пошли, – согласно сказал Вайд, поднимая фонарь и подхватывая в другую руку один из ножей, оборвавших жизнь человека по имени Вальдрио (если таковое действительно было его именем), хотя идти в пустой дом ему совсем не хотелось. Второй нож Вайд сунул за пояс и побежал догонять Конана, уже стоявшего перед крыльцом в две ступеньки.

Из дома несло застарелой плесенью – запахом давно покинутого и необитаемого жилья. Никаких звуков из-за стоявшей нараспашку и едва держащейся на одной петле двери не доносилось. Конечно, в доме могло прятаться с десяток головорезов, подобных тем, что сбежали, предварительно прикончив Вальдрио, но, как киммериец не прислушивался, ничего не услышал. А люди, за редким исключением, не умеют сидеть в засаде беззвучно… Значит, в доме действительно никого не осталось.

Половицы под ногами издавали жуткий скрип, проседая при каждом шаге так, что казалось – сейчас прямиком провалишься в подвал. Отсветы раскачивавшегося фонаря выхватывали из темноты остовы гниющей мебели, какие-то разлохмаченные пыльные тряпки и огромное количество паутины.

– Никого тут нет, – шепотом сказал Вайд. – И чего они здесь могли делать, а? Жутко-то как…

– Помолчи, – Конан увидел еще одну дверь, сохранившуюся получше, чем входная. Крысенок наклонил фонарь, осветив пол – к закрытой, но незапертой двери вели отчетливо видимые в серой пушистой пыли следы. – Давай туда. Держись за мной.

Киммериец ногой толкнул дверь, держа меч наготове. Створки распахнулись почти без скрипа – видимо, петли недавно смазали. За дверью была комната – точное подобие первой, запустение и затхлый запах. В окно пробивались косые полосы неяркого лунного света, поднятая шагами людей пыль медленно опускалась на пол, кружась в воздухе.

Крысенок неожиданно попятился, выронив фонарь, и издал какой-то сдавленный звук, точно его душили, судорожно тыкая рукой в потолок комнаты. Потерявшись в тенях, отбрасываемых старыми вещами, на веревке, перекинутой через торчавшие из наполовину обрушившегося потолка стропила, покачивался человек.

– Не стой столбом! – рявкнул Конан, сообразив, что повешенный им не померещился. – Приподними его!

Вайд, справившись с оцепенением, влетел в комнату и, обхватив ноги висевшего, изо всех сил подтолкнул его вверх, так

что на веревке образовалась заметная слабина, а киммериец в один взмах рассек крученый шнур, еле успев подхватить падающее тяжелое тело. Вдвоем они уложили неизвестного на пол, Крысенок сходил за брошенным впопыхах у порога фонарем, свеча в котором только чудом не погасла, и осветил посиневшее лицо. Зрелище было не из приятных – вывалившийся прикушенный язык, закаченные белые глаза, а вдобавок по комнате распространился резкий запах мочи.

– Это же Болто, – с трудом выговорил побелевший Вайд. – Капитан, это же Болто, как же так, их же забрали гвардейцы, я сам видел, не может этого быть…

– Не скули! – прикрикнул киммериец. – Лучше вспомни, что ты им сказал, когда вы ушли из таверны и пошли за Вальдрио?

– Ничего, – мальчишка один раз коротко всхлипнул, но взял себя в руки. – Саргосу – ничего, а Болто – что капитан велел проследить за одним типом, который вроде хочет нас нанять, но крутит и не говорит, зачем. А больше ничего, ни слова…

– Саргос наверняка тоже где-то здесь… Найду ублюдка сделавшего это – пожалеет, что на свет родился, – мрачно пообещал Конан. Это были уже не шутки – никому не позволено вот так, походя, убивать его людей! – Посиди тут, я посмотрю, может, еще что найдется…

Он сдернул со стола почти истлевшую скатерть и накрыл ею тело Болто. Потом пошарил по комнате, нашел полуобгоревшую толстую свечу, явно забытую сбежавшей подозрительной парочкой, зажег от свечи в фонаре и отправился в обход пустых комнат, оставив примолкшего Вайда сидеть возле тела нелепо погибшего приятеля.

Саргоса северянин обнаружил почти сразу – он лежал в первой комнате, они поначалу не заметили его, приняв за груду тряпья. Туповатому здоровяку аккуратно и со знанием дела перерезали горло от уха до уха, положив тело над проломом в полу, чтобы кровь стекала в подвал. Тихие равномерно-капающие звуки и привлекали внимание. Затем Конан наткнулся на еще кое-что интересное – скомканную и небрежно брошенную в угол форму городской стражи с пятнами свежей крови.

«Хотелось бы знать, во что мы вляпались на этот раз, – мрачно размышлял киммериец, пытаясь разобраться, сколько же форменных одежек валяется на полу. Выходило, что три, а Крысенок говорил о пяти стражниках. – Сет с ним, с Вальдрио, он, видимо, выполнил поручение, сходил затем на Парусную к своему хозяину, доложил, но зачем он поперся в Старую гавань? Сообщить еще кому-нибудь, что идиот-варвар согласился? Тогда зачем надо было его убивать? И зачем прикончили Болто и

Саргоса, явно не имевших понятия, что происходит? Повезло Крысенку, успел сбежать… И как теперь, мы наняты или договор можно считать расторгнутым?»

– Капитан! – Вайд стоял на пороге комнаты, держа фонарь над собой и настороженно вглядываясь в заполнившую дом темноту. – Капитан, вы где?

– Здесь, – негромко откликнулся Конан. – Что стряслось?

– Я… Я сидел и вспомнил одну вещь, но самому как-то в такое не верится…

– Ну? – подбодрил его киммериец. – Что особенного ты вспомнил?

– Того человека, что был с гвардейцами. Я решил, что мне померещилось, потому что он никак не мог там быть… Помните, наши в прошлый раз сцепились с недоумками с «Блудливой красули»? Так вот, этот человек там был, я точно помню. Такой бушприт, что у него заместо носа, не узнать трудно… Но я просто не поверил – что он может делать в королевской гвардии? – и решил, что обознался, да и далеко было… – сбивчиво заговорил Вайд.

– С «Блудливой красотки»? – недоуменно переспросил Конан. – Ты уверен?

– Почти… – нерешительно отозвался мальчишка.

– А кому принадлежит «Красотка»? Боргесе, или как его?

– Ага, ему. Графу Боргесе… – подтвердил Вайд. – Капитан, что с ними делать? Мы не можем оставить их в доме… Надеюсь, нашли Саргоса?

– Нашел. И форму гвардейцев. Так что они такая же королевская стража, как ты – зингарский дворянин. Вот что – оставлять тела в доме, конечно, не стоит, но и заниматься ими сейчас некогда. Вытащим на улицу, до утра никто не уволочет, а потом придем и заберем, похороним по-человечески. Поищи каких-нибудь тряпок, да побыстрее, надо еще кой-куда сходить.

– Куда? – скорее по неистребимой привычке знать все, чем из настоящего любопытства спросил Вайд.

– Навестим Чабелу, – хмыкнул Конан. – Мне нужен человек, знающий дворцовые сплетни, способный рассказать, что за птица Боргеса. Неужели он настолько не дорожит своей шкурой, что решил убивать моих людей?

– Принцессу Чабелу? – растерянно повторил Крысенок, точно не понимая до конца, что ему говорят.

– А ты знаешь другую принцессу, которая носит такое имя? Шевелись, а то до утра провозимся!

…Далекий бронзовый колокол на башне Коронного замка отбил полночь. Тягучий надтреснутый звук проплыл в темноте

над дремлющим городом и затерялся где-то в море.

* * *

Попасть в гости к ее высочеству, принцессе крови Чабеле оказалось куда проще, чем представлялось Вайду. Всего-то делов – перемахнуть невысокую каменную ограду, оглушить парочку не ожидавших нападения разленившихся дворцовых часовых, пробежать через пустой темный сад и забраться в первое попавшееся из высоких стрельчатых окон, распахнутых по причине жаркой погоды и происходившего в замке праздника – музыка, голоса и смех разносились по всему дворцу.

Собственно, дворцов было два: старая крепость, заложенная одновременно с основанием города, чьи неприступные и грозные бастионы из серого и темно-красного гранита поднимались над пестрой суетой гавани, и новое здание, построенное при отце нынешнего короля и недавно несколько переделанное Фердруго. По сравнению с мрачным Старым замком, Новый, с его причудливыми башенками, витражными окнами и стенами розово-белого камня выглядел воздушно и легкомысленно, точно молодая красивая жена рядом со пожилым непривлекательным мужем.

Левое крыло Нового замка, террасами спускавшееся к морю и окруженное пышным садом, принадлежало дочери Фердруго – очаровательной особе неполных двадцати годов от роду и единственной наследнице кордавской короны (если не считать другим претендентом младшего брата короля). Впрочем, ветреной и беззаботной Чабелу мог назвать только человек не знающий ее близко.

Вот уже третий год принцесса вела тихую, но упорную войну с многочисленными претендентами на ее руку и маячившую в отдалении корону Зингары. Дочка старого короля, упорно державшегося на троне уже третий десяток лет и без колебаний уничтожавшего всякого, кто пытался столкнуть его с трона, выросла достойным отпрыском своего папеньки и пока никто из домогавшихся руки принцессы дворян не мог уверенно сказать, что может рассчитывать на какое-то преимущество в ее сердце…

Даже к такой ужасной мысли, как брак с варваром-северянином, Чабела подошла весьма разумно – так у нее появлялась уверенность, что на следующий день после смерти короля и ее собственной коронации, Зингара не будет захвачена

только и ждущими этого Аргосом или Аквилонией. Свои соображения она однажды выложила изрядно повеселившемуся Конану, глядя на него честными глазами простодушной девочки. Отсмеявшись, киммериец предложил ей:

– Послушай, Чабела, когда станешь королевой, отыщи меня, и я с удовольствием стану у тебя… ну, скажем, командующим армией. Я даже согласен на маленькое жалование.

– Если бы вы, капитан, были моим мужем, казне это обошлось бы бесплатно, – с сожалением сказала Чабела. – Но чего нет, того нет… Что в этом такого смешного, а? Разве вам каждый день предлагают по короне? Отец вам многим обязан, он, конечно, будет метать громы и молнии, но я его уговорю. Неужели вам до сих пор не надоело носиться по всему миру и сражаться? Конечно, я женщина, мне этого не понять, но…

Принцесса умела добиваться своего, и в том, что на сей раз у нее ничего не получилось, ее вины не было. Но хорошие отношения между наследницей короны и корсарским капитаном сохранились, и теперь Конан рассчитывал, что Чабела расскажет ему кое-что интересное и способное пролить свет на насквозь непонятную историю случившуюся минувшим вечером.

Из пустовавшей комнаты киммериец и позабывший закрыть рот и завороженно глазеющий по сторонам Крысенок выбрались в длинный коридор, увешанный гобеленами, почти сразу же наткнувшись на дремавшую в кресле с высокой спинкой девушку – служанку или камеристку.

– Вот она-то нам и нужна, – прошептал Конан. – Пусть потрудится и сходит за Чабелой.

Наверное, из всех пробуждений у бедной служанки это выдалось наихудшим, и если бы северянин вовремя не зажал ей рот ладонью, то визгу бы было на всю Кордаву. Убедившись, что страшный и неизвестно откуда взявшийся чужеземец кричать ей все равно не даст, но и вреда вроде причинять не собирается, девушка перестала вырываться и прислушалась к тому, что ей говорили:

– Ты знаешь, где Чабела?

Служанка истово закивала.

– Кричать будешь?

Темноволосая головка отрицательно замоталась из стороны во сторону, а на личике девушки появилось выражение, показывающее, что без позволения она не издаст ни единого звука.

– Ладно, – кивнул варвар, а отпущенная служанка облегченно вздохнула и на всякий случай попятилась. – Иди, разыщи светлую госпожу и скажи, что… Что пришел один человек, которого она

знает по Безымянному острову. Запомнила?

– П-по Безымянному о-острову… – чуть слышно пролепетала девушка. – Мне можно идти, ваша милость?

– Бегом! И не вздумай позвать стражу – Чабела тебя в порошок сотрет.

Служанка подхватила зашуршавшие юбки и торопливо побежала по коридору, даже не решившись оглянуться. Великий Митра, что за знакомые у принцессы? Может, все-таки лучше сначала сбегать к начальнику охраны дворца? Нет, страшно, пусть ее высочество сама разбирается со своими гостями… Кстати, незнакомцев было двое или показалось?

– А мы подождем, – Конан хозяйским жестом распахнул двустворчатые двери красного дерева с золотыми украшениями и ручками в виде орлиных лап. Вайд с ужасом посмотрел на вошедшего в комнату и удобно расположившегося в кресле капитана – сама мысль о том, чтобы зайти в такую комнату, а уж тем более – жить там, представлялась ему кощунством. С равным успехом можно, наверно, поселиться в храме Митры… Интересно, сколько бы дали на Морском Рынке хотя бы вон за ту пару серебряных подсвечников?

– Ты всю оставшуюся жизнь собираешься простоять в дверях? – осведомился киммериец, прислоняя снятые ножны с мечом к хрупкому на вид одноногому столику. – Это всего лишь комната.

– Знаете, капитан, я лучше снаружи подожду, – пробормотал Вайд, пятясь и выскакивая обратно в более опасный, но зато ставший уже привычным коридор. – Да и идет кто-то…

– В разговор не соваться, слушать во все уши. И не вздумай соблазнять эту пугливую красотку! – нарочито строгим тоном предупредил северянин.

– Больно она мне нужна… – и Крысенок, оправдывая свое прозвище, юркнул за декоративную колонну между гобеленами и исчез.

Чабела, вырванная из веселой круговерти дворцового праздника, быстрыми шагами шла по коридору так быстро, что перепуганная служанка едва успевала за ней. Принцессу не зря называли «розой Кордавы» – при несколько полной фигуре она была очаровательна, с ее ясными темными глазами, алыми пухлыми губками и наследным носиком с заметной горбинкой. Длинные черные косы, переплетенные блестящими нитками жемчугов, бархатное темно-бордовое платье с белыми кружевами – покорительница сердец и вдохновительница подвигов… Чем-то она была похожа на Санчу или, скорее Санча на нее, с одной маленькой разницей – Чабела родилась принцессой, а Санча

безуспешно пыталась походить на таковую.

Не войдя, а влетев в комнату, Чабела тихонько ахнула и, напрасно пытаясь придать от природы смешливому голосу строгость, спросила:

– Почему вы никогда не приходите, как все люди?

– Потому что, как известно всем, я дикий и неотесанный варвар, – ухмыльнулся Конан, поднимаясь с кресла. – Тебе ли этого не знать?

– Все время забываю… А я и не знала, что вы вернулись, капитан. Как прошло… м-м-м… плавание?

– Лучше, чем можно было ожидать.

Чабела подняла с подноса, лежавшего на маленьком круглом столе, крохотный бронзовый колокольчик и дважды позвонила. В дверь тут же просунулась несколько успокоившаяся служанка:

– Я здесь, ваше высочество!

– Аргосского, милочка, – Чабела оценивающе взглянула на снова занявшего кресло киммерийца, подумала и добавила: – Побольше…

Служанка убежала и вскоре вернулась с подносом, на котором красовались две вместительные оплетенные бутыли, плоское блюдо с темным местным виноградом и бледно-желтыми ранними персиками, а также два высоких серебряных бокала с вычеканенными на них виноградными листьями.

После того, как принцесса трижды переспросила у нее, точно ли пришедший иноземец сказал «Безымянный остров», потом умчалась из танцевального зала, бросив всех своих поклонников, точно лань от своры разъяренных псов и по дороге едва ли не распевала во весь голос, а теперь велела принести такую гадость, как аргосское вино, служанка уже ничему не удивлялась. Быстро расставив на занимавшем центр маленькой комнаты низком столе всю доставленную снедь, и спросив, не будет ли каких распоряжений, она получила в ответ разрешение быть свободной до утра и с облегчением выскочила в коридор, подальше от пугающего гостя наследницы короны.

– Так чем обязана вашему столь внезапному и позднему визиту, капитан? – одна бутыль уже опустела, причем почти без помощи Чабелы. Положенная часть правдоподобных (и не слишком) историй о прошедшем плавании и житье-бытье славного города Кордавы рассказана и с интересом выслушана, но не надо быть высокоученым книжником, чтобы сообразить, что непредсказуемый киммериец явился в гости не затем, чтобы попивать аргосское и уж точно не ради прекрасных глаз королевской дочки…

– Хорошие у твоего отца погреба, Чабела, – отозвался Конан.

Вино и самом деле было недурно, куда лучше того, что подавали у Габорала.

– Если хотите, я прикажу, чтобы вам доставили несколько корзин… В качестве королевской благодарности.

– Представляю, какие слухи поползут по городу… – хмыкнул северянин. – И что скажет Фердруго.

– Капитан, вы несносны… – вздохнула Чабела. – Вам опять позарез необходимо что-то разузнать?

– Конечно, – кивнул Конан, откупоривая вторую бутыль с аргосским. – Что тебе говорит имя Боргеса?

– Боргеса? – Чабела подняла ровные дуги бровей. – Граф Боргеса? Он что, поссорился с вами?

– Еще нет, но… – киммериец многозначительно замолчал.

– Боргеса, Боргеса… – девушка призадумалась. – Ну-у… Считается, что он мот, кутила, любитель хорошеньких женщин и породистых лошадей, но таковы все наши дворяне…

– Ты сказала «считается», – заметил Конан, разливая темное вино по бокалам. – А что думаешь ты, моя госпожа?

– Я… – она неожиданно по-детски подергала себя за косу и задумчиво произнесла: – Я думаю, что все это только показное. На самом деле граф очень умный, хитрый и злой человек. Отец давно собирается выставить его из столицы, но никаких законов Боргеса не нарушал, или, во всяком случае, ни разу не попадался. Вечно около него крутятся всякие подозрительные личности, и никто мне не докажет, что к тому, недавно творилось во дворце, он не имеет никакого отношения!.. Кроме того граф достаточно умен, чтобы вовремя бросить свои неприглядные занятия и заявить, что ни о чем понятия не имеет! А еще у него есть корабль. Конечно, тут каждый второй либо владелец, либо капитан корабля, и ничего удивительного в этом нет, но вы бы видели, что принадлежит Боргесе!

– Сорок весел, вмещает до сотни человек, можно идти куда хочешь, хоть до Закатного Материка, если он есть, – киммериец попытался припомнить, видел ли он вчера «Блудливую красотку» в порту, но уверенно сказать не мог. Кажется, она все-таки там была…

– Это не корабль, а чудовище! – решительно заявила Чабела. – На таком можно смело отправляться ловить морского змея! Откуда у него столько денег, такое судно, наверное, стоит недешево, а Боргеса – род хоть и древний, но небогатый!? Наверняка у графа где-нибудь в сундуке припрятан флаг Братства… Послушайте, но что же вы с ним не поделили?

– Боргеса сейчас в городе? – не отвечая на вопрос принцессы, осведомился северянин. – Где он живет, не знаешь?

– Вчера я его видела на малом вечернем приеме, а в Кордаве у него есть свой дом. Где-то на Парусной улице… Зачем он вам понадобился, капитан?

– Шею свернуть, – мрачно ответил Конан. – Он или его люди убили двоих из моей команды. Если он действительно стоит за этим – скоро у тебя одним придворным станет меньше.

– Но почему? – недоуменно спросила Чабела. – Всем же известно, что лучше стать врагом короны, чем вашим!

– Значит, он тот человек, который этого не знает… Моя госпожа, тебе случайно не знакомо имя Вальдрио?

– Нет, – подумав, ответила Чабела. – Хотя… Где-то я его слышала, но совершенно не помню – где и в какой связи… Малоизвестная мне история о поддельных золотых или о черном колдовстве?.. А что, собственно?

– Так, ничего. Завтра его найдут у Старой гавани с двумя дырками в спине. Учти, я к этому непричастен. Да, и еще. Можешь выдать государственную тайну?

– Смотря какую, – кокетливо сложив губки, отозвалась Чабела. – А вы точно не убивали этого… Вальдрио?

– Я бы с удовольствием это сделал, да не успел… Так вот – никто из родичей короля не отправлялся в прошлые двадцать дней куда-нибудь?

– Отправлялся, двоюродный дядя по матери. В Шем, с торговой галерой. Пока не вернулся. Папа хочет заключить с Асгалунским городским советом какой-то договор и…

– Он его никогда не заключит, – закончил киммериец. – Наша работа. Мне жаль, дорогая Чабела, но твой родственник сейчас кормит рыб.

– Ох, – выдохнула королевская дочка, роняя на пол только что надкушенный персик. – Но как же так?..

– Очень просто. Ремесло такое. Послушай, Чабела, похоже об этом известно только тебе, мне и ныне покойному Вальдрио. А может еще кое-кому, кого я не знаю, но постараюсь отыскать. Но если слухи дойдут до короля и все будут в один голос твердить, что негодяй-варвар нарочно караулил и прирезал вашего дядюшку, не верь. И постарайся убедить в этом старого хрыча… Тьфу, то есть почтенного короля Фердруго.

– Постараюсь, – с грустной улыбкой сказала принцесса. – Но, пока этих слухов нет, я, надо полагать, должна помалкивать?

– Было бы лучше… – согласился Конан. Не очень-то хорошо втягивать других в собственные неприятности, но будет спокойнее, если Чабела на всякий случай узнает, что творится в ее родном городе. Кто-кто, а она в полной безопасности, и не никогда без необходимости ничего не разболтает.

– Что вы собираетесь делать теперь, капитан? – поинтересовалась Чабела. – Искать Боргесу? Если надумаете мстить, оставьте хоть кого-нибудь: королева без подданых – это ужасно!

– Обойдусь одним графом, так и быть…

…Незаметно проскользнувший в коридор Вайд и окончательно оправившаяся от испуга служаночка вовсю любезничали и даже потихоньку хихикали, напрочь забыв о том, зачем здесь находится каждый из них. Когда дверь комнаты принцессы открылась они испуганно вздрогнули и вскочили.

– Желаю удачного плавания, капитан. Или, кажется, принято говорить – попутного ветра?

– У нас любой ветер – попутный… Всего хорошего, дорогая моя наследница трона. Кстати, совсем забыл – о нашем стигийском друге ничего больше слышно не было?

– Бр-р… – Чабелу передернуло. – Вспомнили… Нет, ничего я о нем не слышала, и если он здесь появится – колдун он или не колдун, а сидеть ему в Старой крепости, пока не придумаем, каким именно утонченным способом его казнить!

– Понятно… – протянул киммериец. – Ладно, мы – в гавань, если что – найдешь меня там. Где у можно найти ближайший выход, чтобы опять в окна не лазить?

– Я провожу, – заявила осмелевшая камеристка. – Можно, госпожа?

– Идите, – кивнула принцесса. – До встречи, капитан…

Они ушли по длинному коридору, освещенному редкими настенными факелами в тяжелых медных кольцах, а Чабела все стояла, держась за ручку двери, и, неожиданно состроив самое скорбное выражение лица, на которое была способна, вопросила:

– Какой мужчина, а?! Великая Иштар, ну почему я такая невезучая? Он хоть когда-нибудь будет отличать меня от мебели?

* * *

Белесый утренний туман над морем постепенно таял, открывая стоящие у причалов корабли и просыпающийся город. Над множеством крыш – плоских, остроконечных, зубчатых, над башнями крепостной стены, прихотливо обегавшей город, над дворцовыми укреплениями поднимался бледно-золотистый, почти белый диск солнца.

Гавань, оживая под еще нежаркими лучами, наполнялась

перекличкой непривычно громко звучащих в такой ранний час голосов, скрипом снастей и хлопаньем поднимаемых парусов – кто-то, пользуясь утренним ветерком и отливом, хотел пораньше отправиться в дорогу.

Утро для команды карака, пришвартованного в отдалении от прочих судов, началось невесело – с появления двух зашитых в холщовые мешки тел, лежавших на нижней палубе. Вайд еще до рассвета сводил в Кривой переулок четверых человек с сооруженными на скорую руку носилками, и останки Болто и Саргоса были доставлены на корабль. Труп Вальдрио оставался лежать на прежнем месте, только за ночь обитатели ночной Кордавы сняли с него все, что представляло мало-мальскую ценность…

Половина экипажа «Вестрела» пребывала неизвестно где, а другая, подгоняемая страдающим от головной боли боцманом, с величайшей неохотой грузила на корабль припасы для следующего путешествия, увлеченно переругиваясь с Зелтраном. Никто и не обратил внимания на вернувшегося из города Сигурда. Тот быстро топал по причалу с видом человека, хорошо проведшего время, а теперь с чистой совестью и пустыми карманами идущего домой. Ванахеймец тащил небольшой, тщательно обмотанный в кусок шерстяной ткани предмет. Пробежав по жалобно заскрипевшим сходням, окликнул мающегося с похмелья боцмана:

– Где капитан?

– В каюте, где ж ему быть… – с трудом отозвался Зелтран, у которого даже обычно лихо торчавшие вверх усы уныло повисли. – Ты где всю ночь шлялся, а?

Не отвечая, Сигурд пару раз стукнул кулаком в дверь капитанской каюты, дождался свирепого «Кого там несет?» и вошел.

– Капитан, у нас на борту пахнет паленым, – сообщил он вместо приветствия мрачному и невыспавшемуся Конану. – Ты никого не убивал этой ночью? После полуночи?

– Вы что, сговорились? – рявкнул киммериец. – Мало мне распроклятой галеры…

Тут он вспомнил, что Сигурда не было во время вчерашнего кутежа в «Девяти стрелах» и он не имеет понятия о знатоке чужих секретов Вальдрио, а также о событиях в Кривом переулке.

– Какой галеры? – недоуменно поинтересовался Сигурд. – Я о том, что здешняя гвардия ночь напролет рыскает в поисках разбойника – по их словам очень напоминающего тебя – наделавшего дыр в некоем Вальдрио, королевском чиновнике…

– Зелтран! – заорал Конан, с легкостью перекрывая крики на

палубе. – Зелтран, чтоб тебя!

– Что случилось, капитан? – страдальческая физиономия боцмана сунулась в каюту.

– Пошли кого-нибудь, пусть пробежится по кабакам и соберет команду. У нас все готово?

– Почти, капитан, – Зелтран каким-то чутьем понял, что на «Вестрел» надвигается шторм. – Еще немного – и можно отправляться.

– Шевелитесь, мы должны уйти сегодня! И зайди потом ко мне… Так кто меня искал, Сигурд?

– Королевская гвардия, провалится мне на этом месте! А еще вам велели передать вот это, – и Сигурд со стуком поставил принесенный им предмет на стол.

– Кто передал? – не понял Конан. – Что это?

– Понятия не имею, – честно ответил рулевой «Вестрела». – Сижу я в «Бешеной свинье», вваливается какой-то тип, глазенки у него так и шныряют туда-сюда, и спрашивает, не знает ли кто капитана Конана. Я говорю – знаю. Тогда он сует эту штуку и говорит – отнеси, ваш капитан сам сообразит, что делать. Я взял, хотел спросить, что за дела творятся, а он уже шмыг – и за дверь. А потом приперлись гвардейцы…

– Погоди! – киммериец схватился за немилосердно трещащую голову – нет, хорошие все-таки погреба у старого Фердруго! – и попытался сосредоточиться. – Ты точно помнишь, когда что произошло? Сначала принесли это, – он кивнул на сверток, – а потом пришли гвардейцы?

– Точно. Недалеко от «Свиньи» королевский дворец, а там на башне стоит штука, что отбивает каждый час. «Часы» называется. Мы еще считали, полночь была. Как раз тогда принесли подарочек для тебя, капитан. Гвардейцы явились чуть погодя…

«Около полуночи в Кривом переулке Вальдрио всадили ножи в спину… Не бывает, чтобы вести разносились с такой скоростью – только что убили, а городская стража уже носится в поисках, и, что самое невероятное, знает, кого ищет! А Крысенок говорит, будто труп нашего знатока чужих секретов все так же валяется в переулке… Что, прах их всех побери, происходит?»

– Скажи Зелтрану, пусть бросает все и топает сюда, – хмуро приказал Конан, и, дождавшись, когда Сигурд вышел, осторожно – мало ли что там спрятано? – развернул принесенный им загадочный сверток. Таинственный подарок оказался окованной по углам золотыми пластинками шкатулкой из незнакомого северянину светло-желтого дерева, казавшегося теплым на ощупь, На крышке шкатулки было вырезано изображение какого-то загадочного животного – либо птицы с очень длинной шеей, либо

змеи с парой маленьких крылышек. Судя по всему, вещица сама по себе была старинная и ценная, независимо от того, что хранилось внутри.

Конан похлопал себя по карманам, вспоминая, куда сунул полученный вчера вечером от Вальдрио ключ. Найдя, с третьей попытки загнал в крохотную скважину, повернул – внутри шкатулки звонко щелкнуло – и откинул крышку. В выложенной ярко-лиловым бархатом коробке лежали два замшевых, туго набитых мешочка и медный, позеленевший от времени, покрытый чеканкой тубус, из тех, в которых хранят папирусы. Содержимое мешочков показалось киммерийцу более интересным, и, вытащив один из них, он развязал тонкий кожаный шнурок, стягивавший горлышко мешка. На гладко оструганные доски стола с сухим стуком посыпался град разноцветных сверкающих камней – от совсем крохотных, с горчичное зернышко, до крупных, не меньше лесного ореха.

– Ничего себе… – пробормотал несколько ошеломленный варвар. – Заплатили, называется…

– Капитан, можем отплывать хоть сейчас, – бодро доложил несколько воспрявший духом Зелтран, заходя в каюту. – Все на местах, горизонт чист, ветер есть… А это что?

– Плата за наши потроха, – мрачно сообщил Конан. – Кому-то я нас продал. И что самое обидное, сам не знаю, кому именно…

– Хорошие камешки, – боцман двумя пальцами поднял один, прищурившись, посмотрел сквозь него на свет и тоном знатока определил: – Сотня золотом, если не торговаться. Много их?

– Вот, – северянин ткнул в распахнутую шкатулку на столе. – Полный мешок.

– И за это мы должны наведаться в Стигию? – уточнил Зелтран.

– Именно, – Конан вытащил медную трубочку, покрутил – она распалась на две части – и извлек тщательно свернутый похрустывающий листок папируса. Зелтран ссыпал камни в мешок, положил его в шкатулку и тоже наклонился над столом, с интересом разглядывая несколько попорченный временем и обстоятельствами пожелтевший листок, тронутый по краям черной каймой огня. На маленьком клочке папируса неведомый рисовальщик некогда изобразил план на редкость запутанного здания со множеством залов, переходов, комнат, коридоров и лестниц. В некоторых местах на лист попала блекло-зеленоватая плесень, бесследно уничтожив тонкие черные линии, и что находилось на этих участках – оставалось неизвестным. Примерно посередине плана нанесенная ярко-красной киноварью стрелка указывала в путанице ходов на какое-то определенное

место. Больше никаких пометок на карте не нашлось.

– Это не здание, – решительно заявил боцман после долгого молчания и пристального изучения карты. – Либо его строил совершенный безумец…

– Древние стигийские города иногда походили на одно здание, – припомнил былые приключения Конан. – Но мне тоже кажется, что это не дом. Скорее, лабиринт… или пещера. А стрелка, надо полагать – место, которое нам нужно. Зелтран, ты знаешь, где находится Бухта Красных Скал?

– На границе Куша и Стигии – они посейчас не могут выяснить, чья это земля. Тихое местечко, ни одной живой души в округе… А что, Это там?

– Неподалеку. Ладно, доберемся – посмотрим. Что такое?

Кто-то настойчиво заколотил в дверь, выкрикивая: «Гвардия на берегу!»

– Зелтран, отходим. Быстро. – Конан торопливо скрутил папирус, затолкал в медную трубочку и бросил все это в шкатулку, к мешочкам с камнями, захлопнул и запер на ключ. – Ставим паруса и сматываемся.

Разъезд конных гвардейцев, числом не меньше десятка, застрял на набережной, раздавая налево и направо пинки и пытаясь проехать через скопление сваленных как попало мешков, тюков и ящиков. А по причалу к «Вестрелу» неторопливо, как подобает знатной даме и подруге капитана королевских корсаров, шествовала Санча в сопровождении двух нагруженных свертками и огромным сундуком носильщиков.

Увидев, что на корабле, до которого ей оставалось пройти не более трех десятков шагов, начинается суета, неизбежно предшествующая процессу отчаливания, Санча, широко распахнув глаза, замерла на несколько мгновений, а затем, пронзительно взвизгнув: «Куда – без меня?!», подтолкнула носильщиков и припустила бегом. Гвардейцы, заметив ее, бросили безуспешную перебранку с купцами и судовладельцами на берегу, хлестнули коней и помчались напрямик, расталкивая начинавшую собираться в Гавани привычную толпу.

Полоса блестящей воды между бортом карака и пристанью медленно, но неумолимо расширялась, паруса, округляясь, ловили усиливавшийся ветер, но Санчу уже ничего не могло остановить, и, взвизгнув для храбрости еще раз, она прыгнула, приземлившись на палубу карака и едва не сбив с ног боцмана. Носильщики швырнули вслед ее вещи, но тем повезло гораздо меньше – часть мешков долетела, а внушительных размеров сундук звонко плюхнулся в прозрачно-зеленую воду, подняв небольшую волну и, плавно покачиваясь, отправился на дно.

– Вот только тебя не хватало, – вздохнул Конан, поднимая упавшую девушку. – Чего на берегу не сиделось, а?

– Почему никто не сказал, что утром уходим? – возмущенно спросила Санча, поправляя растрепавшуюся прическу. – Что я в этой вонючей Кордаве не видела? Сбежать хотел, да?

– Угомонись, – посоветовал киммериец, глядя на постепенно удаляющийся берег, где метались упустившие добычу гвардейцы. – Мы и так еле сбежали.

– А что стряслось? – извечное женское любопытство взяло у Санчи верх над досадой, что ее чуть не оставили на берегу. – Опять что-то натворили? В городе шептались, что королевские пираты перебили кучу народу… Это не вы, случайно?

– Случайно не мы, – отрезал Конан. – А о чем еще шептались?

Санча добросовестно попыталась вспомнить:

– Больше я ничего не слышала… Куда хоть идем, можно узнать?

– Подальше отсюда… – недовольно проворчал в ответ северянин, повернулся к корме и крикнул: – Сигурд! Курс на полдень, но только посмей вывести нас к Барахским островам!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Побережье Стигии

За кормой проворного маленького карака, направлявшегося на юг, оставались пройденные за два дня лиги и ставшая столь негостеприимной Кордава. Светло-синие, сливающиеся с цветом неба и моря паруса, наполненные попутным ветром, чуть слышно звенели, изогнутый нос резал тугие волны, вокруг корабля взлетали радужные брызги и с шипением вырастали пенные валы. Команда частью отсыпалась, частью бездельничала, перекидываясь в кости и поглядывая на горизонт – не появится ли суденышко, которое в его же интересах следует облегчить от груза? Меланхолично тренькала виола – Вайд, смахивающий на тощего драного кота, расположился на канатных бухтах и задумчиво мурлыкал себе под нос старую аквилонскую песенку слышанную от наемников с севера:

Не ведать мне страданий и агоний,
Мне встречный ветер слезы оботрет,
Моих коней обида не нагонит,
Моих следов метель не заметет…

– А повеселее ничего не знаешь, Крысенок? – лениво поинтересовались с нижней палубы. – Тоска заест тебя слушать…

– Да пожалуйста… – скривившись, отозвался Вайд, мигом переходя на залихватски-веселую мелодию:

По курсу – тень другого корабля,
Он шел – и в штормы хода не снижая.
Глядите – вон болтается петля
На рее по повешенным скучая!..

…В капитанскую каюту все звуки – плеск волн у борта, перебор струн и вразнобой подтягивающие песню хриплые голоса – долетали несколько приглушенными, точно пройдя сперва через толстый слой воды. Конан, расположившийся в каюте в приятном обществе початого кувшина с аргосским, отрешенно уставился на стоявшую рядом желтую шкатулку, пытаясь собрать воедино

картину событий, приведших «Вестрел» к нынешнему невеселому положению.

Начать, конечно, стоило с посланной самим Сетом галеры, но тут уже ничего не изменишь, что сделано – то сделано. Мстительный нрав короля Фердруго известен по всему Южному побережью, и в тот день, когда зингарскому венценосцу станет известно о гибели «Араминты» и пассажира, на ней находившегося, а также о причастности к этому Конана и его людей, предсказать последствия будет нетрудно – команде карака, включая капитана, можно заказывать намогильную плиту – большую и одну на всех. Остается надеяться, что Чабела сумеет убедить своего свирепого папашу не устраивать публичной казни, но в ближайшие год-два в Кордаву соваться не придется.

Киммериец не верил в то, что из прыгнувших в море с «Араминты» людей некоторые сумели добраться до берега, а тем более – настолько быстро вернуться в Зингару. Тогда совершенно непонятно, как о произошедшем стало известно тихому человеку со взглядом приготовившейся к атаке ядовитой змеи – Вальдрио. Тем не менее, зингарец был отлично осведомлен о прискорбном недоразумении и добился своего, наняв экипаж карака для исполнения этого странного поручения. Интересно, почему выбран был именно Конан – в порту полно сорвиголов, согласных сделать подобную же работу и за несравнимо меньшую плату?

А затем тихоня получил нож в спину, до того навестив дом на Парусной улице… Получалось что-то непонятное – в полночь Вальдрио отправился к Нергалу, но в полночь же, почти одновременно, неизвестный передал Сигурду шкатулку с камнями и картой. Особняк на Парусной принадлежит графу Боргесе, подозрительной личности, головорезы которого, если верить Крысенку, участвовали в расправе над его, Конана, людьми. Такой проделки было достаточно, чтобы за жизнь Боргесы никто теперь не дал и медной монетки, но, опять же, Крысенок может ошибаться, и экипажи двух кораблей просто сводили свои счеты. Последнее маловероятно, значит, Болто и Саргос убиты потому, что видели или узнали такое, чего посторонним видеть и знать совершенно не полагалось.

Но зачем, спрашивается, надо было приканчивать Вальдрио, если он служил Боргесе? Тоже «на всякий случай», чтобы не разболтал лишнего? Или Вальдрио выполнял поручение другого человека и угодил в подстроенную ловушку? Наверное, труп знатока чужих тайн еще не успел остыть, как по всем столичным кабакам гвардейцы начали разыскивать не кого-нибудь, а именно капитана «Вестрела», но тело Вальдрио, как ни странно, осталось лежать в Кривом переулке. Такое могло произойти только в

одном случае – кто-то сообщил королевской гвардии про убийство, назвал имя преступника и потребовал немедленно разыскать злодея. Причем «кто-то», обладающий достаточной властью, дабы никто не сомневался в правоте его слов, а стража города со всех ног бросилась выполнять приказ, напрочь забыв про невинно убиенного. Приказ выполняли настолько рьяно, что готовы были схватить экипаж карака в гавани, а это безумие – морской народ и королевская гвардия искони с друг дружкой не ладят, и попытка задержать отходящий корабль могла бы обернуться кровавым побоищем…

Между прочим, как выяснилось уже под утро, галера «Блудливая красотка», принадлежавшая Боргесе, действительно находилась в гавани Кордавы, но в большой спешке снялась посреди ночи с якоря и ушла из гавани, направившись неизвестно куда. Чабела уверена, что Боргеса имеет прямое отношение к событиям на Безымянном острове и поискам Короны Змея, но у принцессы нет на руках ни одного доказательства, которое можно было бы предъявить королю и потребовать у графа ответов на законном основании…

Шелковая занавеска, отделявшая часть каюты, дрогнула, отодвинулась в сторону, и оттуда выбралась встрепанная, но весьма довольная собой и окружающим миром Санча. С наслаждением потянувшись, она босиком прошлепала к столу, пристроилась рядом с северянином и, чуть ли не мурлыкая, поинтересовалась:

– Чем изволит быть недовольным мой господин?

– Не тобой, – хмыкнул Конан, обнимая девушку.

– Тогда чем? Этим? – Санча постучала по крышке шкатулки. – Но вы же сами все говорите: «не в первый раз, подумаешь, добраться и найти».

– Слишком много разных гадостей произошло еще до того, как начали искать.

– Не бери в голову, – легкомысленно отмахнулась девушка. – Произошла случайная цепь совпадений, а что стоит героям – корсарам отыскать маленькую вещицу пусть даже и в Стигии?..

Перебравшийся на корму Вайд ломал голову над мучавшим его вопросом – что принес на корабль Сигурд? Спрашивать у ванахеймца было бесполезно – он сам не знал, да и зная, не сказал бы. Из услышанного в «Девяти стрелах» Крысенок помнил: Вальдрио обещал оплатить расходы и доставить карту места поисков. Наверно, именно она теперь и лежит в капитанской каюте, а сам капитан – вот он, стоит внизу, разговаривает о чем-то с Зелтраном. Вот и Санча, устраивается на своем любимом месте на нижней палубе, улыбается направо и налево, а народ-то

рад стараться – прикажи сейчас красотка кому-нибудь прыгнуть с мачты вниз головой, да не в море, а на палубу – и ведь прыгнет! А в каюте, значит, никого нет… Правду говорят – вора проще казнить, чем отучить воровать. Будто сам лукавый Бел тащит Вайда за руку к растреклятой каюте и загадочному свертку!

Вайд потихоньку спустился вниз, бочком подобрался к незапертым дверям каюты и проскользнул в узкую щелку между створками. Так и есть, наверняка это он, доставленный «подарочек»… Конечно, шкатулка заперта, а ключ спрятан, но, после недолгой борьбы с собственной совестью, Крысенок извлек из потайного кармана необычно изогнутую бронзовую отмычку, повертел ею в замке и бесшумно открыл крышку так заинтересовавшей его вещи. Содержимое мешочков он определил с первого взгляда и трогать их не стал, но медный, позеленевший от старости тубус выглядел чрезвычайно любопытным. Мельком подумав, что если его поймают за таким занятием, как обшаривание капитанской каюты, то уж точно выкинут за борт с камнем на шее, Вайд развинтил покрытую чеканкой трубочку, вытащил захрустевший папирус и осторожно развернул.

Паутина тонких линий, покрывавшая пожелтевший лист, сперва показалась ему совершенной бессмыслицей, но, приглядевшись, Крысенок сообразил, что смотрит на план замысловато выстроенного помещения. Повертев карту, он попытался определить, где находится вход, но не сумел – все выходившие за пределы неизвестного строения ходы заканчивались тупиками. Вайд озадаченно поскреб ногтем одну из нанесенных смоляно-черной тушью линий – папирус выглядел исключительно старым, а рисунок ровно вчера сделали, даже краска мокро поблескивает еле заметными искорками. Если взять лист и повертеть в руке, кажется, что искорки, как живые, бегают по коридорам и залам. Значит, именно в этом доме придется искать «неизвестно что», явно отмеченное на плане красной стрелкой?

«Как бы убедить капитана взять меня с собой, – подумал Вайд. – Уж очень хочется посмотреть, как такое непонятное сооружение выглядит на самом деле…»

Крысенок вздрогнул, услышав, как заскрипели палубные доски под ногами прошедшего мимо человека, быстро свернул карту, засунул в тубус, бросил его в шкатулку, захлопнул крышку, повернув отмычку, бегло оглядел стол – вроде ничего не сдвинуто с места – и стрелой вылетел из каюты, не забыв прикрыть дверь.

Его кратковременного отсутствия никто не заметил, и Вайд, подобрав оставленный возле мачты музыкальный инструмент, поплелся на корму. Совесть не заедала – он же ничего плохого не

сделал, просто посмотрел! – однако, теперь любопытство жгло еще сильнее.

…День протекал медленно и тоскливо. Лишь после полудня на борту карака случилось некоторое оживление, вызванное появлением на горизонте большого квадратного паруса, несомненно принадлежащего галере. Но, помаячив в отдалении, неизвестное судно пропало, свернув к берегам Шема. В остальном плавание протекало непривычно – ни тебе лихих абордажей, ни ночных налетов на прибрежные поселки, ни бегства наперегонки с аргосскими и стигийскими военными галерами – тишина и спокойствие, ровный свист ветра в снастях да приближающаяся Стигия.

* * *

Красные скалы, по которым назвали неприметную бухту, оказались на деле вовсе не красными, а охристыми, с белыми и ярко-оранжевыми прожилками. Узкая полоса ослепительно белого песка, зажатая меж каменных россыпей, уходивших далеко в море, отделяла мерно накатывающий на берег прибой от буйной зелени джунглей. Отдавший оба якоря карак покачивался на волнах десятках в трех саженей от берега, а ялик в шесть весел, сновавший туда-сюда, перевозил груз и команду.

На берегу бухты раскинулось нечто смахивающее одновременно на безжалостно разгромленный кочевниками торговый караван и лагерь наемников в период военных действий – пара пологов, натянутых под защитой огромных валунов, разбросанные повсюду мешки и бочки, сложенное на войлочных подстилках оружие. У самого прибоя азартно, с криками и улюлюканьем, рубились трое на трое, кто-то постреливал из арбалета в прислоненную к камням деревянную мишень с грубо нарисованными разноцветными кругами, тут же дымил костерок, над которым покачивался закопченный вместительный котел.

– …А я говорю: капитан, давайте к Нергалу плюнем на эту затею и свалим, пока целы. Не пустят в Кордаву – не беда, уйдем к барахцам. Да с чего старому скряге нас выгонять – король же с нашей добычи имеет больше, чем собирает налогов со всего города! Принцесса заступится, в случае чего… Пообещаем, что впредь будем безобидны как новорожденные ягнята, и дело с концом.

Видно, боцман произносил эту проникновенную речь уже не в

первый раз, и теперь повторял в слабой надежде на истинность известной мудрости – вода камень точит. Зелтран и Конан сидели, прислонясь к нагретому солнцем камню, и боцман тщетно пытался убедить капитана в том, что казавшаяся поначалу такой легкой авантюра оборачивается чем-то непредсказуемым и исключительно опасным даже для искушенных в передрягах корсаров.

Во-первых пропала шкатулка с картой. Капитанская каюта запиралась только на ночь, но никому из команды «Вестрела» в голову не пришло бы войти туда. Тем не менее в один прекрасный вечер шкатулка исчезла, а над караком немедля пронесся ураган в образе его собственного обозленного капитана. Но маленькая коробка из светло-желтого дерева канула неизвестно куда, а на следующее утро тали одного из ялов оказались перерезанными, сам же ял с тремя корсарами из экипажа давно растаял в темной южной ночи. Все уже были готовы к тому, что корабль сменит курс и повернет назад, однако вмешался Крысенок, отозвавший Конана в сторону и затем надолго засевший в капитанской каюте вместе с ним. О чем Вайд толковал с киммерийцем – никто не узнал, но нос карака по-прежнему смотрел на восход, на стигийские берега.

– …Это ты-то – новорожденный ягненок? – невесело усмехнулся Конан. – Скорее уж старый козел…

– Пускай козел, – с готовностью согласился Зелтран. – Но сердцем чую

– не разыщем мы ничего хорошего, и сами сгинем!

Северянин ничего не ответил, крутя в руке небольшой кинжал-дагу и время от времени подбрасывая его в воздух. Клинок неизменно вонзался по рукоять в ставшую уже довольно глубокой ямку в плотно слежавшемся мокром песке.

– Это же Дарфар! – отчаявшись, напомнил боцман. – Дарфар, а не что-нибудь!

– Ну, Дарфар, – неохотно согласился киммериец. – Что с того? Дарфарцы не страшнее пиктов, да и прячутся не на каждом шагу. Пройдем…

– Без карты?

– Карта есть, – северянин кивнул на Крысенка, с выражением мрачной решимости метавшего тяжелые ножи в ствол тонкой раскидистой пальмы. Зелтран пожал плечами, отказываясь что-либо понимать и совсем расстроенным тоном сказал:

– Взяли б хоть Сигурда с собой…

– Я еще собираюсь вернуться, – буркнул Конан. – Мне нужен корабль. Вы вдвоем сохраните его. Надеюсь, ты не дашь подпалить себя во второй раз?

Сигурд, узнав, что его оставляют с частью команды на борту немедленно впал в ярость и схватился за меч. К величайшему удовольствию всего экипажа, тут же начавшего делать ставки, на корме «Вестрела» произошло небольшое сражение, закончившееся полетом ванахеймца на нижнюю палубу. К сожалению, никто не понял и половины мудреных северных слов, которыми обменялись капитан и рулевой, хотя смысл был ясен и без перевода. Обозленный и побитый Сигурд напоследок выкрикнул что-то уж совсем заковыристое, а на зингарском заявил, что больше никогда не встанет за штурвал этого проклятого корыта, а всех киммерийцев при рождении Кром явно бил по голове, причем очень тяжелым предметом. Потом ванахеймец отряхнулся и, зло ворча в бороду, отправился к своему ненаглядному рулю.

Трое сбежавших сами выбрали свою судьбу: по законам ли Братства или вольных корсаров, наказание за предательство было одно – смерть. Подозрительным, на взгляд киммерийца, было то, что беглецы не прихватили с собой ничего, кроме шкатулки – ну, это понятно – и лодки, на которой далеко не уплывешь. Сунуться в Стигию бывшие пираты зингарского короля не посмеют – с равным успехом они могут надеть себе на шею петлю и затянуть ее потуже. Значит, побег был рассчитан заранее и неподалеку (наверняка неподалеку – на шестивесельном яле втроем много не нагребешь) их поджидают.

О пропавших камнях Конан пожалел лишь одно мгновение. Куда досаднее было, что поход, похоже, срывался, а связанные с ним надежды летели Сету под хвост. Троица, укравшая карту, навлекла на себя шквал проклятий именно потому, что почти вынудила капитана «Вестрела» скомандовать поворот на север – без карты или проводника в подземельях делать было нечего. Никому не хочется признавать, что его обставили, но такие уж, как говорится, кости выпали…

Но кто мог подкупить, либо еще каким способом переманить на свою сторону людей киммерийца? Имела ли к этому отношение шедшая за «Вестрелом» галера или вмешался граф Боргеса? Судя по содержимому шкатулки, затерянная в стигийских джунглях вещь стоит немало, и неудивительно, что отыскались другие желающие ее раздобыть. Северянин уже убедился, что цель их путешествия известна не только в городе, но и на борту корабля, правда, в несколько искаженном виде.

Двое знавших все обстоятельства – Зелтран и Крысенок – молчали будто рыбы, значит, кто-то из веселившихся в «Девяти стрелах» молодцов, достаточно трезвый, чтобы частично подслушать разговор капитана и неприметного зингарца, потом растрепал всем то немногое, что понял.

Болтали разное: часть команды была твердо убеждена, что капитан лет десять назад, во времена Белит и «Тигрицы», припрятал кое-что в здешних краях, а теперь решил забрать; другие утверждали – наконец-то отыскалось место, где хранил свои сокровища Ригелло Барахский, третьи – о якобы предстоящем вскорости очередном налете на Стигию… Сходились в одном – добыча, если сумеем ее взять, будет богатой. Такой богатой, что можно с чистой совестью бросать опасное ремесло и доживать век в достатке и покое.

Поэтому любой из корсаров лез из шкуры вон, стремясь доказать, что на прогулку по джунглям к неведомой цели следует взять его и только его. Конан отобрал восемь человек, хотя поначалу собирался не брать никого. Варвар давно уже убедился на собственном опыте – в любом неизведанном месте одиночке пройти намного легче, чем отряду, даже малочисленному. Особенно если одиночка привык справляться с неожиданностями не только на море, но и на суше.

Кроме того, не следовало ни на мгновение забывать про слова боцмана – невдалеке лежал Дарфар, самый гиблый и опасный край во всех землях Юга. С пиктами еще можно договориться, с обитателями Дарфара – нет.

Охотник и жертва никогда не найдут общего языка, для дарфарцев-иогитов же все остальные люди были не более чем желанной редкой дичью. Иог, их божок, выродок Сета, всякой другой пище предпочитал человеческое мясо, его последователи придерживались аналогичных вкусов в выборе пищи. Восемь человек, выбранных северянином, были (если не брать в счет Вайда) лучшими на корабле, однако кто может с уверенностью сказать, справятся ли они с непредсказуемыми джунглями? Дарфарцы, может, и не прячутся за каждым кустом, но опасностей в южном лесу хватает и без людоедов…

Ял, пересекавший бухту, последний раз взмахнул веслами и ткнулся в берег. Вместе с бочками да мешками на нем прибыла Санча, с интересом озирающаяся по сторонам. Выбравшись на белый горячий песок, она от неожиданности подпрыгнула, затем достала из лодки какую-то вещь и решительно зашагала мимо лагеря по направлению к стоявшим в отдалении валунам, возле которых расположились капитан и боцман.

Когда она подошла поближе, Конан разглядел, что девушка несет большую оплетенную бутыль. Санча молча вручила сосуд киммерийцу, присела рядом и стала смотреть, как он привычными движениями, кончиком ножа извлекает туго забитую пробку. Наконец, кусочек дерева глухо чмокнул, вылетел, описав дугу, и покатился по песку. Отхлебнув, северянин передал сосуд

все еще раздосадовано сопевшему Зелтрану, и мельком подумал, что всю жизнь попадает в компании людей, которых ничто, на первый взгляд, не должно связывать между собой.

Вот сидят они сейчас на берегу – коренной зингарец Зелтран, родившийся в забытой Митрой приморской деревеньке, герцогская дочка, напрочь позабывшая о благородном происхождении, и он сам, наемник, пират и прочее… Одни называют это судьбой, некоторые – стечением обстоятельств, но Конан почти никогда специально не искал приключений – они сами находили варвара, и оставалось только следовать их прихотливыми путями да поглядывать по сторонам – какую еще загадку судьба подкинет по дороге и нельзя ли ее обратить в золото? Загадки, не приносившие дохода, всегда оказывались куда менее интересными…

Кора пальмы, послужившей Вайду вместо мишени, превратилась в разлохмаченное мочало, ножи глубоко увязали в стволе – получалась не проверка меткости, а сплошное мучение. Последний кинжал Крысенок с досады метнул в большую изумрудно-золотистую ящерицу, выползшую на прокаленную солнцем макушку валуна и пристальным немигающим взглядом наблюдавшую за человеком. Клинок проскрежетал по камню, перепуганная ящерица зеленой молнией метнулась прочь. Вайд вздохнул, выдернул засевшие в дереве ножи и отправился за последним, улетевшим за валуны. На душе было тоскливо – он добился своего и вместе с остальными уходил в джунгли, но никакой радости от этого не испытывал. Если бы время можно было повернуть назад, Вайд ни за какие сокровища не полез бы смотреть проклятую карту… И сейчас бросал кинжалы с такой яростью, будто злейшему врагу мстил.

Сначала через верхушку камня перелетел и наискось воткнулся в песок метательный нож с черной резной рукояткой, а затем явился притихший в последние дни Крысенок. Заметив откупоренный кувшин, уставился на него, как заблудившийся в пустыне – на появившийся вдали оазис. Убедившись, что остатки вина никому не нужны, Вайд забрал свой клинок, заодно прихватил полупустой сосуд и быстро ушел, провожаемый неприязненным взглядом киммерийца. Конан уже не раз повторял себе, что совершил непростительную ошибку, приведя мелкого воришку с улиц Кордавы на борт своего корабля.

В день пропажи карты, когда северянин высказал все, что думает о происхождении, привычках, а также дальнейшей судьбе похитителей, и уже собрался поворачивать «Вестрел» назад на север, как подошел вылезший откуда-то Крысенок. Пристально глядя на носки своих сапог и палубные доски, мальчишка, с

трудом выдавливая слово за словом, признался, что сумел открыть шкатулку и видел карту.

А затем брякнул такое, чему ни один здравомыслящий человек, а тем более Конан Киммериец, в жизни бы не поверил. Вайд клялся именами всех богов, что помнит карту наизусть, пускай и видел ее всего несколько мгновений. Конан и Зелтран прежде разглядывали лист старого папируса довольно долго, но не могли с уверенностью сказать, что помнят даже самую малую часть здания, изображенного на нем. Однако Крысенок настаивал на своем и выглядел насмерть перепуганным. Если бы Вайд был хоть немного не уверен в собственных словах, киммериец тут же послал бы его подальше, а заодно отвел душу, хорошенько всыпав ему за лазание в каюту. Но Крысенок трясся так, будто видел Нергала во плоти, что заставило северянина поверить ему, пускай и не до конца. Выглядел Вайд странно, и его необъяснимое поведение наводило Конана на мысли об истинности услышанного.

Карта приснилась Вайду вечером того же дня, когда он рискнул наведаться в каюту к капитану. Пожелтевший и обгоревший по краям лист лежал перед ним как наяву, а привидевшийся план казался даже более подробным, чем настоящий. Проснувшись, Крысенок подивился странному сну, но удивление быстро переросло в страх – стоило прикрыть глаза и сосредоточится, как невидимый лист с готовностью развертывался перед ним. Это было жутковатое и одновременно захватывающее зрелище – Вайд двигался по загадочному лабиринту, заранее зная, где и куда следует повернуть, но не имея ни малейшего представления, кто может поджидать его за очередным поворотом. Почему-то Вайд был уверен, что лабиринт населен, а наклонности у обитателей подземелий самые жуткие и опасные для человека. Еще в лабиринте метались по стенам странные тени, а разглядеть, кто их отбрасывает, было невозможно. Крысенок шел по узким коридорам, следуя за начерченной на полу тонкой белой линией и старался не отрывать от нее взгляда. Это было очень важно – не смотреть по сторонам и не сходить с неведомо кем проложенной тропы. Не выполнявшие этого правила нежданные гости навсегда оставались бродить по гулким пустынным коридорам, спускаясь все ниже и ниже.

…Что-то маленькое и черное выскочило прямо перед ним, завертелось под ногами, вереща и не давая идти. Вайд попытался отпихнуть назойливое существо ногой, промахнулся, шатнулся в сторону… Твердый каменный пол под ним тотчас провалился, лохматое существо довольно захихикало, перевесившись через

край бездонного колодца и помахивая лапой вслед падающему человеку. Вайд закричал, проснулся и с удивлением обнаружил, что в него уже раз пять кинули подвернувшимися под руку тяжелыми предметами, в основном сапогами. Заснуть снова он больше не смог – постоянно казалось, что стоит задремать, и снова попадешь в лабиринт с крадущимися по стенам тенями и притаившимися в темноте чудовищами…

А когда утром выяснилось, что подлинная карта пропала, окончательно растерявшийся Крысенок поступил так, как показалось ему наиболее разумным – сообщил капитану о творящемся, заранее соглашаясь с любым решением – продолжат они путь или вернутся. Капитан, похоже, не поверил ни единому слову, но предпочел, как всегда, использовать даже самый ничтожный из шансов, прежде чем окончательно отступить. «Вестрел» шел на юг, Вайд по приказу Конана безуспешно пытался начертить план по памяти, команда строила предположения о цели пути. Наконец, в клюзах залязгали якорные цепи и карак встал на якорь в бухте Красных Скал.

* * *

Кто бы ни был подлинным нанимателем команды «Вестрела», время для организации похода за необходимой ему вещью он выбрал совершенно верно. Если бы Конану пришла в голову мысль наведаться в Стигию, то лучший момент вряд ли бы подвернулся. В Стигии опять воевали (впрочем, там воевали всегда – если не с собственными мятежными провинциями, то с Шемом или Аргосом), а потому южные морские границы стояли совершенно неохраняемыми. Да что охранять: на стыке трех стран – Куша, Стигии и Дарфара – начинались знаменитые южные леса, а зловещая слава Дарфара с успехом заменяла любые пограничные отряды.

Киммериец рассчитывал как можно быстрее преодолеть десяток лиг вдоль южных пределов Стигии, затем предполагал еще пару дней на поиск гор, которым должно там находиться. Вряд ли это настоящие горы, наверняка просто высокие холмы или несколько скал, затем – спуск вдоль реки, и, если все пойдет как задумано – отряд у цели.

Дальше грядет полнейшая неизвестность.

Допустим, у них есть карта или нечто, ее заменяющее. Любитель чужих тайн Вальдрио ни полсловечком не обмолвился

о том, чего можно ожидать от пещер – киммериец и Зелтран, посоветовавшись с Вайдом, решили, что на плане все же изображена система пещер и подземных тоннелей. Кто создал это сооружение – природа или люди? Живет ли внутри кто-нибудь – если не люди, то звери наверняка давно облюбовали подземелье. А если люди – как они отнесутся к явлению неизвестных, пришедших за хранящейся в пещерах вещью? Может, она – их родовое сокровище или хранится в святилище некоего неизвестного божества? Сомнительно, что тогда отдадут миром… Да и кто знает, какую новую опасность представляет из себя этот таинственный предмет, и не будет ли лучше оставить его на месте? Конан знал по многолетнему опыту, что вышедшие из стигийских дебрей вещи никогда не приносили добра. Никому.

Впрочем, незачем гадать и зря ломать голову – доберемся, на месте сообразим, что к чему… Нет на свете непреодолимых опасностей. Даже если они с Зелтраном да Вайдом ошибаются, и на карте не пещеры, а, скажем, брошенный древний город – тоже не беда. В конце концов, Конан не так давно сумел в одиночку выбраться из нефритового Ксутала, города потерявших разум и волю людей, а заодно отправить обратно к Сету – или откуда он там взялся? – зажившегося на свете кровожадного божка…

Задерживаться на берегу дальше не имело смысла – достаточно одной случайно занесенной сюда стигийской боевой галеры, чтобы поход закончился, едва начавшись. Пусть «Тигрица» побывала здесь больше десяти лет назад, но память она оставила долгую, и стигийцы вкупе с Сетом от души порадуются, узнав о потоплении корабля Конана из Киммерии заодно с ним самим. А потому отряду следовало как можно скорее отправляться в дорогу, кораблю – пополнить запасы воды и уходить в море.

Маленькое ослепительно-белое солнце неторопливо ползло к полудню, посреди тихой бухты покачивался на волнах двухмачтовый карак, на берегу, возле наспех разбитого лагеря, толпились и переговаривались люди. Подгонялось и проверялось снаряжение, как всегда, в последний миг выяснилось, что нечто совершенно необходимое в спешке позабыли на корабле или вовсе не прихватили с собой… Наконец, нужное было собрано, сложено в мешки, увязано, и десять человек пересекли белую полосу песка, один за другим исчезая в буйной зелени джунглей.

Санча, сидевшая на борту вытащенного на прибрежный песок яла, смотрела им вслед. Южные леса невольно внушали почтение – она была уверена, что заблудилась бы, не пройдя и пары десятков шагов, и не представляла, как можно придерживаться нужного направления в таких жутких дебрях, не говоря уж о том,

чтобы отыскать необходимое место. Кроме того, Санча слышала множество наводящих ужас историй про обитателей Дарфара и судьбе немногих рискнувших пройти через владения чернокожих людоедов. Даже если удача будет на стороне маленького отряда и он незамеченным преодолеет земли дарфарцев, кто знает, что ждет людей с «Вестрела» в дальнейшем? Они собирались лезть в неизвестные подземелья и искать там что-то – такой вывод сделала девушка из немногих подслушанных разговоров да редких обмолвок Конана. Киммериец, как всегда, рассказал ей только то, что считал нужным, еще о кое-чем Санча догадалась сама. За год жизни на пиратском корабле она привыкла ко многому, в том числе к тому, что в любой из дней карак может натолкнуться на боевые галеры или команда прослышит о каких-нибудь затерянных в неимоверной глуши кладах и, также как сегодня, уйдет и не вернется. Что тогда будет?

Под чьими-то тяжелыми шагами захрустел песок, и Санча оглянулась. Мрачный Сигурд с такой завистью смотрел на раскинувшийся за полоской песка лес, что девушке стало не по себе.

– Сигурд, – нерешительно окликнула Санча, и, поскольку ванахеймец не отозвался, позвала погромче: – Сигурд!

– А? – можно подумать, он только теперь заметил ее. – Чего?

– Мы остаемся здесь?

– Нет, – он помотал головой. – Переночуем на берегу, а завтра уйдем в море. Тут опасно.

Об этом Санча и сама знала – Стигия, не терпевшая на своих землях чужаков, была слишком близко.

– Будем ждать в море? Сколько?

– Два раза по десять дней, – неохотно отозвался Сигурд. Санча подумала, что проще разговорить камни на берегу, чем не желающего разговаривать северянина. Все же она спросила, хотя язык не поворачивался высказать подобное предположение:

– А если они не придут через десять дней, что тогда?

– Тогда? – неожиданно рассвирепев, переспросил Сигурд. – Тогда я переверну эту треклятую страну с ног на голову и найду их, понятно, женщина?!

– Понятно, – покорно сказала бывшая дочь герцога и вздохнула. Лучше бы Конан возвращался поскорее, а то закончится тем, что Санча одна останется на корабле, а остальные будут бегать по джунглям и разыскивать друг друга!

ГЛАВА ПЯТАЯ

Стигия и Дарфар

Ночью прошел дождь. Тугие струи обрушились на плотный слой листьев, изо всех сил пробивая дорогу вниз, к земле, превращая толстый пласт палой листвы и глины в липкую и вязкую кашицу. К утру ливень прекратился, но оставались промозглая сырость да водопады холодных капель, летящих с каждой случайно задетой ветки. Тонкие стволы здешних деревьев, напоминавших гигантскую траву, и без того плохо горели, а сейчас настолько пропитались водой, что любая попытка поджечь их заканчивалась неудачей. В третий раз стукнув вместо кремня себе по пальцам, Вайд от души проклял мокрые дрова, собственное неумение и мрачно уставился на лежавшие возле будущего костра тушки маленьких зверьков, смахивающих на раскормленных и перекрашенных в желтый и зеленый цвета поросят. Кабанчиков следовало приготовить, а Вайд не имел ни малейшего понятия, как это делается. С чего хотя бы начинать? Шкурки с них ободрать, что ли?

Крысенок озадаченно потыкал в ближайшего зверька ножом и поскреб в затылке. Воровать было не в пример легче… Куда все, кстати, подевались, к демонам прямиком провалились? Выкопать яму в мягкой земле не так сложно, а они возятся, точно решили построить вторую пирамиду Кеми…

Отряд шел через джунгли уже третий день. Собственно, здешние леса не были настоящими джунглями – непроходимые чащи начинаются южнее, в Куше и Черных Королевствах. Тут, в Стигии, за полосой буйно разросшейся зелени вдоль морского побережья, через которую пришлось прорубаться, начались вполне проходимые заросли. Солнце в Стигии вставало совершенно так, как и в иных землях, сбиться с нужного направления было почти невозможно, и отряд, по примерным подсчетам капитана, преодолел уже почти половину пути до гор. Ни дарфарцы, ни следы их близкого пребывания на глаза не попадались, отчего некоторые самоуверенно решили, что и дальнейший путь будет столь же легким. Киммериец в ответ на подобные замечания ворчал, что болваны-корсары заметят дарфарцев, только когда дикари свалятся им прямо на головы, и что лично ему, Конану, не по душе такое благополучие.

Ожидаемые неприятности начались вечером третьего дня. На

выбранной киммерийцем незаметной полянке разбивали стоянку и ждали возвращения нырнувших в окрестные заросли Кореми и Марчо по прозвищу Коротышка, собиравшихся подстрелить дичи на ужин. Когда добытчики вернулись, помахивая связанными за лапы пестрыми птицами, похожими на короткохвостых фазанов, все заметили, что Коротышка заметно прихрамывает. От расспросов он небрежно отмахнулся, заявив, что наступил в начинавшем темнеть лесу на какую-то колючку.

Принесенных охотниками птиц еще не успели как следует ощипать, как Коротышка растерянно протер глаза и пожаловался, будто плохо видит. Затем ему неожиданно стало холодно, да так, что сидевшие рядом отчетливо расслышали стук зубов. Пока соображали, что делать, да искали в поклаже теплые вещи, Марчо трясло все сильнее и сильнее. Кореми неуверенно предложил разогреть прихваченного с собой вина и влить в глотку Коротышке, но тут незадачливый корсар задергался наподобие припадочного нищего, выпрашивающего медяки на ступенях храма Митры, выкатил глаза, захрипел, пытаясь что-то выговорить непослушным языком, и мешком опрокинулся на спину. Руки и ноги беспорядочно и мелко тряслись, его выгибало, как словно больного падучей, лицо медленно меняло цвет на синевато-серый. Опешивший отряд стоял кругом, не представляя, что можно сделать и чем помочь. Коротышка скрючился едва не вдвое, судорожно дернулся и затих, уставившись остановившимися глазами в пляшущий костер. Кто-то вполголоса, но от души выругался.

Позже Конан, вспомнив слова Марчо, осмотрел его сапоги. «Колючка», на которую наступил впотьмах Коротышка, оказалась кривым заостренным шипом неизвестного растения. Она без труда проткнула мягкую кожу насквозь, оцарапав стопу. Киммериец на всякий случай выбросил ее в огонь, подумав, что никто не сможет теперь сказать – наткнулся Марчо на шип случайно или такие колючки намеренно разбросаны в лесу: вдруг кто-нибудь, животное (или человек) наступит?

Так или иначе, но отряд уменьшился на одного человека.

Утром на берегу лесного ручья выкопали яму, опустили в нее завернутое в старый плащ тело Марчо и завалили могилу вывороченными из русла ручья камнями.

Спустя еще четыре дня, обогнув выдавшийся далеко на юг язык Великих Болот Стигии, девять человек пересекли невидимую черту границы Дарфара. Болота, почти непроходимые и населенные малоприятными на вид и злобными тварями, служили природной защитой южных пределов Стигии, а также неиссякаемым источником ядовитых и магических растений для

здешних колдунов. На Болотах раз в год цвел пурпурный лотос, и тогда маги Стигии и Черных Королевств готовы были задушить друг друга, но лишь бы раздобыть щепотку буроватой, сладко пахнущей пыли. Конан однажды испробовал на собственной шкуре, что может натворить крупица измельченных листьев лотоса: тебя будто обернутой тряпьем кувалдой шарахнули по голове, а потом мучительно вспоминаешь, как тебя зовут и что произошло. Если остался жив, конечно…

В лесу по-прежнему не замечалось никаких тревожных признаков, но киммериец не сомневался, что отряд заметили. Вопрос в том, достаточно ли у дикарей нахальства, чтобы напасть на вооруженных до зубов людей, быстро продвигавшихся через их земли. Еще есть надежда, что дарфарцы примут нежданных гостей за охотников за рабами, иногда забирающихся далеко на юг. В «охотники за головами» чаще всего шли поиздержавшиеся наемники, которым было нечего терять, и в последние годы таковые сумели навести страху на обитателей полуденных джунглей. По слухам, часть племен даже покинула обжитые места и подалась на юг, подальше от стигийцев и прочесывающих леса отрядов… Впрочем, слухи слухами, но ночью кто-нибудь обязательно стоял на страже, а во время дневных переходов никто не забывал о необходимости смотреть не только себе под ноги, но и по сторонам. Под ноги, кстати, посматривать было просто необходимо – дикари очень любили устраивать ловушки на тропах.

Утром пятого дня отряд перебрался по обросшему лишайниками стволу давно рухнувшего дерева через медленную реку с водой почти черного цвета. Лес постепенно менялся, солнечные лучи совершенно не могли пробить пышную листву, и внизу стоял мягкий зеленый полумрак. Подлеска здесь было меньше, но зато все стволы и пространство между ними опутывали толстые длинные лианы. Сначала люди попытались пролезать между ними, потом кто-то, застряв, сплеча ударил ножом по скрутившемуся в петли стеблю и немедля поплатился – из перерубленной лианы во все стороны брызнул желтоватый едкий сок.

Пострадавший, забыв об осторожности, заорал, с перепугу решив, что на него напала змея. Возник небольшой переполох, заметно усилившийся, когда прятавшееся в зарослях стадо крохотных антилоп, испуганных людскими голосами, врассыпную бросилось наутек, выскакивая из самых неожиданных мест. Пока наводили порядок и выясняли, что случилось, отошедший в сторону Альси наткнулся на хорошо утоптанную тропу, проложенную ходившими к реке животными. Тропа вилась между

деревьями, минуя завалы из упавших стволов, непреодолимые на первый взгляд заросли лиан, и вела в нужную сторону – на восход. Однако, пройти по ней можно было, лишь выстроившись цепочкой.

«Слишком тихо, – Конан, шедший впереди, оглянулся на бодро топавших за ним корсаров. – И подозрительно хорошо все складывается. Коротышка не в счет, скорее всего, он сам виноват. Ну не верю я, что мы посейчас никому не попались на глаза, не верю и баста! Вот только как дикари захотят от нас избавиться – нападут ночью или попытаются заманить в ловушку? Если новость о чужаках дошла до нескольких поселков, тогда придется жарковато – сюда сбежится вся округа, сколько их не есть. Еще бы – отличная добыча, сама в котел лезет, не упускать же случай! Ночью надо ставить на стражу двоих, и чтобы костер все время жгли…»

Быстрые ноги прошлепали по скопившимся на тропе лужицам, и перегнавший остальных Крысенок негромко сказал:

– Капитан, ребята спрашивают – на дневку будем становиться или нет? Скоро дождь будет…

Дождь во влажных, наполненных духотой и множеством диковинных запахов лесах Юга шел дважды – около полудня и ночью, почти в полночь. Короткий ливень проносился над вздыхающими деревьями, почти не долетая до земли, не принося прохлады, или облегчения. После дождя и вовсе становилось напрочь невозможно дышать, над всеми крошечными болотцами и ручьями поднимались звенящие тучи мошкары, превращая путешествие в затянувшуюся и особо изощренную пытку. Киммериец однажды слышал, будто в Черных Королевствах существует интересная казнь: оставление на съедение насекомым. Порой от обреченного за считанные мгновения оставался один начисто обглоданный скелет.

– В болоте, что ли, сидеть? – буркнул северянин. – Пройдем подальше, и встанем.

– Понял, – кивнул Крысенок, но не вернулся на свое место в цепочке, а пристроился на пару шагов сзади, выспрашивая что-то у шедшего вторым Альси. Для не умеющего помалкивать Крысенка строжайший приказ держать язык за зубами был равносилен запрещению дышать, и сейчас он снова забыл о нем. Конан приостановился, чтобы шедшие сзади поравнялись с ним, да собираясь сгрести неугомонного болтуна за шиворот и встряхнуть разок-другой, чтобы напомнить о необходимости молчать. И вдруг земля под ногами начала медленно проседать.

Киммериец действовал, не рассуждая, успев сделать три вещи: отпихнуть во сторону первого попавшегося под руку,

рявкнуть «Стоять!» и изо всех сил прыгнуть вперед. Конан приземлился на тропинку, слыша, как хрустят и ломаются под тяжестью людей ветки, прикрывавшие яму-ловушку, и с шорохом осыпается рыхлая земля. Убедившись, что проскочил опасное место, северянин вторым прыжком вломился в кусты, выхватывая меч, и только тогда оглянулся – позади остался темнеющий глубокий провал длиной в три-четыре шага. Привычные к нежданно сваливающимся на голову неприятностям и опасностям зингарские пираты поступили совершенно правильно – рассыпались и затаились вдоль тропы, ожидая возможного нападения. Крысенок, улетевший от толчка в заросли и единственный оставшийся на виду, запутался в лианах, но даже не пытался пошевелиться или выбраться, уставившись расширенными от ужаса глазами на мечущегося в яме человека.

В ловушку угодили двое – Альси и Гимец, прозванный за способность увиливать от любого дела Ужом. Альси повезло больше – он умер сразу, рухнув на вкопанные в дно ямы короткие острые колья, с легкостью, словно игла тонкую ткань, проткнувшие его насквозь.

Гимец успел заметить, как земля перед ним начала проваливаться, но не решился прыгнуть вперед. Он съехал в ловушку боком, переломав ноги и с размаху ударившись о торчащие жерди. Потеряв от боли остатки разума, Уж хватался за торчащие из стен ямы корни, не замечая, что из его рта и носа льются струйки густой яркой крови, а все старания выбраться наверх приводят к тому, что он сползает все ниже и ниже. Очередной корень с треском оборвался, Гимец опрокинулся на заостренные вершины кольев, с хрустом пробивших человеческое тело, и бешено задергался, точно угодившая в густую смолу муха. Из раскрывшегося в беззвучном крике рта темной волной хлынул поток крови, и, неестественно изогнувшись еще раз, бывший корсар с «Вестрела» затих.

Стояла такая плотная тишина, что хоть ножом режь ее на кусочки. Даже неугомонные птицы, возившиеся и пересвистывающиеся на вершинах, притихли. Мгновение уходило за мгновением, но никто не рушился из укрытий на деревьях и не выскакивал из зарослей. Дикари, если они поджидали неподалеку от устроенной ими ловушки, упустили наилучший миг для внезапного нападения – никто из опешившего отряда не смотрел по сторонам.

Запутавшийся в покрытой колючками лиане Крысенок неуверенно пошевелился, выбираясь на свободу, подкрался к осыпавшемуся краю ямы, вытянул шею и посмотрел, чем все закончилось. Затем поднял руку, дважды ткнул большим пальцем

вниз и начал медленно обходить провал в земле, стараясь не свалиться.

– Идиот, – рыкнул Конан, выбираясь на тропу и наблюдая, как попрятавшиеся корсары, ругаясь и подозрительно поглядывая на притихший лес, выдираются из зарослей, оставляя на ветвях клочья одежды. – Язык опять зачесался?

– Я…. – начал было Крысенок, но вовремя сообразил, что оправдываться бесполезно. Если бы он не заболтался с Альси, то, может, все обошлось и ветки, прикрывавшие яму, выдержали бы вес проходящих поодиночке людей. Но над ловушкой остановилось несколько человек, и неудивительно, что она провалилась.

* * *

«Трое долой, и дальше? Конечно, все знали, что направляемся не в веселый квартал Кордавы, но, если так будет продолжаться, нас быстро и без труда перебьют. Яма копалась на крупного зверя, а уж о том, какая дичь в нее попалась, будет к вечеру известно по всей округе. Ставлю все будущие сокровища против гнутого медяка, что ночью нас попытаются достать… Ну что же, тогда и поглядим, правду ли рассказывают о дикарях Дарфара!»

Тела Альси и Гимеца пришлось оставить в яме, ставшей им могилой – вытаскивать их оттуда было некогда, к тому же они крепко застряли на кольях. Ловушку наскоро забросали срубленными с ближайших деревьев ветками и тронулись дальше. Больше в этот день ничего не произошло, однако у Конана появилось стойкое убеждение, что отряд преследуют. Варвар не слышал шагов, не видел, чтобы между деревьями мелькала чья-нибудь тень, но твердо знал: их продвижение по лесу перестало быть тайной. Невидимые преследователи объявились в середине дня, сейчас солнце клонилось к закату, надо было искать место для ночлега, но никто из отряда не заикался об этом. Всем казалось, что чем дальше они уйдут от смертельной ловушки на тропе, тем будет безопаснее.

Сумерек в джунглях не существовало – солнце ныряло за вершины деревьев и сразу же темнело. Шастать непроглядной ночью по дарфарским лесам мог лишь безумец, пожелавший свести счеты с жизнью. После нескольких осмотренных и не приглянувшихся по причине закрытости со всех сторон мест, для ночевки выбрали холм с выросшим на его вершине огромным

старым деревом, вытеснившим своими побегами прочую растительность. Остаться незамеченными на холме было практически невозможно, но Конан решил, что лучше ночевать здесь, нежели в зарослях.

Пока окончательно не стемнело, у основания ствола выросла куча хвороста и нарубленных пальмовых стволов. Все понимали, что нынешней ночью вряд ли удастся вздремнуть, и знали – никому доселе не удавалось пройти через Дарфар без серьезных неприятностей. Возможно, некоторым не суждено было дожить до следующего утра, но каждый из семи сидящих у разгорающегося костра однажды сам выбрал жизнь, любой день которой мог стать последним. Сидели молча, иногда кто-нибудь вставал и ворошил горящие дрова, тут же начинавшие плеваться искрами. Отблески пламени плясали на лежащем рядом с людьми оружии и на напряженных лицах.

– Это правда, что дарфарцы – людоеды? – шепотом спросил Крысенок, потому что молчать дальше было невмоготу и ни к кому особо не обращаясь. В ответ послышалось чье-то недовольное ворчание и нарочито равнодушный голос Кореми:

– Говорят, что да. Стигийцы, проклятое племя, умудряются их приручать и держат вместо цепных псов.

– Вранье, – заметил Браччо-Быстрый Нож, любитель поспорить на любую тему, пусть даже предмет спора был ему неизвестен. – Зачаровывают их, это да.

– А ты что, сам видел? – ехидно поинтересовался Кореми.

– Мало ли чего я видел… – неуверенно отозвался Браччо.

– Вот и не треплись, – посоветовали из темноты.

– Да ты подумай своей пустой головой, ну как можно дарфарского демона приручить? – настаивал на своем Быстрый Нож. – Мясца ему, что ли, приносить? Где ж ты столько человечины напасешь?

– Нищих полно в любом городе, – негромко сказал Конан. – А приручить дарфарцев действительно можно. Имея к ним подход. Если хозяева иногда позволяют дикарям охотиться, то из дарфарцев выходят неплохие рабы.

– Это где ж такое творится? – недоверчиво спросил Браччо.

– В Замбуле. Самого чуть не съели.

Вокруг костра пробежал тихий смешок – подумать только, кто-то решил, будто капитана Конана можно пустить на закуску! Бедняга, сколько он прожил после этого?

– А что там было, в Замбуле? – полюбопытствовал Крысенок. – Туранцы все посходили с ума, и держат здешних тварей заместо домашних зверьков?

– Почти… Тихо!

Начавшиеся было шепотки мгновенно стихли, сидевший возле ствола киммериец одним кошачьим движением вскочил на ноги, прислушиваясь к лесным шорохам. Показалось или нет? Или попросту неподалеку заполошно вскрикнула испуганная птица? Ночные хищники редко подают голос, их жертвы верещат коротко и пронзительно, этот крик тоже был коротким, но совсем не отчаянным. Просто дремавшую на ветке птицу что-то разбудило, от неожиданности она вскрикнула и тотчас умолкла – проходившее мимо существо не представляло для нее опасности.

– Капитан, где… – заикнулся почуявший неладное Браччо. За его спиной шевельнулся силуэт, более темный, чем сама ночь, и с режущим уши визгом прыгнул через костер, высоко подняв над собой занесенное для удара короткое копье. Одновременно из темноты появилось еще с десяток черных теней, атаковавших маленький отряд.

«Выследили-таки! – зло подумал Конан, вскидывая меч навстречу первому нападающему. Сталь древней закалки без труда перерубила бамбуковое древко копья, и, прежде чем растерявшийся дикарь успел схватиться за собственный клинок, широкое и длинное лезвие наискось прокроило его через грудь, едва не развалив пополам. – Теперь остается только держаться… Если это все, что они собрали – то удача пока с нами!»

Киммериец ошибся – к одинокому костру примчалось гораздо больше десятка черных острозубых дарфарцев, вооруженных копьями и тяжелыми, расширяющимися к концам изогнутыми мечами. Дикарям отчасти удалось добиться своего – разбить отряд и заставить каждого сражаться только за себя, при том, что нападающих было по трое-четверо. Дальнейшее Конан видел урывками, когда у него появлялось мгновение, чтобы оглянуться по сторонам. Мечущееся пламя выхватывало из темноты неясные стремительные силуэты дикарей, отчаянно отбивающихся зингарцев, взблескивали багровым клинки…

Вот Браччо отмахивается от двоих насевших на него черно-лоснящихся фигур, удачно отбивает нацеленный в голову выпад копья, но второй из дикарей резко ныряет вниз, с размаху всаживая бронзовый клинок под ребра Быстрого Ножа… Кореми прыгает через костер, поднимая сноп искр, почти без замаха сносит голову отвлекшемуся дарфарцу и, отряхнув с меча черные в свете огня капли, кидается куда-то влево, в сторону, где Вайд проклинает выродков Сета и яростно визжит раненый южанин…

Черная тень с различимыми даже в темноте белками выпученных глаз вылетает навстречу, безуспешно пытается с наскоку пробить круг защиты, созданный клинком киммерийца,

попадается на простейшую уловку и отлетает назад с вылезающими из развороченного брюха внутренностями, все еще продолжая злобно скалить острые ровные зубы… Следующий осторожнее или умнее – кружит неподалеку, точь-в-точь собравшаяся напасть, но все никак не решающаяся прыгнуть гиена. Из темноты выскальзывает Крысенок – в каждой руке по кинжалу – умудряется приблизиться к дикарю почти вплотную, коротко бьет известным во всякой уличной драке «воровским ударом» – снизу вверх в живот, и снова пропадает в сизом облаке дыма… Метос, сопя и рыча, катается по земле, стараясь треснуть противника вцепившегося в одежду противника головой о твердый древесный корень…

Отбивая сыпавшиеся со всех сторон удары и время от времени протыкая особо яростно рвущихся вперед дикарей, у Конана мелькнула мысль, что на Равнинах Мертвых для тех, кто всю жизнь только и делал, что сражался, отведено похожее местечко: непроглядная ночь, неверные отблески готового погаснуть костра и лезущие через головы друг друга демоны, одержимые одной мыслью – свалить, затоптать, разорвать в клочья… Кром, да не весь же Дарфар сюда сбежался, в самом деле? Сколько их там?

Человек – даже не разобрать, корсар или дарфарец – рухнул в костер, завыл дурным голосом, вскочил и живым факелом, распространяющим вокруг себя приторно-сладкую вонь, понесся вниз по склону холма. Запнулся, неуклюже кувырнулся через голову и замер бесформенной кучей пылающего тряпья…

И вдруг бой прекратился. Дикари наконец поняли, что так просто отряд им не взять, или потеряв слишком много своих решили отступить. Быстрые черные фигуры беззвучно растворились в ночи, также тихо, как появились.

Безжалостно разметанный во все стороны костер чадил, давая больше дыма, чем огня, и едва освещая крохотное пространство между огромных корней дерева. Конан опустил меч, по самую рукоять покрытый темными кровавыми разводами, и чутко прислушался – тихо. Неужели из семи человек уцелел только он один? Быть того не может, на «Вестреле» попадали в переделки похлеще сегодняшней, и ничего – оставались живы!

– Эй, – негромко позвал киммериец. В ответ донесся жалобный стон:

– Вытащите меня…

Голос, без всякого сомнения, принадлежал Крысенку. Мальчишка почти не пострадал, но на него сверху навалились тела двух огромных дикарей. Пинками отшвырнув тяжелые, почти неподъемные трупы, Конан сгреб Крысенка за шиворот, поставив

на ноги.

– А что… все? – Вайд ошарашено посмотрел по сторонам, разыскивая полчища злобных дарфарцев. – Мы их…

– Скорее, они нас, – огрызнулся северянин. – Кто был рядом с тобой, помнишь?

– Кореми, – уверенно отозвался Крысенок, – а потом он убежал… Капитан, разве только мы…

Не отвечая, Конан отправился в обход дерева, внимательно осматривая валявшиеся возле корней тела. Оставшийся стоять возле костра Крысенок недоуменно посмотрел вслед капитану, вытащил из почти погасшего пламени костра тлеющую палку, соорудив подобие факела, и побежал вдогонку.

Они нашли трупы Браччо и парня-зингарца, которого все знали только по прозвищу Ворон. Кореми и еще одного корсара не было – похоже, дарфарцы утащили их с собой, как и почти всех своих убитых.

Насколько было известно киммерийцу, для любого – погибшего в бою – неважно, соплеменника или врага, существовала лишь одна дорога – в желудки вечно голодных южных дикарей. Если Кореми и второй корсар мертвы, то им крупно повезло…

– Капитан, там кто-то шевелится! – дрожащим шепотом сообщил Крысенок, уставившись на переплетение темных ветвей. – Только что дергался…

– Где? – в указанном Крысенком месте движений не было, но, подойдя поближе, Конан различил скорчившуюся среди разлапистых листьев человеческую фигуру. Услышав шаги, человек поднял голову, рыкнул угрожающе и потянулся к лежащему рядом мечу.

– Это я, – сказал северянин, сообразив, что обитатель Дарфара вряд ли будет ругаться по-зингарски. Нашелся еще один уцелевший. – Молчун, ты живой?

– Почти, – с трудом выговорил названный Молчуном. – А еще кто..?

– Крысенок цел. Не дергайся, сейчас вытащу.

Костер погас окончательно, и пришлось в полной темноте разжигать его снова. Собиравший разбросанные по всему холму дрова Крысенок наткнулся на раненого дикаря, пытавшегося незаметно уползти, и немедленно заорал, что было простительно – дарфарец, шипя не хуже разъяренной кобры, попытался схватить мальчишку за ногу. Даже когда примчавшийся на вопли Конан проткнул мечом извивавшееся и залитое кровью существо, мало похожее на человека, дикарь продолжал ползти, цепляясь скрюченными пальцами за землю. Угомонился он лишь после

второго удара, перебившего хребет. Пришлось с факелами обойти холм заново, но больше живых не нашлось – тот оказался единственным.

* * *

– И что мы теперь будем делать? – длинная ночь подходила к концу, далеко на востоке, за зубчатой линией древесных верхушек разгоралась светло-желтая полоса наступающего рассвета. – Пойдем дальше? А, капитан?

Крысенок задавал этот вопрос в различных вариантах уже в который раз, но ответа не получал – любая попытка заговорить с капитаном оканчивалась одинаково: Конан сердито ворчал сквозь зубы и, наконец, приказал Крысенку заткнуться хотя бы до восхода. Третий выживший после ночной схватки, корсар по прозвищу Молчун, которого Вайд перевязал как умел, сейчас дремал, изредка вскрикивая во сне. Вайд подтолкнул в костер прогоревшее полено и нерешительно повторил, обращаясь к самому себе:

– Ну что делать-то?

Самому Крысенку все представлялось совершенно ясным – необходимо как можно скорее возвращаться на берег. У десяти человек еще имелся шанс пройти через леса, трое же, один из которых ранен, а другой – он сам, Вайд – мало на что способен, не уйдут дальше этого холма. Правда, есть третий, стоящий былых десяти, и он-то наверняка не повернет назад… Тут мысли Крысенка зашли в тупик: капитан никогда в жизни не захочет быть проигравшей стороной, а значит, им двоим волей-неволей придется идти за Конаном. Пробираться к морю в одиночку? Проще будет дойти до ближайшего дарфарского поселка и покричать: «А мы тут!» И по-прежнему очень хочется хоть глазком взглянуть на загадочные пещеры…

Сидевший возле изрытого трещинами древесного ствола Конан, казалось, дремал, но Крысенок не сомневался, что капитан все отлично слышит, и, наверняка, сам ломает голову над дальнейшим выбором. А может, и нет – для подобных людей не существует тягот этого выбора. Следовательно, когда рассветет, придется снова тащиться дальше… Прыгнул, называется, в помойную яму за монеткой… Правильно говорила мама Акма: «Все твои беды – от любопытства, дурачок! Меньше лезь в чужие дела – дольше проживешь!» Ах, Кордава, Кордава, как ты далеко,

и зачем я только ввязался в эту жуткую историю? Домой хочу…

Спящий человек заворочался, приоткрыл глаза и осторожно попытался сесть. Осипшим со сна голосом Молчун произнес:

– Вайд, попить нету?

– Есть, – отозвался Крысенок, роясь в сваленных в кучу мешках в поисках фляги с водой или с вином. – Ты как?

– Идти смогу, – Молчун сел поудобнее и мрачно огляделся вокруг. – Неплохо они нас…

Молчуна на самом деле звали Метосом. В отличие от Крысенка – полукровки более чем сомнительного происхождения, Метос был настоящим аквилонцем: по рождению – коренной шамарец, и по виду – высокий, светловолосый, с серо-голубыми глазами. На «Вестрел» он попал недавно, три или четыре месяца назад, а до того был наемником то ли в Аргосе, то ли в Шеме. Команда трепалась, что Метос – из благородных, а Зелтран даже предлагал прозвать его Нобилем, но из-за способности обходиться одним словом в день к Метосу надежно прилипло прозвище Молчун. Вайду он нравился – хотя бы потому, что единственный из команды карака никогда не называл его Крысенком.

Напившись, Молчун кивнул и негромко позвал:

– Капитан!

– Ну? – отозвался Конан. – Ожил?

– Да… Сколько нам еще идти?

– Очень неподалеку должны быть горы, и от них еще лиг пять вниз по реке…

– А там – что? – как о чем-то само собой разумеющемся спросил Молчун.

– М-м-м…

Крысенок не поверил своим глазам – капитан заколебался, явно не зная, рассказывать всю историю с самого начала, или не стоит. Вместо ответа окликнул:

– Крысенок, сообрази пожрать чего-нибудь.

– Соображу, – послушно кивнул Вайд и принялся снова перетряхивать мешки в поисках остатков вчерашней добычи да припасов, взятых с корабля. Краем уха он слушал, как киммериец описывает гулянку в «Девяти стрелах» и слишком много знающего человека, назвавшегося Вальдрио.

Рассказ получился длинным – на все утро, прервались только на еду. Дослушав варвара, Метос с любопытством посмотрел на Крысенка, точно видел его в первый раз, присвистнул и задумчиво протянул:

– Интересно… Ребята полагали, будто мы собираемся навестить Тот-Амона.

– На кой нам сдалась эта стигийская скотина? – не понял Конан. – Нет совершенно никакого желания встречать его!

– И все же многим казалось, что соглядатаи короля раскрыли его убежище, и Фердруго послал нас окончательно добить проклятого стигийца… Кстати, любопытно узнать, что случилось с короной, которую нашли на Безымянном?

– Пропили, – хмыкнул киммериец. – Я ее заложил королевскому ювелиру, камешки вынули, золото переплавили, на оставшееся – гульнули.

– Я так и думал, – кивнул Молчун. – Надо полагать, теперь мы попробуем идти дальше? Было бы просто нелепо возвращаться с полпути. И что, Вальдрио ни слова не сказал про… предмет поисков? И про этот странный дом, или пещеру?

– Ни единого, – подтвердил Конан. – Я так думаю, сам Вальдрио представления не имел, куда нас отправляет. Но главный наниматель должен был рассказать ему про подземелья и вывести на нас! Наниматель, у которого хранилась карта.

– План могли доставить через человека, не знающего, что происходит и что именно ему поручено передать. Допустим, Вальдрио выходит из таверны и задерживается у входа. Прежде чем уйти, подает знак. Человек со шкатулкой, увидев, понимает, что все в порядке и отправляется разыскивать Сигурда. Это нетрудно – в Гавани любой скажет, где найти людей с «Вестрела», – предположил Метос. – Тогда настоящему хозяину карты незачем и показываться в городе. Я вот чего не пойму – если владелец карты богат, то какого ж демона он не может сам собрать большую, сильную команду, сходить за этой вещицей да забрать ее? И почему убили Вальдрио?

Вайд, слушая эти, необычно длинные для замкнутого аквилонца речи только дивился – с чего это Метос снял замок со своего языка? Испереживался, наверное, бедняга.

– На всякий случай. – Пожал плечами варвар. – Может, ему оказалось недостаточно денег, полученных за переговоры со мной, и старый пройдоха решил подзаработать еще? Пошел и доложил Боргесе, куда и зачем мы отправляемся. А граф решил сделать все по-своему – отправил доносчика в гости к Нергалу, натравил на нас городскую стражу, а сам помчался со всех ног к заветному местечку, – тут северянину пришла в голову замечательная мысль, позволившая составить из разрозненных сведений складную цепочку. – Что до настоящего хозяина… Может, он помер на днях и наследники делят последние медяки? Представь, что скучающему богачу досталась карта с неясными указаниями, вот он и решил рискнуть: раздобудем мы чего-нибудь – замечательно, не вернемся – еще лучше, глаза больше

никому мозолить не будем. Чтобы не маячить в Кордаве и не привлекать внимания, наш хозяин нанимает известного исполнителя темных поручений Вальдрио, и готово – никто ничего не знает, а мы роем носом джунгли, что твои гончие! Наперегонки с Боргесой, ведь он наверняка тоже примчался сюда. Его люди, наверное, еще на побережье – «Красотка» в ходу тяжеловата.

– А «Араминта»? – рискнул вмешаться и напомнить Крысенок. – Как можно было узнать про нее?

– Один оставшийся в живых просто доплыл до берега, – отмахнулся Конан. – Или мы не заметили лодчонки, болтавшейся поблизости, зато нас видели и узнали. Пес с ней, с этой галерой, давайте собираться, а то до полудня просидим…

Браччо и Ворона хотели сперва закопать, но выяснилось, что земля на холме твердая как камень, вся пронизана узловатыми корнями, да и рыть могилу совершенно нечем. Тогда развели костер побольше и сожгли. Тела сгорели быстро, исходя черным жирным дымом, столбом поднимавшимся вверх – наступавший день был безветренным. В костер бросили все лишние вещи, кроме оружия – пригодится. Спустились с холма, пересекли журчавший у подошвы ручеек и двинулись дальше – на восход, к неизвестным горам.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Дарфар, форт Ксоло и подземелья

Стрела ударила в дерево прямо над головой Вайда, кусочки коры брызнули в разные стороны. Моментально припомнивший лихие улицы Кордавы Крысенок заучено присел и метнулся в сторону. Вторая стрела прошла немного ниже, прошив по пути несколько пальмовых листьев и глухо цокнув о ствол.

– Ну ничего себе… – Крысенок юркнул за куст усыпанный яркими цветами и огляделся. Конана и Метоса, конечно, не видно, успели спрятаться. Однако кто же стреляет в мирных путешественников? М-да, напрочь дикарская страна, спокойно пройти по своим делам нельзя!

Должно быть, Крысенок пошевелился, потому что третья стрела коротко свистнула над укрывшим его кустом и сбила раскачивающуюся цветочную гроздь. Одновременно справа донесся злобный шепот:

– Ты, придурок, можешь хоть мгновение посидеть спокойно?

– Могу! – прошипел в ответ Вайд. – Но по мне стреляют!

– А ты дергайся больше… Откуда бьют, заметил?

– Не…

– Вот и помалкивай!

…К горам Конан и его спутники вышли спустя два дня после ночного боя на холме. Конечно, никакие это были не горы; во всяком случае, с киммерийскими не шли даже в сравнение. Так, несколько беспорядочно разбросанных холмов, с которых проливные дожди смыли верхний плодородный слой почвы, и наружу вылезло скальное основание. Где-то неподалеку надо было отыскать реку, текущую на юг, но пока три человека безуспешно рыскали в путанице ущелий и распадков, переходящих друг в друга и наглухо заросших неизменными лианами. Река на глаза не попадалась. Ручьи, маленькие водопады, стоячие затхлые болотца – сколько угодно, а вот настоящей полноводной реки не было.

Но отсутствие необходимой реки – это еще полбеды. Гораздо хуже было то, что сегодня утром Молчун не удержался на скользких, затянутых пленкой белесого мха камнях, поскользнулся и шагов двадцать летел вниз по склону, пересчитывая все встреченные на пути валуны. Он умудрился ничего себе не сломать, но глубокая и только начавшая заживать

рана, нанесенная копьем дарфарца, снова открылась, и теперь Метос едва ковылял, морщась от боли, позади Конана и Крысенка, старавшихся идти помедленнее. А теперь еще и стрелы неизвестно откуда!

Одна из них вонзилась в землю неподалеку от киммерийца. Тяжелая, короткая, почти без оперения, не стрела вовсе, а арбалетный болт. Но кто, ответьте во имя всех богов, может в дарфарских джунглях стрелять из арбалета? Дикари используют длинные луки или духовые трубки – стрелы для первых длинные, для вторых – очень маленькие и легкие. Значит, стигийцы, но что им делать в такой глуши? Кто же стреляет? Арбалетчик явно засел вон на том скалистом уступе, снизу его не видно, зато для стрелка узкая долинка как на ладони.

– Метос! – окликнул притаившегося между темно-красными валунами Молчуна северянин. – Я – наверх, постараюсь взять ублюдка. Посматривай по сторонам, вдруг он тут не один?

Метос, снова впавший в угрюмство, кивнул и указал глазами на каменный уступ: «Он там?»

– Там, там.

Пока Конан осторожно поднимался на одиноко торчащий каменный выступ, спрятавшийся охотник выпустил еще две стрелы, но целил явно наобум – туда, где хоть что-то шевелилось. Лазать по здешним горам было сплошным удовольствием – полно ямок, трещин, цепких лиан; короче, не склон, а настоящая лестница. Киммериец на всякий случай поднялся повыше небольшой площадки, где притаился стрелок, и через заросли разглядел желтоволосую голову. Значит, не стигиец. Наемник-одиночка, бродящий сам по себе?.. И это в лесах Дарфара? Чудеса!

До притаившихся Метоса и Крысенка донесся пронзительный взвизг, звуки, сопровождающие любую потасовку, а затем послышался громкий голос Конана:

– Вылезайте, поймал!

Происходившее на каменной площадке действо было несколько необычным – Крысенок даже рот приоткрыл от изумления – капитан, посмеиваясь, удерживал за руки разъяренную беловолосую девушку, а та изо всех сил пыталась вырваться и витиевато крыла варвара на отборном жаргоне наемников.

– Это что? – Метос, опровергая свое прозвище, обрел дар речи первым.

– Скорее, «кто», – усмехнувшись поправил киммериец, дав ругающейся девице легкого пинка, чтобы перестала брыкаться. От неожиданности она на мгновение замолчала, обведя прибывших

таким взглядом, что от Вайда с Метосом должны были остаться только дымящиеся угольки.

– А как она здесь оказалась? – растерянно вопросил Вайд. – Не стигийка… И уж точно не дарфарка.

– Отвечать будешь? – поинтересовался северянин у примолкшей девушки. В ответ последовало такое, что Конан восхищенно присвистнул, а Метос удивленно поднял брови. – Ясно, не будешь. И что теперь с тобой делать, а?

Крысенок оглядел прилепившуюся к стене обрыва площадку, заметил знакомый предмет, валявшийся в траве, и поднял его. Небольшой мощный арбалет из темного дерева с натянутой тетивой и вложенным в желоб стальным болтом. На ложе выжжено клеймо – вставший на задние лапы лев.

– Аквилонский, – сообщил Вайд, показывая свою находку.

– Положи откуда взял, глиста! – зло крикнула девица.

– Почему «глиста»? – оскорбленный Крысенок нацелил арбалет на обидчицу и кровожадно осведомился: – Капитан, можно я разок выстрелю?

– Перестань, – скривился Конан. – Так откуда ты взялась?

Девушка гордо вздернула голову и ничего не ответила. Но тут заговорил Метос:

– Она пуантенка.

– Ну и что? – огрызнулась девица. – Откуда знаешь?

– А как пуантенка могла оказаться в Стигии? – задал резонный вопрос киммериец и сам ответил: – Либо беглая рабыня, либо…

– Паскуда! – девушка ожесточенно задергалась, рискуя вывихнуть руки. – Пусти!

– Тихо, – киммериец встряхнул неугомонную красотку, так что у нее отчетливо лязгнули зубы, а короткая толстая соломенная косичка мотнулась над головой, описав круг. – Помолчи.

– Она не беглая, – заметил Молчун. – Похоже, она живет где-то рядом.

– Ничего я вам не скажу! – заявила девушка, хотя ее никто ни о чем и не спрашивал. – Никого не найдете! Никого!

– А кого мы должны искать? – невинно поинтересовался Крысенок. Над полянкой повисло недоуменное молчание, девица заново внимательно оглядела зингарцев и уже спокойнее спросила:

– Слушайте, а вы вообще кто и откуда?

– С этого и следовало начинать, – сказал ей Конан, будто непослушному ребенку. – Мы из Зингары, а ты что подумала?

– А почему я должна тебе верить, ты, медвежий выкормыш? –

в голосе девушки сквозило неприкрытое ехидство. – Ты ж, наверное, любого вокруг пальца обведешь и скажешь, что он сам виноват.

– Может, ты мне поверишь? – негромко сказал Метос. – Мы действительно из Зингары, с карака «Вестрел», и здесь… м-м… по своим делам.

– «Вестрел»? – недоуменно переспросила девица. – Корабль Запораво?

– Теперь он мой, – непререкаемым тоном заявил киммериец.

– Надо понимать, что Запораво плещется в морях у Нергала? – уточнила незнакомка. Помолчала и добавила: – Туда, впрочем, старому павиану и дорога… Послушай, может ты меня все-таки отпустишь? Я не убегу.

Северянин выпустил заломленные назад руки девушки, она отошла на пару шагов и стала растирать посиневшие запястья, не делая попыток выхватить у Крысенка свой арбалет и озадаченно переводя взгляд светло-голубых глаз с одного из своих невольных собеседников на другого. Наконец, она решительно шагнула вперед и назвалась:

– Фелле. Из Пуантена.

– Конан Киммериец. Метос. Крысенок.

– Как? – не поняла Фелле.

– Капитан шутит, – мрачно сказал Вайд. – Это я. Вообще-то меня зовут Вайд.

Девушка понимающе усмехнулась, протянула руку к своему арбалету и уже по-свойски поинтересовалась:

– Так какого демона вы тут шляетесь, да вдобавок с раненым? – и, поразмыслив, добавила: – Ладно, пошли со мной.

– Куда пошли? – немедленно спросил Крысенок.

– Вы ж правильно сообразили – я тут живу. Уж извините, места у нас неспокойные, кто раньше успел – тот и жив остался. Потому я в вас и стреляла – подумала, что вы «охотники за головами», – несколько смущенно объяснила Фелле.

– Где тут можно жить?

– Не на деревьях же. Как все нормальные люди – в форте.

* * *

– Мой отец был наемником. Их было двое братьев, отец – младший. А матушка сидела дома и ждала, – Фелле перепрыгнула через торчащий корень, поправила висящую через

плечо добычу – связанных за лапки пестрых жирных птиц в ярком оперении – и продолжила: – Однажды папа с братом вернулись и заявили, что забирают нас – меня и маму – с собой. Мол, так будет спокойнее. Мне тогда только десять стукнуло. И мы ушли. До сих пор хочется дома побывать, я ведь почти ничего не помню. А там, в Пуантене, говорят, красиво.

– Я слышал, что Троцеро Пуантенец – справедливый правитель, – заметил Конан. – Чего ж вы сбежали?

– Герцог-то хороший человек, – вздохнула Фелле. – Знаешь поговорку насчет того, что все гниет с головы? А Троцеро не голова, он правитель Пуантена и только, понятно? Мой папочка и дядя совершенно не умели жить, не ввязываясь во всякие истории… Справедливости хотели. Так вот, мы уехали – сначала в Немедию, там воевали с Кофом, потом подались в Боссонские топи, а там…

Широкая натоптанная тропа змеилась по скалистым холмам и ущельям, Фелле и Конан шли впереди, сзади Молчун и прислушивающийся к каждому слову Крысенок.

– Боссонцы в очередной раз попытались передвинуть границу на закат, а пиктам это очень не понравилось. Получилась такая заварушка, что до сих пор вспомнить страшно… Мама и отец погибли, меня в суматохе не заметили, а дядя уехал в это время на северные границы. Когда вернулся, там, где стоял форт, осталась куча головешек да бродили несколько уцелевших.

Фелле тяжко вздохнула, помолчала немного, и уловив наконец заинтересованный взгляд варвара, продолжила:

– Дядя мог, конечно, отвезти меня домой и пристроить в какой-нибудь знакомой семье, но сказал, что я теперь единственная его родственница, и никому он меня не отдаст. Конечно, если бы я родилась мальчишкой, все было бы проще, но какая уж есть – такая есть. Дядя заявил, мол, земля ему до смерти надоела, и потому хочет он попробовать себя на Барахских островах. С ним пошло человек двадцать, добрались до Кордавы, оттуда до Вольных Островов рукой подать. Сначала нанялись гребцами, потом скопили золота, купили собственный корабль – старую галеру на десять весел. Назвали «Летучей рыбой» и отправились в плавание…

Киммериец кивнул, чтобы показать, что не пропускает ничего из рассказа. За свою жизнь ему довелось выслушать от различных людей (и не совсем людей, а также совсем не людей) столько невероятных историй, что по сравнению с ними повествование девушки из семьи наемников выглядело более чем незамысловато.

– А дальше? – подтолкнул он задумавшуюся Фелле.

– Дальше? Ходили по Западному Океану, нанимались груз перевозить, когда везло – обчищали кого-нибудь, – она весело ухмыльнулась. – Хорошо было… Пока на нас не налетели аргоссцы, злые как нергаловы демоны. Видно, им очень хотелось потопить хоть кого-нибудь, а подвернулись мы. Ну, и булькнула наша «Рыбка», одни пузыри пошли – пробили носовым тараном едва ли не насквозь. Мы попрыгали за борт, поплыли к ближайшему берегу, вылезли, осмотрелись – и захотелось залезть обратно в море и утопиться. Занесло нас прямиком в Стигию, как раз возле устья Стикса. Даже от берега отойти не успели, попались береговой охране. Повезли нас в Кеми. Просидели в тамошней подземной тюрьме – мерзкое местечко! – месяца два или побольше, потом предложили на выбор – либо присягаем Великой Стигии и идем бить шемитов, либо тоже идем, но на виселицу, как лазутчики того же Шема. Мы подумали-подумали, и решили, что попробуем перебежать в Шем.

– И пошли?

– А что оставалось делать? Наемнику что – с кем бы не воевать, лишь бы платили. Но платили с кошкин хрен, а били очень сильно, потому посражались мы за Великую Стигию и прикинули так, что хватит с нас. Хотели сдаться шемитам, но не успели – всех наемников отвели обратно. Тут еще пошли слухи, что сетовы отродья хотят нас извести под корень, и разоряться на плату тогда не придется. Вернулись в Кеми, распихали нас по казармам, дядя собрал народ и спросил – кому жить охота? Выяснилось, что всем, и тогда решили, что надо прорываться в гавани, брать корабли и уходить отсюда, пока целы. До гаваней мы не дошли, но из города выскочили, и пошли нас гонять, не хуже, чем волков на облавной охоте…

О мятеже наемных отрядов в Кеми, случившемся почти год назад, ходили разные слухи. Большинство утверждало, что наемников загнали в Южные болота, где они все благополучно и передохли. Теперь Конан еще раз убедился, что никаким сплетням доверять нельзя. А Фелле продолжала:

– …Гоняли, гоняли, и отжали, наконец, к Дарфару. Делать нечего, сунулись в джунгли, остались живы, а тут дядя припомнил, что слышал о брошенном стигийцами старом форте, на границе. От погони мы сумели отвязаться, но из лесов выбраться было невозможно, и пошли мы искать этот форт. Наверное, мы везучие, раз его нашли – там даже стены не все рухнули. Припугнули дикарей, чтобы не околачивались поблизости, заняли крепость по всем правилам. Сначала думали – пересидим месяц-другой и снова вернемся на побережье, потом прижились, отстроили, что могли, и объявили себя свободной

землей…

– Интересно, а кто-нибудь в Стигии знает, что у них на границе торчит ваша «Свободная земля»? – не без иронии поинтересовался киммериец, и Фелле тихонько захихикала:

– Нет, конечно, а то показали бы нам свободу… Но хорошо звучит – вольная земля форта Ксоло.

– Ксоло? – переспросил северянин. – Это по-стигийски что, «Прошлое»? Кто ж так назвал?

– Скорее, «Бывшее», – поправила Фелле. – Мы и назвали. Потому как все – «бывшие». Бывшие пираты, бывшие наемники, бывшие рабы… Вот, пришли.

Форт Ксоло находился в неприметной долине, огражденной с трех сторон утесами мрачного красно-желтоватого цвета, и представлял из себя неправильной формы четырехугольник с остроконечными башенками на углах и над входными воротами. Стены крепости некогда были сложены из местного серого гранита, но теперь часть вывалившихся камней с успехом заменяли бревна. Вокруг укрепления был проложен ров, и Конану показалось, что в нем даже поблескивает вода. Там, где в ущелье проникал солнечный свет, зеленели огороды, над плоскими крышами зданий в форте поднимались почти неразличимые сизые дымки. К воротам крепости вела дорога, некогда полностью вымощенная белым камнем, но изрядно подпорченная временем и людьми.

– Вот, – с гордостью повторила Фелле. – Это Ксоло.

– Маленький какой, – снисходительно сказал Вайд, которому после Кордавской крепости все другие казались игрушечными.

– Маленький, – согласилась девушка. – Зато никому не по зубам. Во-он там идет вниз просто замечательная долинка, чтобы скатывать камни на головы. А во рву у нас водные ящеры живут, человека пополам перекусывают и не давятся… Слушайте, ну куда же вы все-таки собирались?

– Фелле, а ты не знаешь, здесь поблизости есть большое подземелье? – осторожно спросил Конан. Та даже не задумалась:

– Конечно есть. За тем холмом течет речка, спуститесь вниз по течению лиг на пять и будут вам пещеры. То ли бывшее капище, то ли город, еще с давних времен, когда жили эти… люди-змеи. Мы туда однажды сунулись из интереса: говорили, будто там сокровищ спрятано – на всех хватит и еще столько же останется.

– Ну и как, много нашли? – сунулся заинтересованный Крысенок.

Фелле помолчала, как-то странновато посмотрела исподлобья и неохотно отозвалась:

– Нет. Мы дошли до пещер, но не смогли попасть внутрь. Всем стало… даже не знаю, как сказать… жутко, точно живьем тебя хоронят. Тут и сокровищ никаких не надо, ноги бы унести и желательно вместе с головой. А вы что, туда собираетесь?

– Вроде того.

– Просто вам всем охота помереть раньше времени, – заметила Фелле, и киммериец остановился на полушаге:

– Кому – «всем»?

– Да вчера вечером еще какие-то пришли, говорили – тоже подземелья ищут, – охотно объяснила девушка и удивленно взглянула на замершую на дороге троицу. – Вы чего?

– Кто они? – торопливо спросил Крысенок, умудрившись опередить задавшего тот же вопрос капитана. – Они назвались? Как выглядели?

– Да не знаю я! – сердито отозвалась Фелле. – Я их видела-то мельком, когда в лес шла. Вроде зингарцы. Собирались сегодня с утра уйти.

– Боргеса, – уверенно сказал Конан. – Обогнал, скотина. Ну ничего, мы господина графа еще догоним… Обязательно догоним, – это обещание прозвучало весьма зловеще.

– Кто такой Боргеса? – с любопытством спросила девушка. – Знакомое имечко… А, вспомнила! Когда мы были на пиратском архипелаге, он тоже там околачивался, его вроде из Кордавы выгнали за нехорошие делишки. Дядя с ним еще повздорил, мы с его кораблем в доле были, а Боргеса нас надуть пытался… Он из благородных?

– Граф Боргеса-как-там-бишь-его, – отчеканил Крысенок. – Такой благородный, что по носу съездишь – голубая кровь польется.

– Тогда это он, – подтвердила Фелле. – Действительно, скотина. Нергала-с-два граф от нас что-нибудь получит… Интересно, какого демона ему тут понадобилось?

– У нас с благородным графом общий интерес… – проворчал в ответ киммериец. – С Боргесой много людей?

– Десятка три. Похоже, прошли через джунгли, будто по ровной дороге, дарфарцы им даже на глаза не рискнули показаться… Эй, а это что такое, почему ворота закрыты?

Высокие, в три человеческих роста, створки ворот форта, окованные медными полосами, действительно были закрыты. Из узкого окна надвратной башенки высунулась голова часового, подозрительно уставившегося на подошедших к форту незнакомцев. То, что с ними была Фелле, несколько уменьшило его настороженность, но впускать неизвестных в крепость страж явно не торопился.

– Эй! – сердито крикнула Фелле. – Мы что, в осаде?

– Пока нет, – отозвался караульный. – Кто это с тобой?

– Свои. Не стигийцы. Шастали по лесу, искали, кому бы хвост накрутить, – съехидничала девушка. – Войти-то, в конце концов, можно или прикажешь здесь ночевать?

– Погодите, – человек в башенке отошел от бойницы. Стало слышно, как он говорит кому-то с другой стороны ворот, чтобы отпирали. Раздался длинный скребущий звук движущегося в скобах засова, створки чуть разошлись – как раз чтобы протиснуться – и сверху крикнули: – Заходите!

За воротами на обширной площадке бродили два крупных поджарых пса светло-желтого цвета, проводивших гостей цепкими взглядами. Так же посмотрела на неизвестных и пятерка караульных, вроде бы лениво перекидывающихся в кости. Сзади заскрипел вдвигаемый на место засов, и вмиг посерьезневший Крысенок тихо спросил:

– Капитан, а обратно как, если что?

– Через стену, – столь же тихо ответил Конан. Форт Ксоло оказался отнюдь не захолустной крепостью с мающимся от скуки гарнизоном – наемники никогда не бывают «бывшими». Фелле приветственно помахала кому-то рукой и оглянулась:

– Чего встали, пошли. Сейчас узнаем, что тут поделывал его благородие.

С площади в глубину форта вели несколько проулков, зажатых между невысокими каменными домами в один-два этажа. Узкие щели окон больше напоминали бойницы; в сущности, каждое здание в крепости было отдельным маленьким укреплением. Фелле провела своих спутников по извилистым закоулкам и остановилась возле деревянного строения, больше похожего на обычный загородный дом где-нибудь в Аргосе или Зингаре. Судя по свежим, заплывшим клейким соком спилам бревен, построили его совсем недавно. На крытой террасе у передней части дома стояла женщина средних лет, спокойно и без опаски смотря на подходивших вместе с Фелле незваных гостей.

– Накормишь их? – попросила девушка, перекидывая связку принесенных из леса птиц через перила террасы. – Один ранен, посмотри, что там с ним.

– Хорошо, – кивнула женщина, даже не поинтересовавшись, что за людей к ней привели и откуда они взялись.

– Я схожу узнаю последние новости, – и Фелле, лихо крутанувшись на месте, убежала, помахивая арбалетом.

Невозмутимую женщину, как вскоре выяснилось, звали Тамой. Родилась она в Асгалуне, о чем нетрудно было догадаться

по ее иссиня-черным волосам, темным глазам и носу с заметной горбинкой. Года два назад она оказалась в Кеми, вместе с половиной жителей приморского поселка, увезенных стигийскими работорговцами. Послушной рабыни из Тамы не получилось, и после очередной порки шемитка сбежала. Бродя по городским улицам и шарахаясь от любого прохожего, она вышла к расположенным на окраине казармам. Услышав за зарешеченными окнами знакомую шемскую речь, от отчаяния перелезла через забор и свалилась прямо на головы не ожидавшим от судьбы такого подарка иноземным наемникам. Так произошло знакомство с Фелле и ее лихим дядюшкой. Когда начался мятеж, Тама ушла вместе с наемниками. Пробиралась наравне со всеми через джунгли, мокла в болотах, выучилась стрелять из лука и арбалета, и приобрела замечательную способность вообще ничему не удивляться. Теперь она жила в форте Ксоло…

Неторопливо рассказывая свою историю, Тама одновременно успела осмотреть и заново перевязать рану Метоса, ощипать и поджарить принесенных Фелле птиц, а заодно выяснить, как зовут ее гостей и какими ветрами их сюда занесло. К тому времени, когда от жирных птичек остались одни косточки, а объевшийся Крысенок задремал прямо на выскобленных добела досках террасы, вернулась Фелле. Вид у нее был такой, что Тама выронила кувшин с вином, тут же разлетевшийся на осколки, а Конан и Метос одновременно потянулись за мечами.

– Киммериец, ты все еще собираешься в пещеры? – бесцветным голосом спросила девушка.

– Да, – озадаченно отозвался северянин. – А что случилось?..

– Утром Боргеса и его люди захватили наш баркас – он стоял на реке – и ушли вниз по течению, – тихо ответила Фелле. – Был бой. Дядю убили. Наши погнались за баркасом по берегу, не догнали и только что вернулись.

Тама охнула и поднесла руку ко рту. Всю ее невозмутимость как ветром унесло. Фелле, точно не видя никого вокруг, продолжала:

– Они идут к подземельям и через пару дней будут возле входа в пещеры. Я знаю другой вход, если выйти сейчас, то к нему можно добраться к завтрашнему полудню. Я могу отвести вас туда. Мне нужен Боргеса.

– Зачем? – недоуменно спросил Метос, но Конан понял – в джунглях жили по вечным законам, и за смерть полагалась смерть. Если Боргеса виновен в гибели дядюшки Фелле, то она, как кровная родственница, обязана мстить. Что и собирается делать. Для начала ей необходимо обогнать спускающийся по

реке неторопливый баркас и попасть к пещерам раньше Боргесы. Что ж, у зингарского графа добавилось врагов…

Тама тихо заплакала. Фелле стояла, выпрямившись и глядя сухими глазами куда-то поверх крытых пальмовыми листьями и соломой крыш, и терпеливо ждала. Киммериец толкнул проснувшегося и недоуменно хлопавшего глазами Крысенка и встал:

– Идем.

* * *

Конечно, вышли они из форта не сразу, а после того, как удалось успокоить Таму, отыскать и сложить в мешки вещи, которые могли понадобиться в подземельях – веревки, железные крюки, факелы и прочее. Конан безуспешно попытался убедить Молчуна остаться в крепости, но аквилонец вбил себе в голову, что должен непременно пойти с капитаном. Закончился спор ничем, подтвердив верность поговорок об упрямстве представителей обоих северных народов.

Вездесущий Крысенок успел разузнал подробности произошедших событий: дядюшка Фелле впустил в форт пришедший на ночь глядя отряд, но наотрез отказался отдать давнему неприятелю единственный выстроенный наемниками вместительный баркас. Не помогло и предложенное Боргесой золото. Утром зингарцев проводили до реки (не столько проводили, сколько присмотрели, чтобы не устроили чего…), и там, на пристани, завязалась схватка. Исход ее был плачевен для обитателей форта: баркас угнали, пристань частично спалили, погибли четверо наемников и – единственная хорошая новость – двое из людей графа.

Родича Фелле, командовавшего обороной пристани, пристрелил из арбалета сам Боргеса. Это видели все участвовавшие в стычке, хотя некоторые, сомневаясь, говорили, будто выстрел был случайным. Саму Фелле такие тонкости не интересовали – ей нужна была голова кордавского графа и как можно скорее. Девушка была готова оторвать эту самую голову собственными руками, и потому безжалостно подгоняла маленький отряд, покинувший форт Ксоло через неприметную дверь, прорубленную в стене, выходящей на горные склоны.

Гонка продолжалась до тех пор, пока Крысенок не начал тихо, но отчетливо ворчать под нос, что хуже женщины может быть

только одержимая женщина, а Конан не напомнил жаждущей крови Фелле, что они в любом случае передвигаются быстрее, чем движущийся по извилистой реке баркас. Да и ночь скоро наступит, а скакать в темноте по здешним холмам, где камни сами вывертываются из-под ног, просто безумие. Фелле нехотя согласилась – похоже, она была готова мчаться к пещерам и ночью.

Следующим днем отряд миновал еще несколько холмов со скалистыми вершинами, пересек бурную речушку, и здесь девушка заметалась, словно потерявшая след собака. По ее словам, вход в пещеры находился совсем неподалеку, но зелень, буйно рванувшаяся вверх после недавнего сезона дождей, скрыла все оставленные приметы. Фелле наконец отыскала высокое дерево с расщепленным молнией стволом, и вместе с Крысенком начала обшаривать округу, проклиная джунгли и все, что попадалось на глаза.

К полудню отыскались с пяток нор – из одной в ответ на брошенный камешек донеслось рассерженное рычание разбуженного леопарда, и две полуосыпавшиеся расселины, ведущие непонятно куда. Ни одна из не походила на то, что требовалось, и Фелле, отказавшись остановиться и перекусить вместе со всеми, снова полезла в путаницу кустарников. Ее продвижение по зарослям отмечал хруст безжалостно ломаемых ветвей, неожиданно прервавшийся торжествующим воплем:

– Нашла!!!

Вход, прикрытый нависающим пластом глины, оказался затянут настоящей паутиной из переплетенных лиан. После напряженной работы мечами и кинжалами перерубленные лианы оттащили в сторону, открыв узкое – едва пролезть – темное отверстие, из которого несло холодом и сыростью.

– Ты уверена? – Конан попытался разглядеть что-нибудь в глубине черного провала. Девушка закивала:

– Оно самое.

Метос кинул внутрь подобранный камешек, все прислушались: из глубины донесся плюхающий звук падения во что-то вязкое.

– Не вода, – определил киммериец. – И неглубоко. Ну что, полезли?

Одну из взятых с собой веревок, ту, что потолще, накрепко привязали к остаткам стволов лиан, глубоко ушедших корнями в глубину холма, второй конец сбросили в пещеру. Северянин оглядел свой маленький отряд, настороженно заглядывавший в черную щель и шепотом препиравшийся, во что упал камень.

– Тихо. Спускаться будем так – сначала я, затем Крысенок,

Фелле, Молчун последний и смотрит по сторонам. Факелы держать наготове, но пока не зажигать. Внизу без нужды не орать и сразу отходить к стенам. Фелле, арбалет заряжен?

– А то! – девушка наклонила свое оружие так, чтобы стал виден лежащий наготове болт.

– Смотри, снова в кого-нибудь не выстрели, – предусмотрительно сказал Крысенок. Загадочные подземелья были теперь совсем рядом, и становилось страшновато, как всегда, когда неизвестная опасность становилась близкой настолько, что ее можно увидеть и потрогать руками.

– Я пошел, – с этими словами Конан протиснулся в отверстие и исчез. Веревка натянулась… ослабла, резко дернулась и снова натянулась. Не выдержавший тягучей неопределенности Вайд заглянул в зев пещеры и позвал:

– Капитан! Что там?

– Дерьмо! – глухо долетело в ответ. – Спускайтесь, только осторожно!

– «Дерьмо» в каком смысле? – озадаченно переспросил Крысенок. – Ладно, вспоминайте обо мне…

Метос хмыкнул и легонько подтолкнул его к провалу в земле. Протиснуться в щель оказалось не так уж и сложно, теперь ухватиться покрепче за веревку и медленно сползти по ней вниз. Свет в подземелье почти не проникал, смутное желтое пятно над головой начало отдаляться, а больше ничего пока разглядеть не удавалось. Крысенок попытался сосчитать узлы на веревке, затянутые для облегчения спуска через каждые пол-локтя, насчитал таковых семь или восемь, сбился и тут же коснулся ногой чего-то мягкого и липкого.

– Ой!

– Вляпался? – спросила темнота голосом киммерийца. – Прыгай вниз и давай сюда.

– Куда – сюда? – Крысенок все никак не мог решиться отпустить веревку и встать на пол. – Что там?

– Я ж говорил… оно самое.

Теперь Вайд понял – животные устроили тут нечто наподобие выгребной ямы, а он умудрился наступить на самую макушку высокой кучки сыпавшегося сверху помета. Оставалось только одно – расстаться с надежной веревкой и отпрыгнуть подальше, в расчете, что помет скопился только под отверстием. Крысенок так и поступил, но прыгнул недостаточно далеко, поскользнулся и едва не растянулся на неровном полу пещерки.

– Где ты там? – недовольно прозвучало почти над самым ухом Крысенка, его сцапали за плечо и оттащили в сторону. – Сиди, не мешайся. Фелле, спускайся!

И без того еле различимое пятно света померкло, заслоненное пролезающей внутрь фигурой. Девушка быстро спустилась до половины веревки, остановилась и позвала:

– Вы где? На пол можно встать? Ничего не видно…

– Прыгай в сторону, только ноги не переломай, – отозвался Конан. Фелле помедлила мгновение, прикидывая, откуда до нее долетел голос, затем раздался мягкий шлепок, отметивший ее приземление, и тихое проклятие.

– Факел зажигать? – деловито спросила Фелле, добравшись туда, где стояли киммериец и Крысенок.

– Давай. Молчун!

Метос спустился с уверенностью человека, привыкшего в любую непогоду лазить по корабельным снастям. Встав на пол, дернул веревку, хитро завязанные узлы распустились и длинные петли соскользнули вниз. Фелле ожесточенно черкала кремнем, пытаясь высечь искру и поджечь паклю, обмотанную вокруг смолистой палки. Наконец, факел загорелся, разбрасывая искры и чадя. Киммериец поднял его повыше, осветив небольшую пещеру с потолком из нависающих и на первый взгляд еле держащихся гранитных глыб.

Между камнями пробивались корни растущих на поверхности деревьев, отверстие, через которое пролезли люди, обросло зеленой бахромой мха. Пол оказался песчаным, с валявшимися повсюду обломками камня, явно рухнувшими с потолка. Было холодновато и очень тихо. Впрочем, прислушавшись, можно было различить журчание и плеск текущего где-то неподалеку ручья, шелест сыплющегося со стен песка и еле слышный писк вспугнутых летучих мышей. Зверьки стремительными черными стрелками пересекали пещеру под потолком, ныряя в два ведущих в неизвестность лаза, один побольше и пошире, другой наполовину загороженный глыбами. Люди стояли, не двигаясь с места и не разговаривая, внимательно оглядываясь по сторонам. Конан гадал, не заметил ли кто появления здесь непрошеных визитеров. Но из черных провалов никто и ничто не появлялось, рядом облегченно вздохнули (кажется, Фелле), а киммериец вполголоса пробормотал:

– Ну не люблю я пещер… – и уже громче позвал: – Крысенок!

Вайд вздрогнул – вот сейчас и выяснится, вдруг их поход будет не дальше этой пещеры. Если карта исчезла во второй раз – из его памяти, то…

Но карта оказалась на месте. Стоило Крысенку зажмуриться и попытаться не обращать внимания на назойливый писк мечущихся летучих мышей, как перед ним с готовностью развернулся лист старого папируса, попорченный по краям огнем.

К его удивлению, там добавилось кое-что новенькое: в левом нижнем углу, посреди путаницы тонких черных линий светились, точно только что отшлифованные драгоценности, четыре крохотные точки. Две зеленые, поярче и потемнее, желтая и белая…

Фелле осторожно потянула Метоса за рукав, и, когда тот наклонился, шепотом спросила:

– Что он делает?

– Смотрит карту, – тоже шепотом ответил Молчун.

– Какую карту? – недоуменно переспросила Фелле. – Где?

Вместо ответа Метос легонько постучал ее по голове: «Здесь».

– Он что, знает подземелья наизусть? – не поверила девушка.

– Вроде того… Тише.

Убедившись, что план никуда не делся, Крысенок попытался определить путь хотя бы до ближайшего крупного зала. От места, где столпились цветные огоньки, по коридорам торопливо побежала белая блестящая линия, точно наносимая тонкой кистью в ответ на пожелание Крысенка. Бег завершился в округлом помещении, находящемся примерно в трех четвертях пути до красной стрелки, отмечающей место, где находилась неизвестная вещь. По мере того, как серебристая дорожка прорезала подземелье, Крысенок видел, какие места им предстоит миновать – через каменный завал проползти по узкому коридору, потом извилистая цепь слитых воедино пещер, следующих одна за другой; проход, зажатый между двумя гранитными плитами; черное неподвижное озерцо под низко нависающими сводами…

Вайд старательно запоминал все приметные камни, трещины и повороты на будущем пути, тихо гордясь собой – в кои веки он может сделать такое, чего не сумеет никто иной. Конечно, не стоит себя обманывать – капитан способен пробраться через подземелья безо всякой карты, ну да с него и спрос другой. Метос, Фелле, или любой обычный человек далеко не уйдет, будет до смерти бродить по каменным переходам, похожим один на другой.

Крысенок заново проверил, точно ли он запомнил путь, и открыл глаза. Их тотчас пришлось протереть – тонкая мерцающая линия, похожая на нить крученого серебра, лежала на полу пещерки, начинаясь у ног Вайда и уходя куда-то за каменные глыбы. Не веря себе, он присел и зачем-то попытался ее ухватить, набрав взамен полную горсть песка и камешков.

– Ты что, свихнулся? – поинтересовался Конан, наблюдая за странным занятием Крысенка – тот скреб пальцами по полу, точно хотел поднять что-то невидимое. После второй неудачной

попытки Вайд самым серьезным образом спросил:

– Она тут есть или ее нет?

– Кто – она? – влезла Фелле.

– Значит, нет, – облегченно сказал Крысенок, сообразив, что белую нить видит только он один. – Нам вон в ту дырку. Двинулись?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Лабиринт

– Вот это да… – со смесью восхищения и тщательно скрываемого испуга в голосе протянула Фелле, выразив общее отношение к увиденному. Четыре человека стояли в обширном зале округлых очертаний и смотрели на громадную каменную змею. Даже не на змею, а на Змея, высотой в три-четыре человеческих роста, чуть изогнувшего плоскую голову в странной конусообразной короне, и презрительно косившегося на людей алыми рубинами глаз. Черный отполированный камень, из которого был вырублен Змей, тускло мерцал в свете наполовину прогоревшего факела, и неудивительно, что поначалу померещилось – огромное существо, извиваясь, выползает из стены. Фелле, не долго думая, выстрелила, тяжелый болт звонко ударился о камень и отскочил.

– Хранитель ночи…. – нарочито зловещим голосом сказал Крысенок и состроил устрашающую рожу. – Всем немедленно посыпать голову пеплом и…

– И не вопить, – завершил фразу Конан. – Все, привал.

Он подошел поближе к Змею, потрогал зеркально гладкую поверхность с чешуйками, изображенными еле заметными штрихами, и прикинул, не забраться ли наверх и лишить подземного червяка его красных зрачков. Даже отсюда было видно, что рубины настоящие и не маленькие. Ладно, не до того. Да и кто его знает, не приспичит ли проклятому истукану ожить, обнаружив, что у него вытаскивают глазки…

Белая невидимая нить, непрерывно протянувшаяся по коридорам и переходам, вела их может и самым коротким путем, но отнюдь не самым легким. Так, например, увиденный Крысенком узкий лаз оказался на месте, но выяснилось, что он до половины залит жидкой холодной грязью, а единственный способ преодолеть его – лечь прямо в это неприятное даже на вид месиво и ползти, постоянно задевая головой нависающие глыбы. Вдобавок пришлось погасить факел – удержать его в руках не было никакой возможности.

Два десятка шагов в полной темноте и вязкой грязи, неохотно отпускающей возящихся в ней людей, показались парой столетий мучений на Равнинах Нергала. Вдобавок Крысенка не оставляла мысль, что какой-нибудь из камней, составляющих потолок,

непременно обрушится и именно на его многострадальную голову.

Из проклятого прохода выбрались перемазанными по уши и потеряли один из мешков с припасами – он накрепко зацепился за выступ на потолке и ни за что не пожелал следовать за своим владельцем. К счастью, остальная часть пути до зала оказалась не столь тяжелой – только в одном месте пришлось протискиваться между вставшими торчком шершавыми плитами. Затем долго шли по заметно спускавшемуся вниз коридору, то и дело заворачивавшему то влево, то вправо. Блестели в свете факела потеки воды на стенах, с паническим верещанием срывались с каменных выступов и клочьями пепла носились над головами летучие мыши. Никаких признаков пребывания здесь человека на глаза не попадалось… Коридор вильнул еще раз и оборвался, выведя в зал с мрачно взирающим на незваных посетителей Змеем.

Стоянку устроили подальше от черной статуи – кто ее знает, все ж таки Сет изображен, а не Митра. Пару будущих факелов пришлось использовать на устройство маленького костра – просушить намокшие в грязи припасы и высушиться самим. Крысенок обошел зал вдоль стен, нашел несколько проходов: два образовались явно из-за подвижки земли, три носили следы обработки – у входов в них имелось подобие ступенек, самим проходам придали форму направленного вверх наконечника копья. Значит, в подземельях живут… или жили. Интересно, люди или нелюди?

С этими соображениями Вайд вернулся к догорающему костерку – поделиться новостями.

– Люди-змеи, – уверенно предположила Фелле. – Иначе зачем бы этого…. – она ткнула в сторону зловещей каменной фигуры, – здесь поставили?

– Валузийцы давно перемерли, – возразил Метос. – И, насколько я знаю, они не очень любили подземелья.

– Любили, не любили, – проворчал Конан. – Змееногие ушли из Стигии, это точно, но из некоторые этого сетового племени и посейчас живы. Они прячутся в Черных Королевствах, гадят по мелкому… Может, подземелья принадлежали валузийцам раньше, а после того, как они смылись, пещеры захватил кто-то другой.

– Кто? – поинтересовался Крысенок.

– Откуда мне знать?.. Гномы, например.

– Гномов не существует! – уверенно заявил Вайд. – Это сказки.

– Может, ты скажешь, что и Сета не бывает? – ухмыльнулся

киммериец. – Правда, я никогда не слышал, чтобы маленькие бородачи забирались так далеко на юг. Но если бы забрались, то здешние пещеры сразу пришлись бы им по душе.

– Нет, правда, капитан, разве гномы есть? – недоверчиво спросил Крысенок.

– Есть, есть, куда они денутся. Этот народец ничто не берет. Наверно, гномы и при конце мира выжить ухитрятся. В Гиперборее еще живут, в Кезанкии. Сам видел.

– И какие они? – с любопытством спросила Фелле.

– Маленькие, – северянин поднял ладонь над полом на половину человеческого роста. – Совсем как люди – с некоторыми можно иметь дело, а других еще при рождении душить надо. Драться здоровы, за золото душу продадут. Знал я одного типа несколько лет назад – ссориться с ним никому не посоветую. Правда, он был гном только по отцу, а по матери человек.

– А где он теперь? – поинтересовался Метос.

– Где-то в Туране шляется, если жив… Ладно, подъем, пошли дальше. Крысенок, куда?

Серебряная линия точно указывала на один из стрельчатых входов. Вайд наметил путь до следующего зала, просмотрел дорогу – вроде никаких видимых неприятностей не предвидится.

Подземелья заметно изменились – острые углы были предусмотрительно сглажены, выступающие из стен камни сколоты, кое-где пол выложен плитами. Дважды маленький отряд натыкался на самые настоящие лестницы с широкими ступенями, плавно спускавшиеся вниз. Возле второй лестницы произошло неприятное открытие – киммериец заметил следы, четко оттиснувшиеся во влажном песке и, значит, оставленные не очень давно. След был гораздо крупнее человеческого и походил на звериную лапу с двумя пальцами и длинными, не втягивавшимися когтями. Судя по глубине и направлению отпечатков, неизвестное существо – ростом повыше человека и тяжелее раза в два, а то и в три – вышло из правого туннеля, не торопясь пересекло коридор, и скрылось в другом ответвлении.

После этой находки все притихли, при каждом шорохе хватались за оружие и начинали подозрительно оглядываться по сторонам.

После лестниц начался головоломный лабиринт крохотных пещерок, потолок одних уходил высоко вверх, исчезая во тьме, в других приходилось ползти на четвереньках, третьи оказывались заполнены неглубокой, но очень холодной водой. В очередной пещере Метос наткнулся на полуистлевший труп человека, скорчившийся в углу. После беглого осмотра Конан вытащил из-под горки костей туго затянутый и почти не тронутый временем

кожаный мешочек, развязал, высыпав горстку тускло блеснувших камней, и вынес приговор:

– Похоже, не стигиец и не дарфарец, а откуда-то с севера. Камешки-то он нашел, но заблудился и помер с голодухи.

«Почему не дарфарец, понятно – рост не тот, и кости тонкие. А почему не стигиец? – Крысенок присел рядом с останками и кончиком кинжала пошевелил скалившийся череп. К изжелта-коричневой поверхности прилипли пряди некогда светлых волос. – Тоже понятно, белые волосы. Не повезло бедному… Интересно, сколько людей забиралось сюда на свой страх и риск? И сколько из них сумели выбраться обратно? Наверху, наверное, уже вечер… Боргеса со своими должен быть уже неподалеку от входа.»

– Пойдем отсюда, – Фелле состроила гримаску, выражавшую крайнее отвращение. – Он воняет… Далеко еще?

– Не очень, – отозвался Вайд. – Пещеры скоро кончатся и дальше почти все время по прямой.

Запутанный лабиринт и в самом деле сменился прямым туннелем, прорубленным в камне светло-желтого оттенка. Здесь можно было даже погасить факел – их и так оставалось немного – вдоль стен, к безмерному удивлению людей, по широким желобам медленно текли красно-оранжевые мерцающие ручейки горячей вулканической лавы, освещая коридор дрожащими багровыми и ярко-алыми сполохами. В ручейках, точно подхваченные течением живые неповоротливые существа, шевелились обломки валунов. Стало очень жарко.

Постепенно огненные потоки становились все шире, а каменная дорожка посредине все уже. Белая нить туго натянутым канатом уходила в глубину туннеля, значит, какой-то проход там был. Крысенок несколько раз оглядывался – серебристая линия позади людей быстро таяла, ему даже показалось, что она издает еле слышное шипение, точно вода, пролитая на горячие камни.

Конан остановился так внезапно, что Вайд едва не врезался ему в спину, и, встав на цыпочки, заглянул через плечо. Впереди был тот же уводящий вдаль коридор, обгрызенная по краям лавовыми потоками дорожка, и ничего больше.

– Капитан, почему стоим? – поинтересовался Крысенок и тут же получил изрядной силы толчок под ребра, означавший: «Не мешай».

Подошли Метос и Фелле, недоуменно переглянулись, но вопросов задавать не стали, здраво решив, что лучше немного подождать, прежде чем расспрашивать. Наконец, киммериец оглянулся и сказал:

– Фелле, выстрели.

– Куда? – не поняла девушка. – Там кто-то прячется?

– Еще не знаю, но это место мне не нравится. Просто стреляй вперед.

Фелле послушно отцепила висевший на боку арбалет, резким движением натянула тетиву, вложила болт, и, прицелившись, послала стрелу вдоль туннеля. Болт с низким жужжанием пронесся над дорожкой и канул в дымящуюся лаву.

– Ну и? – озадаченно спросил Крысенок. – Ничего не случилось… Может, мне первому пойти, а?

– Стой и не дергайся, – Вайда бесцеремонно отпихнули назад. – На, подержи. Отойдите все назад.

Конан сунул свой мешок в руки Крысенку, и медленно двинулся по каменной дорожке. Здесь было очень подозрительное место – наклонные стены сходились слишком близко, и тропа, которая до того извивалась и поворачивала через каждые пять шагов, вдруг вытянулась ровной линией. Да и зачем надо было выкладывать ее камнями, причем только на этом отрезке? Слишком уж беспрепятственно шел отряд, а в таком месте, как пустующие подземелья, принадлежащие неизвестно кому, обязательно должна стоять ловушка. И не одна, если Конан что-то еще понимает в стигийских нравах. Туннель, заполненный лавой – лучшую возможность трудно представить, упадешь – не выкарабкаешься…

Лезвия вылетели прямо из стены, как показалось троим людям, стоявшим посреди коридора. Хищно-вытянутые, с синеватым блеском, похожие на секиры на длинных рукоятках, стальные штыри дотягивались почти до середины прохода. Мгновением раньше северянин отпрыгнул к самому краю тропы и неподвижно застыл, ожидая, что произойдет. Фелле сдавленно пискнула, мертвой хваткой вцепившись в своих спутников.

Человек, замерший над густым потоком расплавленного камня, пошевелился, сделал один крохотный шаг, другой, минуя чуть подрагивавшие кромки лезвий. Их было пять, Крысенок зачем-то сосчитал их. Когда киммериец добрался до третьего, лезвия бесшумно втянулись назад, словно их тут никогда и не было.

Чтобы через мгновение возникнуть снова, но теперь уже с другой стороны. Туннель на протяжении полутора десятков шагов был просто утыкан ими, с готовностью выскальзывающими из тщательно спрятанных щелей, если человек случайно прикасался к определенным камням, составлявшим дорожку. Это была неплохая проверка на быстроту и сообразительность, и выручало только то, что управлявший секирами неизвестный механизм чуть слышно скрипел перед тем, как вытолкнуть спрятанные железки

наружу… Не смазывали его, что ли? Или тут давно уже никто не прогуливался?

Конан благополучно преодолел ловушку (зацепило его всего два раза, и то на излете, когда лезвия уже не могли причинить вреда), убедился, что пакостные сюрпризы на этом закончились, и крикнул оставшемуся далеко позади отряду:

– Крысенок, пошел! Слушай внимательно, они скрипят!

«Кто скрипит? – мысленно переспросил Вайд. – Это я сейчас скрипеть буду… Мамочка дорогая, почему я не остался дома, в Кордаве? Жить-то как хочется!..»

Стараясь держаться у края дорожки, Крысенок боязливо шагнул вперед, припомнив, как совсем недавно самоуверенно предлагал пройтись первым. Хорошо бы он тут прошел – без головы… или без ног. Ой!

Лезвия вылетели из своих укрытий и ощутимо толкнули его. Крысенок замахал руками, пытаясь не потерять равновесие и не свалиться в кружащийся у самых ног огненный водоворот.

– Держись! – пронзительно завизжала Фелле. – Держись, чтоб тебя!

Она добавила еще кое-что, отчего сразу расхотелось падать, и появилось сильнейшее желание добраться до безопасного места… а там можно и поведать этой распущенной девчонке, кто она такая и что может сделать со своими указаниями… Скрипит слева, в сторону – раз!..

Путешествие по лавовому коридору Крысенок потом вспоминал только в самых страшных снах, а сейчас поняв, что вокруг него больше ничего не свистит и не пролетает мимо, обдавая ветерком, улегся прямо на дорожке, подложив под голову мешки, и задремал. Как перебирались Фелле и Метос, он не видел, проснувшись от того, что его безжалостно затрясли и силком поставили на ноги, сопровождая действие словами:

– Разлегся тут, понимаешь, как… Куда дальше?

– Туда, – Крысенок ткнул куда-то вперед и шепотом, чтобы не услышал капитан, добавил: – Ненавижу киммерийцев. Дикари-с…

Туннель с потоками лавы действительно скоро закончился, перейдя в другой, более привычный – с низким ровным потолком и гладкими стенами, из которых не вылетало ничего острого и режущего. По плану выходило, что намеченный для следующей остановки зал уже недалеко, и минувший переход вспоминался уже со смешками и ехидными замечаниями. Шли не торопясь, строили предположения, что поделывает сейчас Боргеса и удалось ли ему проникнуть в подземелья; гадали, отчего пытавшиеся забраться в пещеры наемники из Ксоло испытали жуткий страх, а теперь и в помине нет ничего похожего. О

необходимости постоянно смотреть по сторонам как-то подзабыли, сочтя, что вряд ли ловушки устроены одна за другой.

Пока Метос не остановился, не попросил факел и не поднял его высоко над головой под удивленное «Ты чего?»

– То ли мне кажется, то ли потолок стал ниже, – озабоченно отозвался Молчун. – Точно, когда мы сюда вошли, я до него не мог дотянуться.

– Может, здесь так построено, – легкомысленно сказал Крысенок.

– А ты видел, чтобы потолок где-нибудь наклонялся? Мы идем по ровному месту, не вниз, – возразил Молчун, и осветил факелом место соединения потолка и стены. – Смотрите, щель.

– Щель, – согласился Конан. – Ну и что?

– А то…

Метос не договорил – где-то высоко над головами людей, за многими слоями камня и земли, что-то глухо рявкнуло, заскрежетало, потолок пещеры ощутимо вздрогнул и опустился на несколько пальцев.

– Ой… – растерянно сказала Фелле. – И правда…

– Ходу! – рявкнул киммериец, не тратя время на дальнейшие рассуждения. – Бегом! Раздавит же, как клопов!

Скрежет наверху прекратился, сменившись на монотонный рокот, но потолок теперь снижался непрерывными толчками, так что вскоре бегущие стали задевать его головой. Пришлось бежать сначала пригнувшись, потом – сложившись в три погибели и почти на карачках. Факел бросили, двигались в полной темноте, потом впереди замаячило сероватое пятно – выход из туннеля. К нему мчались, как заблудившиеся в пустыне путники – к оазису, спотыкаясь, падая, снова вскакивая и ударяясь о ставший еще ниже потолок. Он был уже совсем низко – только проползти, не поднимая головы. Огромная неумолимая масса припечатывала, расплющивала, давила в лепешку, ломая кости и не оставляя никакой надежды на спасение, но четыре человека один за другим кубарем вывалились из отверстия в стене. Замешкавшаяся Фелле застряла, судорожно задергалась, пытаясь выбраться из-под опускающейся плиты. Ее выдернули за руки как раз в тот миг, когда потолок с грохотом опустился, наглухо, так что малейшей щелки не осталось, запечатав коридор, по которому они пришли.

Этот зал оказался в много раз больше того, где стоял Змей. Ветвистые наросты на стенах, похожие на кораллы южных морей, переливались оттенками тускло-синего и зеленого цветов, превращая зал в подобие морского дна. Не меньше десятка чернеющих выходов, облицованных серым с красными прожилками камнем, уводили куда-то в глубины подземелий, над

каждым из них красовались золотисто поблескивающие круглые щиты с изображениями невиданных животных, точно составленных из кусочков различных зверей…

– За такую прогулку надо требовать отдельную плату! И причем не в золоте, а в камешках. – проворчал киммериец, бросив быстрый взгляд по сторонам – не явился ли кто поглазеть, что за подозрительного вида личности вываливаются прямо из стен. В сероватом полумраке зала ничто не шевельнулось. Спутники варвара сидели возле стены и шумно пыхтели, пытаясь отдышаться, постепенно приходя в себя и начиная оглядываться.

– Зачем столько дверей? – спросил неизвестно у кого Крысенок. – А нам вот туда…

Он махнул рукой в сторону прохода, украшенного щитом, на котором извивалась зелено-оранжевая змея с крохотными крылышками, и удивленно сообщил:

– Между прочим, мы уже почти добрались…

– Почти – это как? – уточнил Конан.

– По коридору, второй поворот налево, прямо и направо, – отозвался Крысенок. – Если нас не надули и карта не врет, то нужная вещичка лежит там.

– Слушайте, а что за вещь-то? – полюбопытствовала Фелле. – Сколько про нее говорите, а толком ни разу не разъяснили.

– Потому что сами не знаем… Тихо!

Где-то в темноте многочисленных коридоров раздались тяжелые шаги, сопровождаемые отчетливым клацаньем – точно вдалеке неторопливо шла огромная собака, стуча когтями по камням. Шаги приближались, царапающие звуки становились все громче, и, наконец, неизвестное чудище размытой тенью возникло в черноте туннеля. Постояло, соображая, кто потревожил его покой, угрожающе рыкнуло и ввалилось в зал.

– О-ох… – выдохнула Фелле. – Ну и урод…

Виденные раньше следы могли быть оставлены только этим зверем или же подобным ему. Он напоминал кабана, правда, ростом превышал человека раза в три и уверенно держался на задних, широко расставленных кривоватых лапах, заканчивающихся парой слегка изогнутых длинных когтей. Такие же когти зловеще поблескивали на передних лапах, больше похожих на руки, и свисающих почти до колен. Вытянутое рыло с торчащими вверх желтоватыми клыками чуть подергивалось – зверь принюхивался. Крохотные глазки, спрятанные в густой коричневой с рыжеватым отливом шкуре, отсвечивали злыми красными огоньками. Существо медленно наклонило голову, казавшуюся слишком крупной и вдобавок украшенную плоскими страховидными рогами с острыми кромками, и звучно фыркнуло.

– Обычный кабанчик, только здоровый, – с излишним спокойствием сказал Конан. – Не дергайтесь, он тут не один.

Для поддержки сородича в назревающей драке из коридоров появились еще два зверя, поменьше размером, но зато настроенных куда более воинственно. Заняли места по бокам и оскалили клыки, негромко, но свирепо хрюкая – точь-в-точь разъяренные кабаны, собирающиеся напасть на забредших в их владения охотников. Одна из зверюг притащила с собой утыканную шипами дубинку и теперь вызывающе помахивала ею.

Позади Вайда раздался до боли знакомый свистяще-шипящий звук, какой издает хорошо смазанный меч, покидая ножны. Крысенок попытался встать на ноги, не смог и отполз в сторону, тихо постукивая зубами. Сны, увиденные на корабле после того, как он заглянул в карту, начинали сбываться. Кто знает, что придет вслед за кабаноподобными страшилищами? Вайд с детства боялся неведомых тварей, что создаются воображением, прячутся в темноте и выползают с приходом ночи, а потому не слишком соображал, что делает. У него оставалась одна ясная мысль – немедленно уйти отсюда. Убраться подальше, прежде чем из мрака полезут новые чудовища и разорвут их всех в мелкие клочки…

Крысенок, на которого не обращали внимания ни люди, ни чудища, начал ползком продвигаться вдоль стены к ближайшему проему. Дополз, перевалился через низкий порожек, с трудом встал, и, пошатываясь, побежал невесть куда, не обращая внимания на разносящиеся за спиной выкрики и низкое рычание.

* * *

Тень в темноте повернула голову и внимательно прислушалась, чуть пошевеливая торчащими ушками. Туда, где она жила, никогда не проникал свет, и, значит, нечему было отбрасывать тени. Но все же Тень существовала – неясное колеблющееся очертание, созданное из трепещущих зеленоватых огоньков, тусклых светлячков на исходе ночи. Когда Тень пугалась или сердилась, светлячки наливались тревожно-красным светом.

Она была неправильная тень. Обычным черным теням полагается всюду следовать за своим хозяином, вытягиваться и укорачиваться, а самое главное – появляться только при свете. Тень знала, что такое свет, и не раз видела его, выбираясь на

верхние ярусы. Но тени, создаваемые им, не умели разговаривать, не могли оторваться от хозяйских ног и побежать вслед за ней. Они могли только покорно повторять движения хозяев, и сразу исчезали, когда пропадал свет. А их хозяева – Стражи Лабиринта – почему-то очень не любили Тень, и каждый раз бросали в нее камнями и своими дубинками. Конечно, они не могли причинить ей вреда, но Тень все равно обижалась и в отместку пугала Стражей, багровым призраком выскакивая перед ними в самых темных уголках подземелья.

Хозяева Стражей тоже недолюбливали носящуюся по стенам Тень, и этих она опасалась – у Хозяев хватало силы создать такой сильный свет, что она меркла в его лучах, превращаясь в тень самой себя. Так что чаще всего Тень пряталась в нижних подземельях, куда не забредали ни вечно голодные и ищущие, кого бы поймать и съесть Стражи, ни бесшумные, а оттого более опасные Хозяева.

Тень не помнила, как она здесь очутилась. Скорее всего, она была в подземельях всегда, как медленно прогрызающиеся сквозь камень ручьи и реки, как молчаливые статуи, вырубленные из цельных гранитных плит, и как сам Лабиринт. Но Тень знала кое-какие вещи, которые ей вроде бы знать вовсе полагалось, а оттого сомневалась, что родилось или была создана в пещерах. Она знала, что означают слова «солнце» и «небо», и что на поверхности, над подземельями, лежит другой мир. Это только глупые Стражи считают, что, кроме Лабиринта, на свете нет ничего. Тех странных созданий, что иногда приходили из Верхнего Мира, Стражи гоняли по всему Лабиринту, устраивая охоту, а в конце непременно ловили и сжирали. Те, которых они так и не сумели поймать, умирали сами – наверное, оттого, что не могли жить под землей. Ведь залетавшие сюда пернатые летучие мыши тоже умирали.

Тень часто искала места, через которые создания сверху проникали в пещеры, но ни разу не находила. Наконец, она сообразила, что такого не может быть, и решила – наверное, она просто не может увидеть этих проходов. Может, если бы ей кто-нибудь показал, она смогла бы выбраться наверх. Тень была любопытна, и очень хотела знать, что там, над Лабиринтом. Она часто сопровождала существ из Верхнего Мира, пыталась заговорить с ними, но они ее не слышали и совершенно не замечали. А когда все-таки случайно обращали внимание, пугались и убегали, хотя Тень никогда в жизни никому не причиняла вреда. По той простой причине, что была всего лишь бестелесным призраком, летящим по стенам подземелий.

Украдкой следуя за созданиями сверху, Тень узнала много

интересного. Создания называли себя «люди», и она на всякий случай запомнила это слово. Люди боялись темноты подземелий но все-таки забирались сюда, собирая старые вещи, принадлежавшие прежним хозяевам Лабиринта. Еще они разыскивали блестящие камешки и кусочки тусклого желтого металла. Тень не раз видела, как из-за этих камешков люди, за которыми гнались Стражи, убивали друг друга, и совсем не понимала, зачем они это делали. Камешки ни на что не годились, только красиво блестели. Старые вещи – другое дело, они могли сделать многое, если суметь ими правильно воспользоваться. Из подслушанных разговоров Тень уяснила, что люди ищут вещи не для себя, а для других людей, и окончательно запуталась. Приходившие вдобавок опасались кого-то, называемого ими коротким именем «Сет» и почему-то твердо верили, будто он живет где-то в подземельях, только и поджидая мгновения, чтобы схватить их. Никакого Сета здесь, разумеется, не было, иначе Тень знала бы о нем.

Люди называли этого Сета еще Змеем, но из змей в Лабиринте водились только самые обычные, которые ползают по земле, ловят крыс и мышей, а также могут больно укусить человека или воплощенного в тело духа или демона. Имелась еще большая каменная змея, сделанная прежними хозяевами, давно покинувшими подземелья и сгинувшими неизвестно куда, но она точно не смогла бы никого схватить. Тени статуя не приглянулась – черный змей выглядел уж слишком злобным. Стражи иногда, для развлечения, притаскивали пойманных людей к каменному созданию и пугали их, показывая, что скормят змее. Люди этого ужасно боялись, некоторые даже умирали от страха…

Многого из увиденного и услышанного Тень не понимала, но следить за пришельцами сверху не переставала, надеясь, что хоть один из них сумеет выбраться наружу. Тогда она сможет пойти за ним и попасть в Верхний Мир. Однако в последнее время люди наведывались в Лабиринт все реже и реже, а приходя, не заходили далеко и при малейшей опасности сразу удирали. Тень не слишком разбиралась в том, что такое «время» и как можно его отсчитать, но ей казалось, что последний раз, когда она видела гостей сверху, случился очень давно. Теперь она чаще всего дремала где-нибудь в глубине пещер, превратившись в еле различимый зеленоватый силуэт на стене. Снов она никогда не видела и понятия не имела, что это такое.

…Разбудили Тень шаги – кто-то мчался по ее владениям, громко топая и не особенно скрываясь. Для Стража шаги были слишком легкие, кроме того, Стражи всегда царапают когтями по камням, пыхтят и в животе у них постоянно урчит, да так, что

издалека слышно. Хозяева Стражей движутся беззвучно, ведь они не ходят, а летят над полом коридора. Неужели человек сверху?

Тень прислушалась, определяя, откуда доносится звук, и прыжками понеслась навстречу. Ее и без того размытые очертания слились в сплошную мерцающую полосу, стремительно летящую по неровностям каменной стены. Шаги неизвестного затихли возле вкрадчиво шепчущего во мраке ручейка – Тень так и не выяснила, где берет начало тонкая водяная струйка и куда девается. Она перешла на то, что у нее называлось «ходить медленно», и осторожно выглянула из-за каменного уступа. Царившая вокруг непроглядная темнота ее не волновала – Тени не требовался свет, чтобы видеть.

Человек был рядом, сидел, скорчившись и не шевелясь, на валуне. Один, хотя люди почти никогда не ходили по пещерам в одиночку. Сидел и незряче смотрел на текущую воду. Тень озадаченно наклонила голову – такого ей еще видеть не доводилось: все люди непременно либо что-то искали, либо прятались. Любопытство грызло Тень, как Стражей грызет вечное стремление поесть, и она начала медленно приближаться к непонятному человеку.

…Крысенку было плохо. Так плохо, что оон всерьез начал прикидывать, из чего можно свить веревку и куда бы ее приспособить, чтобы повеситься. То, что забежал неизвестно куда – это неважно, белая нить всегда выведет его в нужное место, но он бросил всех и удрал, испугавшись подземных свиней – этого капитан Конан никогда не простит. Он сам себе не простит. Ведь он – карта для остальных, единственный, имеющий возможность провести отряд по подземельям. Они бы отбились, наверняка отбились от вылезших из темноты зверюг, и до нужного места было уже недалеко.

Что будет теперь? Даже если Вайд сумеет вылезти из пещер наверх, ему не пройти в одиночку через Дарфар. Да и зачем ему идти куда-либо? Маленькому трусливому ничтожеству самое место здесь, куда не проникает свет, и где никто его не видит. Может, следующие искатели сокровищ случайно наткнутся на его останки, и кто-то из них, проходя мимо, небрежно бросит – «Не повезло бедному… Даже не нашел ничего.» Но до чего же тошно, хоть волком вой! Мешок с припасами с собой не прихватил, там бросил. Что ж, говорят от голода помирают быстро… Или нет?

Что-то шевельнулось в темноте неподалеку, и снова замерло. Вайд поднял голову, всмотрелся. Хорошо бы на него набрел здешний кабанчик – все хлопоты будут разом закончены. Вот, опять пошевелилось. Для чудовища мелковато, и движется по-другому, плавно перетекая с места на место. И светится, словно

море по ночам. Впрочем, не все ли равно, что там бродит…

Тень недоумевала – человек видел ее, но даже не сдвинулся с места. Посмотрел и точно потерял к ней интерес. А если подойти еще поближе?

Теперь Крысенок разглядел – рядом с ним перемещался по стене призрак. Очерченный зеленоватым пламенем силуэт непонятного существа, отдаленно смахивающего на небольшое животное. Четыре ноги, маленькая головка на длинной вытянутой шее, по-кошачьи подвижное туловище, все постоянно меняется, мерцает, не уследить. Ходит кругами, словно принюхивается, но не нападает. Чего ему надо? Неужели не может идти своей дорогой?..

– Уходи, – вяло отмахнулся Крысенок. – Уходи, ты…

«Почему он хочет, чтобы я ушла?»

Пронзительный ребячий голосок четко прозвучал в и без того замороченной голове Крысенка, заставив его подпрыгнуть, едва не свалившись в ручей, и судорожно схватиться за кинжал.

– Кто здесь? – Крысенку показалось, что он завопил во весь голос. На самом деле Вайд еле слышно просипел эти два слова.

«Я, – немедленно отозвался голосок. – Ты… Ты меня слышишь?»

– Ты где? – Крысенок оглянулся по сторонам, но все, что удалось разглядеть, был все тот же переливающийся силуэт.

«Я здесь, – тень на стене приобрела ярко-зеленый оттенок. – Вот я!»

– Тень, – сообразил наконец Вайд. – Все, свихнулся. Начал разговаривать с тенями. Мало мне неприятностей, так теперь последнего ума лишился!

«Но это действительно я с тобой говорю! – в голоске Тени прорезалось возмущение. – Это я, я!»

Тень подняла переднюю ногу и топнула в доказательство своих слов. Почему этот бестолковый, как объевшийся тухлятиной Страж, человек не может понять, что она существует?

– Ладно, пусть будет говорящая тень, – неожиданно согласился Вайд. В конце концов, это же стигийское подземелье, почему бы тут и не водиться разговаривающему привидению зеленого цвета? Не нападает, не кусается, и то хорошо. Хоть поболтать с кем-нибудь перед тем, как помереть. Даже если видение ему мерещится – тоже невелика беда. – Что… Что ты здесь делаешь?

«Живу я тут, конечно, – удивленно ответила Тень. – А ты? Почему ты один? Ты заблудился?»

«Заботливая, однако, хотя и призрак… – хмыкнул про себя Крысенок. – Ну, и что ей ответить? Что сбежал, как последний…

последний не знаю кто, а теперь ума не приложу, что делать?»

«От Стражей? – Тень удивлялась все больше, этот человек умел разговаривать так же, как она, не произнося слова вслух. – Люди всегда убегают от Стражей, что в этом такого?»

– Понимаешь, Тао… – начал Вайд и его сразу же перебили: «Что?»

– Надо же тебя как-то звать, – попытался объяснить Крысенок. – Тао означает «тень» по-стигийски, если я правильно запомнил. А ты вроде как тень, да?

«А как мне называть тебя?»

– Вайд, Крысенок.

«Крысенок – детеныш крысы, – уточнила Тень. – Тебя крыса родила? Разве люди появляются от крыс, а не от людей?»

– Нет, – сердито ответил Вайд. – Это прозвище. Ну так вот, понимаешь, такая история вышла…

И тут он, ничуть не задумываясь над тем, что неизвестная подземная тварь может оказаться опасной, вывалил Тени всю историю от начала и до конца. Прямо с событий того дня, когда капитан Конан Киммерийский подобрал уличного мальчишку, промышлявшего пением песенок да игрой не виоле по портовым кабакам. Ну, и само собой, о всех последовавших приключениях. Привидение слушало внимательно, правда, постоянно переспрашивало самые простые вещи, благо о жизни людей не было осведомлено совершенно. Тао интересовало все, а особо странная и загадочная история с картой и драгоценными камнями, которыми неизвестный наниматель «Вестрела» оплатил услуги королевских корсаров.

Здесь в подземелье время текло не медленно и не быстро, потому-то Вайд не замечал, как долго длился его рассказ. Однако, в глубинах сознания продолжала ворочаться жгучая мысль о том, что капитана и его спутников давно съели, а он, Крысенок, прохлаждается тут, почти в безопасности, разводя ненужный треп со стигийским призраком. Он даже пару раз хотел подняться и сходить в зал, где оставил Конана, Метоса и Фелле, да посмотреть – вдруг кто жив.

Но не решился.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Лабиринт

(продолжение)

Подземные кабаноподобные твари, похоже, никогда в жизни не получали настоящего отпора. Первый из жителей Лабиринта, рискнувший нахально сунуться к людям, спустя мгновение закружился по залу со стрелой, засевшей в глазу по самое оперение, визжа, как поросенок под ножом. Растерянные такими непривычными поступками собрата, две другие твари попятились, недоуменно перехрюкиваясь и пофыркивая. Кабанчик поменьше попытался поддержать репутацию жуткого существа, но, получив от Конана мечом по передним лапам, и рогами в бок от окривевшего сородича (продолжавшего бессмысленно метаться во все стороны), свалился где-то в углу и затих. Третья зверюга, здраво рассудив, что лучше быть живым трусом, чем героическим трупом, потихоньку смылась с поля боя, юркнув в один из коридоров.

– Какие-то они пуганые, – заметил киммериец, слушая, как стихает в отдалении звук клацающих по каменному полу когтей быстро удаляющегося существа. – Или он побежал всем рассказывать, как их, бедных, обидели. Глядишь, примчится целая свора выяснять, кто тут шастает. Пошли отсюда.

Зверь со стрелой в глазу, пытаясь найти выход из зала, сослепу врезался в стену. Не удержавшись на ногах, плюхнулся обширным задом на пол и замотал уродливой лохматой башкой, уже не визжа, а издавая какие-то непонятные звуки. Затем с трудом поднялся на четвереньки и поковылял к ближайшему темному провалу, жалобно подвывая на ходу.

– Пристрелить? – деловито спросила Фелле, поднимая арбалет и прицеливаясь.

– Да ну его, сам помрет, – отозвался Конан. – В какую сторону Крысенок указывал, запомнили?

– Кстати, где он? – Молчун оглядел опустевший зал и негромко позвал:

– Вайд!

Разумеется, никакого ответа не последовало.

– Капитан, он куда-то делся… – растерянно сказал Метос,

хотя это было и так ясно.

– Ничего с ним не случится, – поморщившись, отмахнулся киммериец. – Перетрусил, небось, а теперь спрятался и стучит зубами. Оклемается и вылезет. Заблудиться он не может, где мы – знает, так что сам объявится. Пусть посидит, ему полезно будет.

– А звери? – напомнила Фелле. – Нас они испугались, но нас все-таки трое, а он один.

– С такой мелюзгой даже здешние уроды связываться не станут, – бессердечно заявил Конан. – Сюда, что ли? Факелы у кого?

Крысенок оказался прав, утверждая, что до нужного места осталось недалеко. За входом, над которым висел щит с птицей-змеей или змеей с крыльями, один к одному напоминавшей вырезанную на крышке памятной желтой шкатулки, тянулся никуда не сворачивавший коридор. Через равные промежутки – около десятка шагов – влево и вправо от него ответвлялись тоннели, уходившие то вверх, то вниз. Отряд, следуя указаниям, свернул во второй проход налево, прошел еще с сотню шагов, потом коридор вильнул вправо и закончился тупиком. Вернее, не тупиком, а створками дверей, облицованных диким камнем и почти сливающихся со стенами. Двери стояли полуоткрытыми, и, похоже, находились в этом положении уже не одну сотню лет.

«Если это не сокровищница, то я просто ничего не соображаю… – Конан осторожно приблизился к освещенным светом факела дверям. Молчун и Фелле держались позади, готовые как напасть на любого, кто покажется, так и быстро отступить назад по приказу капитана. – Открытая дверь вовсе не означает безопасность, там может сидеть зверюшка похлеще тех кабанчиков. Я бы на месте владельца этого подвала обязательно туда засунул кого-нибудь пострашнее. Такого, чтобы жил подольше…»

Створки дверей оказались очень толстыми и тяжелыми, но ничего, хоть отдаленно напоминающего замок или скобы для засова, на них не имелось. Внутри никто не шевелился, даже когда в щель между створками бросили горящий факел. Обмотанная тряпьем палка, рассыпая искры, покатилась по полу, остановилась, осветив небольшое помещение с низким потолком и темными массивными предметами, стоящими вдоль стен. Отблески огня отразились, точно в каплях воды, во множестве крохотных блестящих предметов, рассыпанных по сокровищнице.

– Пошли, – решительно сказал киммериец, понимая, что стоять в ожидании неизвестно чего просто бессмысленно да и опасно. Если у хранилища есть какой-либо страж, он давно бы уже напал или как-то дал о себе знать, а в полутьме крохотной

комнатки доселе не раздалось ни единого звука. Может, у этого стража железная выдержка, и он терпеливо дожидается момента, когда искатели сокровищ войдут? В подобное не очень верится… – Смотреть по сторонам!

Они по очереди переступили порог. Фелле подняла чадивший факел и тихонько ахнула, сообразив, в чем отражался его свет. Дерево, из которого были сделаны огромные сундуки, окованные железными и бронзовыми полосами, от времени частично истлело, и содержимое сундуков в изобилии раскатилось по полу. Разноцветные холодные искорки загадочно мерцали и переливались, вспыхивая при любом движении факела.

– Во времена моей полной лишений и бедствий молодости, – медленно проговорил Конан, старательно пытаясь подражать высокому стилю аквилонских сказителей, – я очень хотел забраться в какое-нибудь похожее местечко и уволочь оттуда все, что смогу унести. Пару раз даже предоставлялась замечательная возможность, но каждый раз что-нибудь мешало… Мешки есть?

– Найдутся, – Молчун присел и начал перетряхивать их общий небогатый скарб, освобождая место для будущей добычи. – Великий Митра, да тут же сплошные алмазы чистейшей воды! Да еще разных оттенков! Розовые, голубые… Но мне вот что пришло в голову – как мы узнаем, какая именно вещь нужна?

– А не все ли равно? – откликнулся северянин, сапогом сбивая проржавевшие замки и выламывая гниющие доски. – Вальдрио мертв, кто его нанял – мы не знаем, так что берем все подряд! Столько камешков сразу я не видел с той поры, как мы с Белит обчистили старый город на Мертвой реке… Пожалуй, там этого добра было даже чуть поменьше.

Фелле пристроила факел в щели между камнями, подошла поближе к сундукам и зачарованно уставилась на сверкающее великолепие. Потом виновато покосилась на своих спутников, протянула руку и нерешительно подняла лежавший поверх груды тускло блестящих монет кованый золотой браслет в виде свернувшейся змеи. Покрутила так и сяк, примерила – украшение было чуть великовато, но расставаться с ним девушке явно не хотелось.

– Однажды я нашел почти такую же змейку, только нефритовую, – как бы невзначай сообщил Конан.

– И что? – настороженно поинтересовалась Фелле, почуяв какой-то подвох.

– Да ничего особенного, но когда я принес показать ее приятелям, она взяла да ожила. И давай кусать всех подряд…

Фелле взвизгнула, сорвала браслет и отбросила подальше от себя. Киммериец и Молчун расхохотались, обиженная девушка

сердито процедила:

– Ш-шуточки, понимаешь…

– Ладно, не сердись. Мы так и будем стоять, или хотим поскорее выйти наружу? Хватаем то, что поменьше и подороже, да побыстрее. Крысенок всю жизнь локти кусать будет, что не увидел всего этого… – мстительно завершил фразу северянин.

– Говорят, худшее в мире – когда мечты сбываются, – заметил Молчун. – Ему, наоборот, повезло. Фелле, держи лучше мешок, а то у тебя глаза разбегаются. Так и окосеть недолго, будешь как заяц – один глаз влево, другой вправо.

– Почему худшее – когда сбывается то, чего хочешь? – не понял киммериец. – Это же хорошо…

– А потом? – Молчун быстро перебирал содержимое сундука, то и дело бросая очередную вещицу в подставленный Фелле вместительный мешок. – Человек должен к чему-то стремиться, осуществление же любого – любого, прошу заметить! – желания приводит к потере смысла самого существования, и, как следствие…

– Чего? – переспросила Фелле. – Повтори еще разок, я ничего не поняла.

– Молчун, а ты у нас, оказывается, шибко умный, – хмыкнул Конан. – С чего бы это? Раньше все молчал, молчал, а тут вдруг разошелся…

– Три года обучения у почтеннейшего мэтра Алкмидидеса, светила философской мысли великих стран севера, – безмятежно ответил Метос. – Он мне пророчил большое будущее. К сожалению, философия способствует расширению взглядов на мир, но совсем не помогает увеличению толщины кошелька. Быть наемником, может, не столь почетно, зато выгодно. А молчал оттого, чтобы ребята с «Вестрела» не сочли излишне умным, вот как ты, капитан, сейчас. Наше буйное братство умных не любит… Да и не умный я вовсе, а просто книжек много читал, оттуда и набрался всяких словечек. – Метос говорил, будто оправдывался. – Да еще учитель был хороший…

Несколько ошеломленные такими известиями о прошлом Метоса Конан и Фелле озадаченно переглянулись. Молчун, довольный произведенным впечатлением, ухмыльнулся:

– Вот так-то, капитан. Чего только не случается с человеком, верно?.. Это брать?

Он поднял над сундуком тонкую цепочку с покачивающейся серебряной витой раковиной.

– Бери, – рассеянно отозвался киммериец. Молчун – бывший философ? Да, порой жизнь откалывает такие штуки, что нарочно не придумаешь… Ничего себе, набрал команду…

– Меняю всю философию мира вместе с учением Митры на пару хороших фургонов и отряд человек так в полсотни, – заявила Фелле. – Тогда бы мы здесь навели порядок – ничего бы не осталось.

– Всех сокровищ в мире все равно не получить, – разумно заметил Конан, затягивая свой изрядно потяжелевший мешок. – Даже на десятую часть этого мы поставим на уши всю Кордаву, причем не на один день, это я вам обещаю… Только бы теперь добраться до нее.

Фелле набрала полную горсть самоцветов и подбросила их на ладони, любуясь получившимся радужным дождем.

– Кто бы мог подумать, что я доживу до такого! Эх, видел бы дядя… А браслет я заберу, не пропадать же хорошей вещи. Где он?

– Вон там, – Молчун ткнул в сторону полуоткрытой двери. – Ты ж его туда бросила.

– А нечего было пугать…

Свернувшаяся в кольцо змейка поблескивала золотом чешуек, притаившись у дверной створки, и оживать вроде не собиралась. Фелле наклонилась, чтобы подобрать ее, и тут толстенные дубовые доски, прошитые для крепости бронзовыми гвоздями, раскололись извилистой трещиной, в глубине которой мелькнули полупрозрачные, но от этого не менее острые клыки. Девушка взвыла, отлетая в глубину сокровищницы и захлебываясь рвущимся наружу воплем.

– Что? – Конан и Молчун мгновенно позабыли про заманчивое сияние камней, оборачиваясь на прозвучавший крик. – Что?..

– Т-там… – Фелле трясло, но она сумела указать на дверь, возле которой по-прежнему мирно лежал браслет. – Т-там з-зубы…

– Какие зубы? Тебе что-то померещилось? – попытался успокоить готовую сорваться на истеричные всхлипывания девушку Метос. – Все в порядке, ничего там нет…

– Есть! Есть, они там! – упрямо повторяла Фелле. – Я их видела! Зубы в двери!

– Ну-ка тихо, вы оба! – прикрикнул на опешившего Молчуна и тихонько поскуливавшую Фелле киммериец. Он с самого начала ожидал от этой сокровищницы какой-нибудь пакости, и вот – дождался. Фелле, несомненно, что-то увидела; в конце концов, она не утонченная аристократка, а девушка из семьи наемников, и не стала бы визжать, заметив самую обычную крысу. – Угомонились? Фелле, скажи толком, что там было?

– Большие зубы, – шепотом проговорила Фелле, – внутри

двери. Они появились, когда я хотела поднять браслет.

– Значит, зубы?.. – задумчиво повторил Конан. – Похоже, начинаются неприятности. Ладно, выходить-то нам все равно надо…

Он вытащил меч из ножен и медленно приблизился к двери. До нее оставался всего шаг-другой, когда створки беззвучно выгнулись под сильнейшим ударом, сомкнулись, вновь разошлись в стороны, содрогаясь так, будто были сделаны из папирусного листа, а не досок толщиной в палец. Бились в них явно не снаружи, а изнутри, точно какое-то огромное и сильное живое существо было заключено в самих воротах, и сейчас прокладывало путь на свободу. Люди невольно попятились: они не испугались бы любого живого существа, вставшего на их пути, но взбесившаяся бездушная вещь – это что-то новенькое и потому жуткое…

– Оно вылезает, – очень спокойным тоном, давшимся ей с величайшим трудом, сказала Фелле. – Что будем делать?

– Пробиваться, что же еще? – рыкнул в ответ киммериец. – Пошли, пока оно не выбралось…

Ворота наискось пересекла широкая трещина, отсвечивающая по краям синеватым блеском далеких молний, затем еще одна. В провалах что-то шевелилось, цепляясь за края и пытаясь преодолеть границу между живым и неживым миром. С шуршащим звуком надулась и разорвалась в клочья матово-желтая перепонка, открыв ворочающееся буро-красное месиво, пронизанное белыми трепещущими нитями. Бесформенная масса сбилась в плотный ком, начавший быстро приобретать очертания вытянутой головы. На конце мотающегося туда-сюда и упрямо стремящегося вперед обрубка прорезалась длинная щель, ее верхняя и нижняя половинки, сплошь утыканные загнутыми назад клыками, разошлись, между ними заметался длинный и тонкий, похожий на червя язык. Существо дернулось, целеустремленно выдираясь из стискивающего объятия бывших ворот, на голове – теперь стало ясно, что это именно голова – открылись круглые золотистые глаза с крохотной точкой бездонного зрачка, сразу начавшие лихорадочно вращаться в орбитах.

– Какая мерзость, – чужим бесстрастным голосом высказал свое мнение Молчун. – Конан, как думаешь, можно его зарубить?

– А вот сейчас узнаем, – хищно оскалился северянин. – Держись сбоку, посмотрим, какого цвета у него кровь… Фелле, не стой столбом, держи факел, чтоб тебя!

Подземное создание прекратило мотать зубастой башкой, решив дать себе краткую передышку, прежде чем продолжить нелегкий труд результатом коего должно было быть обретение

свободы. Глаза монстра бессмысленно уставились куда-то вверх, и первый удар, обрушенный с двух сторон, заставил его болезненно дернуться. Из образовавшихся глубоких разрубов толчками потекла вязкая, почти черная кровь. Чудовище клацнуло зубами, попытавшись достать быстрых созданий, мешающих ему, промахнулось, разинуло пасть и издало низкий стонущий звук, после чего с удвоенной яростью принялось прорываться на волю. На краю щели появилась когтистая шестипалая лапа, цепко впившаяся в частично уцелевшие доски. Фелле ткнула в морду зверя искрящим факелом, но особого успеха не достигла – похоже, существо не боялось огня.

Мечи застревали в густой, мгновенно стынущей и слипающейся массе, из которой была создана жуткая тварь, во все стороны летели ошметки мяса и брызги крови, и крохотная пещерка начинала походить на скотобойню в разгар рабочего дня. Существо глухо ревело, лязгало зубами, и даже сумело вытянуть наружу вторую лапу, но это было последнее, чего ему удалось добиться. Беспорядочно дергающаяся голова вскоре повисла на нескольких чудом не перерубленных белых тугих волокнах, лапы заскребли по бывшим воротам, из щелевидной пасти, пузырясь, вытекала красноватая пена, и, рванувшись в последний раз, зверь затих. Его туловище, голова с выпученными глазами и раскинутые лапы мгновенно подернулись тусклым налетом, какой бывает на подгнивших фруктах, затем на глазах изумленных людей неведомое существо почернело, стремительно уменьшаясь в размерах, и исчезло.

Остались двери, развороченные так, будто в них долго и упорно лупили тараном, темнеющие лужицы крови на полу, приторно-сладкий запах разлагающейся падали и лежащий возле дверного проема золотой браслет.

– Меня сейчас вырвет, – заикаясь, сообщила побелевшая Фелле. – Ч-честное слово…

– Только не на меня, – бесчувственно сказал варвар, отступив на шаг.

Тут одновременно произошли две вещи – погас факел и с гулким грохотом рухнули створки дверей.

* * *

– Значит, тебя создали для того, чтобы попасть в Лабиринт?

– Да, – зеленоватая мерцающая тень на стене кивнула

головой. – Я уже забыла, ведь это было так давно…

Крысенок перевел дух. Он сумел, постоянно отвлекаясь для объяснения Тени самых простых и понятных на взгляд человека вещей, рассказать ей всю историю, предшествующую появлению четверки людей в подземельях. А затем самоуверенно попробовал расспросить Тень о том, что представляют из себя подземелья и что такое она сама, Тао. Обрадованная обитательница пещер вывалила неожиданному собеседнику все, что знала, и у Крысенка немедленно голова пошла кругом. Все же он сумел извлечь из вороха пестрых сведений несколько драгоценных крупиц, могущих принести пользу.

Во-первых, страшных существ со свиными рылами Тень именовала Стражами и утверждала, что они совершенно безмозглы и беспрекословно подчиняются Хозяевам. Во-вторых, Хозяева, которых она постаралась описать, но Вайд все равно ничего не понял, не были настоящими хозяевами, а слушались еще кого-то, бывшего настоящим Хозяином Лабиринта. В-третьих, Тень без всяких раздумий узнала карту, запомненную Крысенком, и без колебаний заявила, что этот план сделала она.

После такого заявления Крысенок на какое-то время потерял дар речи, озадаченно почесал в голове и, запинаясь, попросил Тень повторить сказанное. Тао добросовестно повторила, добавив, что теперь припоминает – ее создал какой-то человек, специально для того, чтобы поместить в подземелья. Крысенок сосредоточился, вспомнил, как выглядел Вальдрио и «показал» его Тени воспринимавшей, как оказалось, мысленные образы. Тень отрицательно помотала головой – старый зингарец был ей незнаком. Почуявший запах невероятных тайн Крысенок вцепился в Тень, как клещ в лошадиную шкуру, выспрашивая малейшие подробности и заставляя вспоминать, как она оказалась здесь.

Растерявшаяся от подобного напора Тао сумела составить мысленный портрет, и теперь пришел черед ломать голову Крысенку. Показанный ею человек напоминал стигийца, и вид у него был таков, что Вайд очень не хотел бы даже случайно оказаться на пути этого человека, не говоря уж о том, чтобы стать его врагом. Тень, поразмыслив, вынуждена была признать, что после того, как она обошла весь Лабиринт и создала карту, ее создатель просто-напросто забыл о ее существовании, бросив на произвол судьбы.

– А зачем ему нужна была карта? – в который раз спросил у самого себя и у притихшей Тени Крысенок. – Раздобыть ту спрятанную вещь? Тогда почему он не пришел за ней? Или пришел?

– Не пришел, – уверенно сказала Тао. – Теперь я понимаю.

Люди, которые пробираются сюда, ищут… э-э… волшебные вещи старых хозяев. Лабиринт не пускает к себе умеющих самостоятельно делать похожие, только обычных людей.

– Какие еще «старые хозяева»? – взвыл окончательно сбитый с толку Крысенок. – Ты же говорила, что здесь уже есть Хозяева!

– Есть, но те были раньше. Они ушли, оставили тут… как их… золото и вещи. И большую змею.

– Каменная, черная? – сообразил Крысенок. – В короне, с красными глазами?

– Она самая, – подтвердила Тень.

– Это Сет. Ему поклонялись люди-змеи, валузийцы. Когда ты появилась здесь, змееногих уже не было?

– Не было. Одни Стражи и Хозяева.

– Ничего не понимаю, – обреченно сказал Крысенок. – Ну хорошо, а что такое может храниться в сокровищнице, ты знаешь?

– Ключ, – неуверенно предположила Тень. – Ключ от Лабиринта.

– Какой ключ? Зачем в пещерах какие-то ключи, что ими открывают?

– Ничего.

Крысенок застонал и в очередной раз спросил себя, зачем, зачем он во все это впутался? Сидел бы в Кордаве, никому не мешал, никого не трогал…

– С тобой все в порядке? – заботливо спросила Тао.

– Да! Хорошо, давай объясняй заново, может, я что-то недопонял? Ключ, которым ничего не открывают, так?

– Так, – жалобно сказала Тень, не на шутку испугавшись, что понравившийся ей человек сейчас скажет, будто она тупее Стража, а потом возьмет да уйдет. – Ключ, он не для того, чтобы открывать, а чтобы узнать…

– Что узнать? – перебил Крысенок.

– Кого. Того, кто нужен Лабиринту.

– Зачем? Для чего нужен?

– Не знаю…

В голосе Тени звучало такое неподдельное отчаяние от сознания своей тупости и сожаления о невозможности просто и понятно ответить на вопросы, что Крысенок махнул рукой:

– Не переживай. Если ключ есть, значит, должна быть и какая-то дверь для него. Главное, мы теперь точно знаем, откуда карта и… Погоди, погоди, а как же вышло, что я ее помню?

– Ты неправильный! – радостно сказала Тао. Наконец-то она хоть одно поняла и знает точно! – Как и я. Я неправильная тень, а ты неправильный человек.

– Это с какой радости я неправильный? – растерялся

Крысенок. – Всю жизнь был человек как человек, а тут…

– Конечно, неправильный, – стояла на своем Тень. – Ты слышишь меня, ты помнишь карту, ты можешь ходить по Лабиринту. Приходившие сюда раньше, этого не умели, они даже меня не видели, хотя я проходила рядом с ними, представляешь?

– Очень хорошо представляю, – пробурчал Крысенок. В самом деле, ну кто, кроме него, пребывая в здравом уме, решил бы остановится и поболтать с тенью? Нет, в некотором Тао, безусловно, права – слишком уж тут много странностей, и чем больше пытаешься понять, что тут к чему, тем глубже увязаешь в загадках и недомолвках. Тень, конечно, рассказала ему все, что знает, и не ее вина, что чего-то он не понял. Ясно одно: Тень, ее неизвестный создатель (наверняка стигийский маг!), карта, Лабиринт со всеми его Стражами и Хозяевами накрепко связаны между собой. Если бы удалось отыскать хоть кончик той нитки, потянув за которую, можно распутать весь этот смотанный в невероятно давние времена клубок…

Когда вымерли валузийцы – две тысячи лет назад, три? Однако здесь, в джунглях, они, спрятавшись от всего мира, могли протянуть еще долго. Судя по словам Тени, она не застала людей-змей в Лабиринте, но покинули они его совсем недавно. Только вот что такое «совсем недавно» для Тао, которой, похоже, все равно – сто лет прошло или тысяча? Было бы намного лучше, если эту историю выслушал кто-нибудь умный и сказал, как тут быть… Кстати, что с капитаном и остальными?

Две зеленые и белая точки уверенно двигались прочь от красной стрелки, желтый огонек, забравшийся в самое сердце подземных хитросплетений, не сдвинулся с места. Значит, они уже побывали в сокровищнице или что там такое отмечено стрелкой? Интересно, нашли они этот загадочный ключ?

– Тао, а как выглядит ключ?

– Не знаю… Я его могу узнать, если увижу, но на что он похож… Ой, смотри!

На карте творилось что-то странное – возле трех быстро перемещающихся точек образовалось наливающее красным облако.

– Что это? – не надо быть чрезвычайно умным, чтобы понять – творится что-то неладное. – Что происходит?

– Хозяева натравили Стражей, – объяснила Тень. Ее спокойный зеленый цвет начал меняться на тревожный багровый. – Их там много… Они наверняка убьют твоих людей.

– Что-о? – Крысенок спрыгнул с камня, на котором сидел, и заметался по пещерке. – С чего ты взяла?

– Стражи всегда убивают тех, кто им попадется. Они

постоянно хотят есть, – растерянно отозвалась Тао. – Хозяева велят им, они и убьют. Так всегда бывает…

– Пошли, – решительно сказал Вайд. У него не было ни малейшего представления, что он собирается делать, и что вообще можно предпринять в такой ситуации, но одно он знал совершенно точно – прятаться в углу он больше не станет. – Да пошли же быстрее!

* * *

Вернуться в зал со множеством дверей удалось без всяких помех, но по дороге завязался ожесточенный спор – была ли в действительности тварь, вылезавшая из бывших ворот или нет? Молчун, неожиданно разговорившийся (видимо, под влиянием еще не схлынувшего азарта стычки), начал доказывать, что никакого зверя и в помине не было, он им всем троим вовсе померещился. Двери сокровищницы были изрублены в щепки, никто не спорит, но ведь никакого пролома на них не осталось! А каждый видел, что тварь, выбираясь наружу, ломала доски, значит, следы ее работы должны были непременно сохраниться! Спрашивается, где же они?

Фелле едва не ударилась в крик, повторяя, что тварь была, была, была! С кем же они, в таком случае, дрались?

Ни с кем. Предположим, в хранилище имеется неприметная дыра или щель, в которую в нужный миг пустили дым сожженных листьев того же пурпурного лотоса. Для такой простой работы, как поджечь несколько листочков и направить получившийся дым в отверстие, сгодится и местный кабанчик. Они надышались, и, как результат, увидели чудовище, рвущееся из дверей. Поскольку все ожидали от подземелья какой-нибудь гнусной каверзы, то, особо не рассуждая, бросились делать из явившегося монстра отбивную, не сознавая, что на самом деле рубят дверь. Потом дым постепенно рассеялся, все пришли в себя, а побежденная тварь, соответственно, исчезла. Капитан, ну разве я не прав?..

– Всем показалось одно и то же? – недоверчиво переспросил Конан. – Я понимаю, если бы мы нанюхались лотоса, то могли бы и Сета вживе увидеть! Но чтобы троим померещилось одинаковое – не бывает такого! А вот что нам головы морочили и заставили поверить, будто ворота превратились в чудище – такое вполне могло случится. Но, по моему, зверь действительно там был. По живому ведь били, не по дереву.

С предположением, что мысль о лезущем непонятно откуда звере могла быть внушена со стороны, Метос согласился, но тотчас же задал вопрос – какой подлец учинить подобную вещь? Не здешние же волосатые хрюшки?.. Кстати, а вдруг искатели сокровищ, сами не зная того, прихватили из хранилища нечто весьма ценное для обитателей пещер? Может, ту самую загадочную вещицу, из-за которой все и началось? Хотя в основном брали камни…

– А если она и есть камень? – спросила Фелле. – Я столько слышала про магические кристаллы…

– Нам бы колдуна какого завалящего, – в шутку сказал Молчун. – Посмотрел бы на камешки и опытным глазом определил – этот волшебный, а тот можете идти и смело продавать. Но ведь обязательно надует, зараза, не проверить же никак… Капитан, как отличить магический кристалл от обычного?

Киммериец, поразмыслив, ответил:

– Очень просто – загнать все подряд, а потом послушать, какие сплетни поползут по городу…

Конан был уверен, что Вайд, поджав хвост и скуля, как побитая собака, будет ждать их в зале, где они так внезапно разминулись. Зал пустовал – раненые звери исчезли, даже пятен крови на полу не осталось, Крысенок продолжал где-то шляться. Он не отозвался на крики, хотя на этот раз звали его долго и все вместе, а Метос уже не на шутку встревожился:

– Это же ребенок, в конце концов! Уличный, но ребенок, с ним может случиться, что угодно!

– Я точно знаю, что с ним случится, когда он попадется мне на глаза, – мрачно сказал киммериец. – Душу выну, чтоб в следующий раз думал, что делает…

Следовало как-то пробираться к выходу из подземелья. Северянин без труда мог определить нужное направление в любом лесу, не говоря уж о горах и море, или, на худой конец, городе. С пещерами дело обстояло гораздо хуже – приметные места в кромешной темноте особенно не разглядишь, а коридор, по которому люди попали в зал, наглухо закупорен. Был он вот здесь, и вел вроде как с заката. В этой же стене прорублены входы в еще три туннеля, и идут они вроде туда же, куда и ныне запертый. Дорогу, по которой они добрались сюда, было не так уж сложно запомнить, но никто же не предполагал, что проводник исчезнет в самый нужный момент… Убить за такое мало!

Все понимали, что надо бы поскорее убираться из подземного лабиринта, пока на непрошеных гостей и грабителей не

свалилась новая клыкастая-зубастая напасть, и все же не торопились уйти из ставшего почти знакомым зала с бледно светящимися ветвистыми кораллами на стенах. Из мешков были извлечены и употреблены по назначению оставшиеся припасы съестного, потом подремали вполглаза, и, наконец, стало ясно, что дальше тянуть нельзя. Если Крысенок еще жив – пусть теперь старается и догоняет, если мертв – тогда и ждать бесполезно.

Факелов осталось совсем мало, и их старались по возможности не зажигать, благо в приглянувшемся для дальнейшего пути коридоре по стенам пышным цветом разрослась блекло светившаяся плесень. Туннель, прямой как стрела, шел, никуда не сворачивая и не разветвляясь, пол в нем ощутимо поднимался иногда то вверх, то вниз. Неясные тени трех людей метались по стенам, причудливо изгибаясь на выступах камней. По подсчетам Конана они прошли уже больше пяти сотен шагов, когда коридор внезапно раздался в стороны, образовав маленькую пещерку. Поначалу показалось, что это тупик, но в стене пещерки тускло светилась узкая щель.

За щелью находилась ровная гладкая стена, отвесно уходившая глубоко вниз, туда, где, переливаясь живым светящимся перламутром, бурлила на перекатах подземная река, и взлетевший над пропастью мост. Узкий, едва ли не в шаг шириной, каменный мост без всякого намека на перила. На другой стороне он упирался в темнеющий проем широкой арки. Река была довольно бурная, но до стоявших наверху людей долетал лишь еле различимый отдаленный плеск волн.

– Если свалишься, то костей уж точно не собрать, – Фелле выглянула из трещины в стене и с опаской посмотрела в заполненный колеблющимся серым туманом провал. – Пойдем туда или обратно вернемся, поищем другую дорогу?

– Пройти-то нетрудно, – киммериец отодвинул девушку в сторону и прикинул, какое расстояние придется преодолеть над бушующей рекой. – Идем мы пока вроде в нужную сторону, так что чего возвращаться? Главное – вниз не смотреть и топать, не останавливаясь, но и не торопиться.

Мост чуть подрагивал, ноги предательски скользили по гладко обтесанным камням, влажным от оседающих на них капель тумана и далекой воды. Где-то внизу глухо шумела река, пробираясь между камнями к одной ей известной цели. Мост казался бесконечным, но внезапно он оборвался, разлившись в широкую площадку, выложенную зелеными и черными плитами. Вырубленная в скалах площадка не имела других выходов, упираясь в зеркально отшлифованную каменную дверь. На черной поверхности причудливым узором были разбросаны

крупные неограненные самоцветы дымчатого цвета.

– Ну вот, я же говорила… – заикнулась было Фелле, но, поймав мрачный взгляд Конана, сразу замолчала, Молчун подошел поближе к загадочной плите и озадаченно осмотрел ее сверху донизу:

– Слушайте, но это же дверь, так? Ни замка, ничего…

– Створки с секретом, – предположил не менее озадаченный киммериец. – Может, надо встать на какое-то определенное место, а может, постучать…

Услышавшая его слова девушка немедленно постучала – сначала кулаком, потом, повернувшись к двери спиной, несколько раз изо всех сил пнула блестящую черную плиту каблуком.

– Даже не шевелится, – сердито сказала она. – Только ноги отобьешь. Пошли обратно, в самом деле!

– Погоди, – Метос присел и тщательно осмотрел вставленный в мелкозернистый камень полупрозрачный темно-серый кристалл с неровными гранями. – Зажги лучше факел.

– Зачем? – удивилась Фелле, доставая из своей котомки обмотанную паклей палку и начиная черкать кресалом. – У нас факелов, между прочим, кот наплакал…

– Свети сюда, – Молчун не обратил на ее ворчание никакого внимания, едва ли не обнюхивая камни с видом напавшей на след гончей. – Пониже, ага, вот! Конан, ты в стигийских буквах разбираешься?

– Совсем спятил? – соболезнующе спросил киммериец. – От их закорючек сам Сет, если что-то понять захочет, загнется… Что ты там углядел?

Молчун отобрал у недоумевающей девушки факел и торжественно поднес его поближе к двери. Внутри темного кристалла замерцала тонкая золотистая нить, скрученная в замысловатый узор. С соседним освещенным камнем случилось похожее, только завитки оказались другими.

– Если это не стигийский алфавит, то пусть меня повесят! – уверенно заявил Молчун. – В Кордаве, возле Морского Рынка! Ну, кто прав?

– Ты, – признал Конан. – Но нам-то что с этого?

– Как что? – возмутился бестолковостью капитана Молчун. – Если буквы, значит, они складываются в некое слово, а слово наверняка отпирает дверь…

После этого он погрузился в сосредоточенное молчание, по очереди освещая камни и что-то бормоча себе под нос. Северянин и Фелле помалкивали, терпеливо ожидая, подтвердится или нет догадка Молчуна. Наконец, Метос еще раз оглядел все камни и с

несколько растерянным видом обернулся к своим спутникам:

– Может, я где ошибся, но получилось вот что – три «А», то ли «Д», то ли «Т», затем точно двойная «Л», «Х», «Б» или «П», и еще «М», а вот что это может значить – ума не приложу… У кого есть догадки?

– «Сет – червяк»… – состроив серьезную физиономию, предположила Фелле и фыркнула. – А вдруг это ничего не означает, нарочно сделали для таких вот умных, чтобы сидели и до конца жизни думали?

Молчун преувеличенно разочарованно вздохнул и обратился к киммерийцу:

– Если дверь, как и статую, сделали валузийцы, то какое слово они могли использовать, а?

– Откуда я знаю? Наверняка что-нибудь про своего дорогого змея…

– А как еще называют Сета? – не отставал Молчун.

– Повелителем Ночи, Отцом Мрака… Погоди-ка, в Черных Королевствах я слыхал другое название… Как это… – Конан поскреб в затылке, припоминая давно слышанное слово. – Точно, Дамбаллах, вот как они его звали!

– Дамбаллах, – по буквам повторил Метос, одновременно с силой надавливая на соответствующие камни. С его последним движением казавшаяся цельной плита беззвучно распалась на две косо срезанные половинки, одна из которых провалилась вниз, а другая ушла в стену.

– Прошу, – хмыкнул Молчун. – Вот вам наглядное подтверждение необходимости образования…

– Ну какой ты у нас умный, – подлизывающимся голоском протянула Фелле и хихикнула. – Просто дальше некуда.

Они осторожно заглянули за дверь – там оказался зал, похожий на недавно оставленный, только в этом преобладали красные и ядовито-желтые тона, да торчали неизвестно зачем поставленные многочисленные пузатые колонны с пучками каменных листьев на вершинах. Искатели сокровищ, настороженно оглядываясь по сторонам, переступили через порог и сразу же обернулись – половинки двери с еле слышным шорохом встали на место, а с внутренней стороны на них никаких камней не оказалось.

Когда люди, убедившись, что дверь не открывается, снова повернулись к залу там произошли некоторые изменения. Такие, что Метос присвистнул и тихонько сказал:

– Капитан, по-моему, настал самый подходящий случай покричать: «Митра, помоги!..»

– А что, думаешь, соизволит? – невесело отозвался Конан,

вытягивая меч из ножен.

– Наверное, нет, – помотал головой Молчун. – Но попробовать-то можно…

Зал, только что пустовавший, как карман наемника после хорошей гулянки, теперь заполняли угрюмо молчавшие подземные кабаны. Тварей собралось не меньше двух десятков, злобных, с оскаленными желтоватыми клыками, и явно не собиравшихся упускать наконец-то попавшуюся добычу.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Лабиринт

(окончание)

Человек и тень бегут глубоко под землей по извилистому коридору. Не человек и его тень, а человек рядом с тенью, порой вспыхивающей красными сполохами. Тень, отбрасываемая непонятным существом, чуть опережает человека, неясным пятном скользя по мокрым стенам. Человек уверенно движется в полнейшей темноте, мельком спрашивая себя, отчего такое может быть, но тут же забывая о вопросе и полученном ответе. Он очень спешит, и подземный Лабиринт торопливо раскручивает сплетения своих туннелей, послушно ложась под ноги самыми короткими путями.

Тень и человек мчатся через пустующие великолепные залы, мимо заманчиво сияющих золотых статуй, провожающих их взглядами слепых глаз, вспугивают срывающихся со стен летучих мышей, не обращая ни на что внимания. Они проносятся по изящно изогнувшемуся над прозрачно-черной рекой мосту, и мост гудит под торопливыми шагами человека. Высунувшийся в коридор огромный Страж замечает бегущих, пугливо шарахается в сторону, прижимается к стене, пытаясь стать крохотным и незаметным. Тень сворачивает в незаметный проход, человек на бегу хватается за выступающий угол, едва не падает, но успевает повернуть, и они снова бегут рядом – тень по стенам, человек по земле.

– Быстрее! – кричит человек, и тень превращается в полосу тусклого багрового света, размазанную по коридору. Они взлетают наверх по широким ступеням лестницы, проносятся по узкому туннелю, испуганно мечется гулкое эхо, но человек и тень уже далеко, они минуют стоящие нараспашку створки литых медных дверей, уходящих куда-то под потолок, одновременно сворачивают и замирают на месте.

Они успели.

Крысенок и Тао стоят на прилепившемся к стене огромного зала балкончике и смотрят вниз. Туда, где два с лишним десятка рогатых зверей с кабаньими рылами, почему-то стоящих на задних лапах и покрытых густой шерстью, упорно зажимают в

угол троих людей. Ветвистые наросты на стенах и колоннах зала испускают неяркий светло-оранжевый свет, коротко и ослепительно вспыхивающий на стали прямых клинков. На полу бьется, истошно взревывая и пытаясь подняться или хотя бы отползти в сторону, раненое животное с наполовину отрубленной передней лапой. На него никто не обращает внимания, занятые сородичи обегают его стороной, точно лежащий на дороге камень.

– Смотри, Хозяин, – говорит Тень. – У колонны, почти напротив нас.

У раздутого посредине веретенообразного столба, поддерживающего потолок, неподвижно стоит закутанная в бесформенное темно-лиловое одеяние фигура. Стоит и чуть покачивается, как колеблемая водой водоросль, и, кажется, даже не касается пола ногами. Висящее в воздухе существо не предпринимает никаких видимых действий, просто наблюдает. Впрочем, кажется, иногда оно подает какие-то знаки несомненному вожаку кабаньей стаи – огромной твари, чьи вызывающе торчащие вперед рога украшены связками крохотных косточек, сухо брякающих при каждом движении зверя. После обмена знаками и согласного ответного хрюканья предводителя напор на защищающихся людей усиливается, хотя звери не решаются пересечь границу невидимого круга – каждый раз звонко щелкает арбалет, и раздается болезненный взвизг.

– …Вон тот, высокий, продержится дольше всех, – тоном опытного завсегдатая уличных боев определила Тень. – Был бы он один, может, даже прорвался бы. Двоих других быстро скрутят.

– И съедят? – отсутствующим голосом поинтересовался Крысенок. Тень кивнула и виновато, словно извиняясь за дурные привычки Стражей, добавила:

– А может, отпустят и снова ловить будут…

– Ты можешь что-нибудь сделать? – с прорвавшимся, наконец, отчаянием спросил Вайд. – Ну хотя бы напугать их?

Тао с сожалением покачала головой, ее звонкий голосок стих до почти беззвучного шепота:

– Там Хозяин. Он меня прогонит. А еще он может ослепить меня и я пропаду… Прости, я не пойду туда, я боюсь.

Крысенок отлично понимал ее – при всем своем хорошем отношении к людям Тень вовсе не торопилась покинуть мир, пусть он для нее состоял лишь из темных подземелий, населенных чудовищами. Конечно, она не обязана ради каких-то незнакомцев лезть туда, где можно погибнуть… Но надо же как-то действовать!

От сознания собственного бессилия хотелось выть, и

Крысенок не сразу услышал неуверенные слова Тени:

– Попробуй сам, может, у тебя получится…

– Что получится? – в полный голос заорал Вайд, уже не беспокоясь, что его могут услышать. – Пойти и сказать им: «Кыш, кыш!»? Что?!

– Вели им уйти, – серьезно ответила Тао. – Они разговаривают также, как я, а Хозяин командует ими. Пусть он прикажет им прекратить охоту.

Крысенок ничего не ответил и в ярости ударил кулаком по мраморным перилам. Тень несла чушь еще большую, чем блаженной памяти матушка Акма. Прикажи этим подземным тварям, хорошо сказано!.. Ой, нет!

Одному из яростно визжащих кабанов удалось проскочить мимо сцепившегося с его собратом Конана, сбить с ног бросившегося навстречу Молчуна и рывком подцепить на желтые блестящие клыки Фелле. Зверюга дернула головой, девушка взмыла в воздух, выпустив арбалет и пытаясь ударить чудовище по глазам выхваченным кинжалом, промахнулась и, пролетев над окружившими людей тварями, упала почти посредине зала. Ее самострел отлетел в сторону, но вольная охотница из форта Ксоло не вскочила и не бросилась за ним, оставшись лежать неподвижной кучкой зеленого тряпья. Метос яростно взвыл, на мгновение перекрыв все звуки в зале, и кинулся к ней, тут же затерявшись между лохматыми тушами.

Державшийся все время позади атакующих не особо крупный кабанчик, заинтересованный падением непонятного предмета, подошел поближе к не подававшей признаков жизни Фелле, тщательно обнюхал, фыркая и пыхтя, а затем попытался зацепить ее своими кривыми когтями за одежду и поднять. Похоже, он счел девушку своей законной добычей, которую следовало поскорее уволочь подальше от остальной стаи, чтобы без помех разобраться, на что ее можно употребить. После нескольких неудачных попыток подземный монстр сумел таки взвалить обмякшее тело себе на плечо, и, оглядываясь, заковылял к ближайшему выходу.

«А вдруг она еще жива? – мелькнула шальная мысль у оцепенело глядящего на это Крысенка. – Нет, нет, ну оставь же ее, ты, скотина, мешок с дерьмом, кому говорю!»

Чудовище остановилось, покрутило рогатой башкой, точно выискивая кого-то, недоуменно хрюкнуло и потопало дальше.

«Стоять! – истерически взвизгнул Крысенок, так что даже Тень испуганно вздрогнула. – Стоять! Положи ее, тварь!»

Совершенно растерявшийся зверь обиженно заверещал, разжал лапы и Фелле соскользнула вниз, мягко шлепнувшись на

каменные плиты. Несколько мгновений обитатель подземелий стоял над ней, явно позабыв о внезапно потерянной дичи и соображая, что делать дальше, затем огляделся по сторонам и решил принять посильное участие в общей свалке. Что его и сгубило – катающийся по залу рычащий и воющий клубок, в котором невозможно было понять, где люди, а где животные, подмял неудачливого похитителя под себя и уволок следом.

– Получилось, – недоверчивым шепотом сказала Тао. – Получилось же! Не останавливайся, пугни Хозяина!

Живой сгусток из бешенства и злости распался, оставив на полу корчащихся в агонии неудачников с перебитыми хребтами и вываливающимися из распоротых животов скользкими петлями внутренностей. Кабаны образовали неправильной формы круг, в центре которого медленно и настороженно двигались двое. Косматый зверь с рогами, на которых сухо звякали косточки пальцев побежденных им в предыдущих схватках, с небывалой для неразумного животного сноровкой вращал тяжелый железный шар на короткой цепи, сплошь утыканный, точно еж иглами, острыми шипами.

Темноволосый рослый человек, вооруженный длинным широким мечом, перемещался с грацией хищного зверя, отбивая пробные выпады своего противника и легко ускользая от свистящего над его головой стального шара. Несколько раз промахнувшись, подземное создание утробно зарычало и, неожиданно прыгнув вперед, попыталось всей тяжестью своей туши сбить человека с ног. Тот увернулся, пропуская чудовище мимо себя, и с размаху погрузил клинок глубоко в бок взвывшей от боли твари. Увлекаемое собственным весом чудище пролетело еще несколько шагов, свалив не успевшего убраться с дороги собрата, вскочило, не обращая внимания на сочащуюся кровью рану, замахнулось своим оружием, пытаясь запутать меч человека в звеньях цепи…

Это было жутковатое и красивое зрелище – Крысенок даже дыхание затаил, позабыв, чем может закончится сражение. Тень, повидавшая уже с несколько десятков боев между обитателями Лабиринта и приходившими сверху искателями сокровищ, окликнула его:

– Все равно человек не победит.

– Это почему? – возмутился Крысенок. – Сейчас капитан разделает эту зверюшку вдоль и поперек!

– Нет, – покачала головой Тао. – Хозяин смотрит, он не даст Стражу проиграть.

Хозяин – раскачивающийся темно-лиловый силуэт – наблюдал за сражением, чуть склонив голову набок. Крысенок

слыхал про гладиаторские бои, и Хозяин показался ему пресыщенным зрителем на подобном представлении, вернее, не зрителем, а устроителем, заранее знающим, кто должен победить, а кого подцепят крючьями и уволокут с песчаной арены…

Вспомнилось и другое. Солнечный день, блики, пляшущие на волнах, покачивание корабля и голос Сигурда с его неистребимым акцентом. О чем он тогда рассказывал внимательному слушателю по прозвищу Крысенок? А, об одержимых воинах с севера, умевших на время битвы впадать в состояние дикого зверя, медведя там, или волка, когда становилось неважно, сколько перед тобой противников – один или сотня. Крысенок отчетливо услышал собственный полный любопытства голос:

– А с тобой такое случалось?

– Однажды, – неохотно ответил Сигурд, скривившись так, будто эти воспоминания были ему неприятны. – Потом день валялся, мерзко было, точно полную бочку прокисшего пива вылакал. Когда безумие находит, ничего не помнишь, что делал. Как волна нахлынет, побарахтаешься немного и тонешь в ней…

Сейчас такая темная яростная волна поднималась из внезапно появившейся глубины незамысловатой вайдовой души и сметала все, попадающееся на пути. Значит, все уже расставлено по местам и рассчитано? А вот и не выйдет по-вашему, господа подземные Хозяева, кто бы вы там не были…

Лиловая фигура шевельнулась, точно почувствовав неладное, и потеряв без того вялый интерес к происходящей схватке. Хозяин повернулся, ища источник раздражения, и Крысенок увидел под складками капюшона выбеленный временем череп, черные провалы глазниц и мерцающие в них огоньки. Манящие и обманчивые огоньки, что кружат над бездонными болотными трясинами.

– Ненавижу, – процедил Крысенок, смотря сверху вниз на сдвинувшегося с места и поплывшего над полом Хозяина. – Сдохни!

Витки цепи захлестнули прямой меч возле самой рукояти, человек и зверь покатились по полу, рыча, как бешеные псы, человек оказался сверху, вцепился в покрытые буграми и наростами рога животного, рванул на себя, преодолевая сопротивление… Голова косматого чудовища дернулась, запрокидываясь, подземная тварь захрипела и в наступившей тишине раздался короткий отвратительный хруст, точно с размаху переломили о колено подгнившую ветку.

Человек выпрямился, поднял с пола меч, стряхнув обвившую его цепь, и не видя приближающегося к нему сзади Хозяина. Круг

стаи, опешившей от зрелища гибели считавшегося доселе непобедимым вожака, разомкнулся, и, заметив парящего Хозяина, кабаны начали пятится. Почуявший неладное человек обернулся, перехватывая клинок поудобнее.

– Прочь! – подхваченный черной мутной водой Крысенок наклонился с балкона, уже не понимая, кричит он вслух или приказывает мысленно. – Все вон отсюда! Убью!

Огромная волна тяжело поднялась, изгибая клокочущий пеной гребень, мягко накрыла Вайда с головой и потащила за собой, в темную неподвижную глубину.

* * *

Крысенку еще ни разу в жизни не доводилось терять сознание, и, очнувшись, он с удивлением обнаружил, что сидит, привалившись к толстой колонке перил, а в ноющей голове звучит назойливый голосок Тени:

– Проснись! Проснись!

– Да не сплю я… – пробормотал Крысенок, и Тао, облегченно вздохнув, замолчала. Повернув голову (с трудом, потому что при каждом движении где-то внутри нее начинали перекатываться грохочущие валуны), Вайд посмотрел вниз. Поле боя осталось за людьми – зал совершенно пуст, если не считтать трупов мертвых кабанов и валяющейся у колонны скомканной лиловой тряпки. Ага, вон и Молчун объявился, изрядно потрепанный, но вполне живой, сидит на корточках возле Фелле. Шевелится она, или кажется? Нет, действительно шевелится, Метос помогает ей сесть, она трясет головой, и, похоже, спрашивает, что произошло. А где капитан? Надо бы отсюда спуститься…

Сначала получилось встать только на четвереньки, потом, цепляясь за стену и перила, подняться на ноги.

– Ты уходишь? – тоскливо спросила Тень, став почти неразличимой в оранжевом свете. – Совсем?

– А ты разве не со мной? – удивился Крысенок. – Сама же говорила, что хочешь наверх… Вот и пойдем.

Тень помялась, нерешительно переступая с ноги на ногу, и, наконец, выдавила:

– Страшно…

– Да не бойся ты! – Вайд протянул руку и погладил шершавый прохладный камень там, где качалась вытянутая головка Тао. – Никто тебя не обидит… Слушай, а что случилось с

этим… Хозяином?

– Ты его убил, – кратко ответила Тень. – Стражи увидели, испугались и убежали сами.

Крысенок поперхнулся и подумал, что если он скажет об этом даже Молчуну, тот не поверит ни единому слову или в лучшем случае посмотрит эдак снисходительно и заговорит о чем-нибудь другом. А капитан просто от души посмеется. Так что лучше помолчать, верно, Тао? С чудовищами должны разбираться те, кому это на роду написано, а не сопляки, только и умеющие, что срезать кошельки у подгулявших бездельников…

Когда Вайд отыскал коридор, ведущий с балкона в зал, и вошел, заранее приготовившись к самому худшему, маленький отряд сидел, подпирая стену, и, судя по всему, решал, что делать дальше.

– Явился, – хмыкнул Конан, услышав неуверенные шаги. – Ну, и где тебя носило?

– Бить будешь? – спросил Крысенок, чувствуя, что против воли начинает улыбаться, как деревенский дурачок – от уха до уха, и ничего не может с собой поделать. – Я вас искал… А нашел кое-кого другого. Вот ее.

Тень осторожно высунулась из-за спины Крысенка, пошевелив ушками, и снова спряталась.

– Это что? – недоуменно спросил Молчун. – Ты где был, Вайд? Мы уж подумали, что тебя схарчили… Нет, в самом деле, оно движется. Что ты такое притащил?

– Это Тень, – сердито сказал Крысенок, обидевшись, что Тао называют «оно». – Она живая, и…

– Тень? – ледяным тоном переспросил киммериец, и Крысенок замолчал на полуслове, пожалев, что позади него сплошные каменные стены, в которых нет ни малейшей щелочки, куда можно спрятаться. – Крысенок, скажи честно, ты стукнулся головой? Я даже согласен поверить в то, что тебя поймали здешние свиньи и долго били, но только не говори мне, что ты подобрал живую тень.

– Но она действительно живая, – растерянно сказал Вайд. – Ее зовут Тао, и она хочет выбраться отсюда, – он подумал и с вызовом добавил: – И она моя!

– Сгинь, – отрезал Конан. – И постарайся не попадаться мне на глаза. Вместе со своей тенью!

– Да пожалуйста, – протянул Крысенок, бочком отодвигаясь подальше от явно разозлившегося капитана и присаживаясь рядышком с Молчуном и Фелле: – У нас пожевать ничего не осталось?

– Сначала он где-то шляется, потом его еще и корми… –

вполголоса проворчал киммериец, но Метос, похоже, убеждений капитана не разделял, и начал рыться в мешке. Фелле, пришедшая в себя после падения, с искренним любопытством посмотрела на мерцавшую в отдалении Тень и шепотом спросила:

– Она правда живая?

– Абсолютно, – кивнул Крысенок. – Она даже разговаривать умеет.

– Пусть чего-нибудь скажет, – попросила Фелле. – Как это она говорит, если она тень? Интересно, чья? По-моему, на зверя похожа – четыре ноги и голова. Может, ее кто-нибудь потерял?

– Она говорит, только вы ее не слышите, – объяснил Крысенок, понимая, что выглядит со стороны полным идиотом. Впрочем, он уже совершил все мыслимые и немыслимые глупости, так что еще от одной ничего не изменится. – Ее не потеряли, ее сделали.

– Как сделали? – теперь заинтересовался и Молчун. – Теней теперь специально делают?

– Не знаю. Как демонов создают? Или их не создают, они где-то живут, а их вызывают оттуда? Принесли кровавую жертву в полнолуние – может, то самое животное, чьей тенью она была, прочитали заклинание – вот она и получилась.

– А кто – она не знает? – Фелле поднялась на ноги и подошла поближе к замершей на месте Тени. – И для чего ее сделали?

– Знает, – Крысенок вспомнил, что Тао показывала ему облик своего создателя. В голове у него заскрежетали огромные неповоротливые жернова, медленно сдвинутые с места появившейся смутной догадкой, и Вайд нерешительно окликнул:

– Капитан!

– Чего тебе?

– Никогда не доводилось встречать такого типа – стигиец, ростом где-то с тебя, желтый, как перезрелая дыня, нос крючком и с бородавкой, глаза черные и на морде написано – «Все люди в мире – мелкие ничтожества»? Скорее всего, маг, да не из слабых…

По мере того, как Крысенок говорил, по лицу северянина медленно расплывалось выражение неподдельного изумления, постепенно сменяющееся на такую же неподдельную ярость:

– Ты его видел здесь?

– Нет. Тао сказала, что так выглядел человек, сотворивший ее. А кто это?

– Тот-Амон, Сетово отродье! – рявкнул в ответ Конан, и добавил что-то непонятное, но явно характеризовавшее известного мага не с лучшей стороны. Крысенок поперхнулся недожеванным сухарем, а Метос озадаченно спросил:

– Слушайте, а вы оба уверены в том, что говорите? Откуда тут взяться Тот-Амону?

– Тао описывала в точности такого человека, – растерянно повторил Крысенок. – Он сделал ее, чтобы получить карту Лабиринта… Тот план, что был у нас, принадлежит Тени, она его нарисовала.

– Но как карта могла попасть в Кордаву, к Вальдрио? – задал вполне резонный вопрос Молчун. – И, в таком случае, вещи, за которой мы пришли, наверняка давно уже здесь нет.

– Есть, – сказала молчавшая до того Тень, и Крысенок вздрогнул от прозвучавшего у него в ушах пронзительного голоска. – Часть ключа лежит вон в том мешке.

– А вот и нет, штука у нас, правда частично, – с гордостью сообщил Крысенок. – Кусок от нее. Чей это мешок?

– Мой, – рыкнул киммериец. – И это тебе твой демон наболтал? Мало мне было одного трепла, так теперь вас двое на мою душу? Ну-ка рассказывайте, что вы тут вынюхали, причем тут стигийская гадина и где вторая половина этой штуки?

– Ее забрали люди, – сказала Тень, а Вайд добросовестно повторил.

– Какие люди? – теперь вопрос принадлежал дружному хору из четырех человек, потому что Крысенок тоже присоединился, совершенно не понимая, каких еще людей имеет в виду Тень.

– Те, что приходили до этих, – несколько туманно ответила Тао, и тут Крысенок не выдержал:

– Да погодите, не могу же я говорить одновременно и с вами, и с ней! Я сейчас с ума сойду!.. Тао, расскажи мне, только медленно и понятно, какие еще люди ходят в Лабиринте!

– Много людей, – растерянно сказала Тень. – Я думала, ты знаешь. Они пришли в… ну, где хранятся цветные камни и старые вещи, забрали половину Ключа и хотели уйти, а Старший Хозяин напустил на них Сторожа, и тот утащил нескольких из них к себе. Остальные убежали, спрятались от Стражей в Белой пещере и пытаются выбраться в Верхний Мир.

– Голову на отсечение даю, Боргеса и его дружки. И как только успели нас опередить? – уже спокойнее сказал Конан. – А в сокровищнице, значит, живет какая-то тварь? – этот камешек был уже брошен в огород Молчуна.

– Человеку свойственно ошибаться, – невозмутимо ответил бывший ученик почтенного немедийского философа. – Я же не говорил, будто там совсем ничего нет… А почему молодчики графа, если это были именно они, не взяли всю вещь, как ты ее назвал, ключ?

– Наверное, тоже не знали, на что она похожа, – предположил

Вайд. – Схватили первое попавшееся под руку, и сбежали. А что там за зверь сидел?

– Хватит болтать! – резкий окрик киммерийца лишил навострившего уши Крысенка возможности выслушать новую историю. – Хорошо, если этот демон… то есть тень принадлежит Тот-Амону, то почему она околачивается здесь?

– Потому что больше ему не нужна, – послушно ответил Крысенок. – Он ее тут бросил, а сама она не может выбраться наверх.

– Очень похоже на мерзавца, – проворчал варвар. – Подумать только: бросить маленького беззащитного призрака на произвол судьбы. Скотина какая. Значит, сам Тот-Амон сюда не совался?

– Лабиринт не впускает внутрь никого, кроме людей, если я правильно понял, – Крысенок припомнил слова Тени о том, что войти в подземелья могут только люди «не умеющие делать необычные вещи». – Если он побывал здесь, Тао знала бы об этом. Может, маг присылал своих людей, но собственной шкурой рисковать точно не стал.

– Знаете, что в этой заварушке самое забавное? – внезапно вмешалась в разговор молчаливо слушавшая Фелле. – Если вдруг выяснится, что нанял вас Тот-Амон. И капитан Конан Киммериец на него горбатился, словно ишак на занюханной шемитской ферме.

Варвар аж поперхнулся.

– Точно, смеху будет на все Южное побережье, – мрачно подтвердил он. – Ну уж нет! Однажды стигийский ублюдок меня уже обвел вокруг пальца, второго раза не будет!

* * *

Теперь отряд двигался куда быстрее. Шедший впереди Крысенок уверенно вел своих спутников к главному входу в подземелья. На кратком совете решили не возвращаться прежним путем, а попробовать подстеречь Боргесу и его людей. Те наверняка двинутся обратно той же дорогой, которой пришли. Даже имея карту на руках, вряд ли они рискнут выбираться из подземелий через какой-то иной выход, а уж тем более – с преследующими их по пятам Стражами. Тут живыми бы добраться, а не пещеры обшаривать…

Шли быстрым шагом в сгущающейся полутьме – факел был последним и догорал на глазах, плюясь искрами и исходя дымом.

Какой-то свет давала бежавшая чуть впереди всех Тень, твердо решившая не покидать людей и расстаться с Лабиринтом.

Крысенок успел выспросить все подробности событий, происшедших с отрядом в его отсутствие и теперь пытался угадать, что из прихваченных вещиц может оказаться половинкой ключа. Выходило, что искомый предмет должен быть небольшим, но весьма ценным. Также вряд ли он выглядит как сломанный – тогда бы его просто не взяли…

За подобными размышлениями Вайд совершенно не обратил внимания на несообразности, творившиеся с ним самим. Ему не требовалось больше заглядывать в карту и вызывать белую направляющую нить, он и без того знал, куда и где надо свернуть. Он не оглядывался, как все, по сторонам, ожидая нападения – был твердо уверен, что никто даже и подумать не смеет, чтобы встать у них на дороге. Неведомый Хозяин Лабиринта отпускал их признавая победу пришельцев, или просто потеряв интерес, благо у него оставались другие игрушки.

Места, через который проходил маленький отряд, не отличались примечательностью и разнообразием. Похоже, все некогда обитаемые помещения располагались внизу, а здесь природа и прежние владельцы подземелья создали нечто наподобие пояса защитных укреплений. Соединив множество маленьких пещерок, они добились того, чтобы любой, попавший в них, заблудился через три шага, а на четвертом либо свалился в узкую расщелину, либо забрел в очередной тупик. В отличие от нижних ярусов, здесь обитала тьма-тьмущая летучих мышей и постоянно доносился пронзительный тоненький писк – крыс тут тоже расплодилось невероятное количество. Жирные длиннохвостые твари шныряли прямо под ногами, ничуть не боясь людей и гаснущего тусклого огня, или усаживались на задние лапы и провожали проходивших мимо гостей сверху взглядами крохотных черных глазок.

Всем почему-то показалось, что они углубились в Лабиринт не так уж и далеко, а возвращаться пришлось исключительно долго – прошли не меньше полулиги. Впрочем, под землей расстояния кажутся в два раза больше против истинных. Очередной извилистый туннель вывел Конана со товарищи на узкую тропку, тянувшуюся по карнизу над рекой. Быстрая глубокая речка за долгие годы прогрызла себе ложе в толще скалы, и получился овраг шириной шагов в десять, с отвесными неровными стенами. Тропинка в полшага, загроможденная кое-где скатившимися сверху валунами, жалась вплотную к стенам, сужаясь порой до ширины ладони. По ней прошли совсем немного, когда вырвавшаяся вперед Тень вернулась с известием:

«Впереди мост… и человек!»

За время, проведенное в пещерах, все настолько привыкли к неожиданно сваливающимся на головы различным чудовищам, что появление обыкновенного человека было воспринято с некоторым удивлением и настороженностью. Почти прогоревший факел на всякий случай выбросили в реку, и дальше шли, прячась за камнями и стараясь не привлекать внимания. Искатели сокровищ обычно не любят собратьев по ремеслу…

Мост, переброшенный через овраг, оказался вполне привычным – прочно обвязанные канатом толстые бамбуковые стволы. А на другом берегу, рядом с воткнутым между камнями факелом, действительно сидел человек с самострелом на коленях и пристально озирал окрестности, иногда вставая и прогуливаясь вдоль берега. Похоже, одинокому часовому было несколько не по себе, иначе с чего бы он постоянно озирался, пытаясь смотреть одновременно и вперед, и себе за спину?

За караульным возвышались ворота. Две огромные, рассохшиеся от времени створки, запертые на такой же большой проржавевший засов. Сквозь множество щелей в досках пробивались косые солнечные лучи – там, наверху, был день.

– Он что, ждет нашего благополучного возвращения? – пробормотал Конан. – Фелле, можешь его снять, только без шума?

– Делов-то, – презрительно ответила девушка, пристраивая арбалет между валунами. Прищурилась, тщательно прицелилась – лицо ее в этот миг приняло хищное выражение – и плавным движением спустила тетиву. Болт сорвался с ложа, с тихим жужжанием пронесся над рекой, человек на том берегу крутанулся, нелепо взмахнул руками и, оступившись, сорвался с крутого берега. Вода в месте его падения мгновенно забурлила, заметались какие-то длинные и сильные чешуйчатые тела, в клочья раздирая нежданно свалившуюся с неба добычу. Одна из водяных тварей высунула над поверхностью реки узкую плоскую морду, отчетливо щелкнув зубастыми челюстями, и скрылась в клочьях поднятой пены. Вниз по течению поплыло медленно расширяющееся алое пятно.

– У тебя стрел еще много осталось? – на бегу осведомился киммериец, пока они торопливо перебирались через лихо раскачивающийся мост.

– Как зубов у той зверюшки, что внизу бултыхается, – сердито ответила Фелле. – Десятка два, а потом придется отплевываться…

Солнечный свет, пусть даже и падающий тончайшими лучиками, после непроглядной тьмы Лабиринта показался просто ослепляющим. С цельного железного бруса, выполнявшего роль засова, слоями сыпалась ржавчина, но общими усилиями его

вытащили из скоб и отшвырнули в сторону. Конан и Метос навалились на одну из створок, та душераздирающе заскрипела, чуть отошла, застряла, снова сдвинулась с места и медленно приоткрылась. В образовавшуюся щель хлынул ощутимо горячий поток света, пахнуло влажной прелой листвой и духотой джунглей.

– Тао! – свет был настолько ярким, что Крысенок не на шутку испугался – а вдруг Тень исчезнет? – Тао, ты где?

– Здесь, – ответил необычно притихший голосок. Заметно поблекшая Тень как завороженная передвигалась по выщербленным каменным плитам навстречу золотистым полосам. Вот она вошла в одну из них, блеск ее зеленоватых огоньков погас, зато Тень стремительно начала чернеть внутри. Теперь она стала похожа на настоящую тень, отбрасываемую невидимым животным.

А затем Тень оторвалась от пола. Точно кто-то вырезал из непроглядно-черного твердого бархата контур сказочного зверя и поставил его стоймя. Плоская фигурка покачалась влево-вправо, дернула головой и глубоко вздохнула. Ее тут же раздуло, как вытащенную со дна моря глубоководную рыбу, с той разницей, что она не лопнула, а стала живым существом.

Странноватого вида зверем, похожим на причудливую помесь газели и пантеры, со своей собственной тенью, лежащей у когтистых лап.

– Ой, какая хорошенькая! – вырвалось у Фелле. – Разве ж это демон?

Новоявленное животное с атласно переливающейся черной шкуркой, короткой гривой и пушистым хвостом неуверенно сделало шаг, другой, втянуло воздух трепещущими розовыми ноздрями. Большие газельи ушки нервно дергались, глаза цвета светлого янтаря косились по сторонам, пытаясь увидеть сразу все, что было вокруг. Размером зверь был с крупную собаку, двигался по-кошачьи мягко и беззвучно, осторожно ставя широкие лапы. На маленькой аккуратной головке поблескивал единственный слегка изогнутый вперед белый рог, отливавший перламутром и выглядевший довольно грозно.

– Ничего себе зверюшка, – озадаченно сказал Конан. – Кстати, Крысенок, с чего ты взял, будто это «она»? Это «он», сам посмотри!

Демон или не демон, но бывшая Тень явно принадлежала к мужскому, а отнюдь не женскому полу.

– Так она про себя говорила, как про женщину… – растерянно ответил Крысенок. – Я и подумал…

– Он думал! – с нескрываемым сарказмом перебил

киммериец. – Интересно, чем?

– Думают головой, – вмешался незнакомый людям, но отлично известный Вайду пронзительный голосок, напоминавший детский или высокий женский. – Я тоже не знала, кто я… Не знал.

– Оно еще и разговаривает! – хмыкнул Метос. – Теперь Вайду будет с кем поболтать…

– Ага! – радостно подтвердил Тао. – Я очень люблю говорить, только меня раньше не слышали…

Крысенок поймал устремленный на них с Тао взгляд яростный капитана, и понял, что если он сам или бывшая Тень скажут сейчас еще хоть слово, то их жизням будет угрожать серьезная опасность.

– Тао, помолчи пока, ладно? – быстрым шепотом взмолился Крысенок. – Мы потом поговорим, обещаю!

Тень послушно примолк, но на его подвижной мордочке появилось выражение глубочайшего разочарования.

Четыре человека, выглядевших так, будто они только что вырвались из особо тяжкого заключения в подземной стигийской тюрьме, а по дороге проползли не меньше лиги по самым грязным лужам, и с ними маленький черный демон стояли на обширной площадке, очищенной от всякой растительности и вымощенной искрошившимся булыжником. За их спинами устремлялись к бледно-синему полуденному небу изрезанные временем и погодой желто-серые скалы, сложенные из пористого песчаника. В скальную стену были вделаны совершенно неуместные в здешних диких и заброшенных краях ворота, высотой в три-четыре человеческих роста, украшенные множеством литых бронзовых плиток с изображениями причудливых животных и растений. Большая часть плиток давно отвалилась или была отбита, фигурки на них покрылись густым зеленым налетом, так что порой было совершенно невозможно понять, что они первоначально изображали. Из-за полуоткрытой дверной створки тянуло холодом и сыростью.

– Здесь подождем? – спросил Молчун. – Караульного наверняка оставил Боргеса, значит, сам скоро объявится.

– Больше никогда в жизни не полезу ни в какие пещеры! – горячо сказала Фелле. – Мерзко, противно, холодно и гады вся…

Она не договорила – из раскачивающихся под ветром зарослей вылетела длинная, крашеная в зеленый цвет стрела и с глухим цокающим звуком глубоко вонзилась в ворота. Неизвестный стрелок промахнулся всего на каких-то полпальца, и Фелле не лишилась глаза по чистой случайности – она повернула голову, обращаясь к Метосу. За первой стрелой звонко свистнула вторая, направленная в киммерийца.

– Назад! – рявкнул Конан. – Прячемся!

Искатели сокровищ еле успели протиснутся обратно в щель между створками, как стрелы застучали по воротам, точно крупные частые градины по черепичной крыше. С визгом и скрежетом стал на свое место засов, и почти сразу же в двери ударили чем-то тяжелым. Древние створки содрогнулись, но выдержали. Снаружи разноголосо и негодующе завизжали.

– Что случилось? – шепотом поинтересовался у Крысенка ровным счетом ничего не понимающий и испуганный Тао.

– Дикари, – отозвался вместо Вайда Молчун. Северянин заглянул в трещину между досками и замысловато выругался.

– Много их там? – спокойно спросила Фелле.

– Порядочно. Вполне хватит, чтобы перебить всех нас.

– Смотрите, люди, – Крысенок бросил случайный взгляд на другую сторону ущелья – там перемещалась цепочка факелов, не меньше полутора десятков трепещущих огоньков. Доносились тревожные голоса, кто-то громко и настойчиво требовал, чтобы остальные пошевеливались.

– Боргеса, – уверенно заявил Конан. Он оглядел маленькую площадку перед воротами, точно прикидывал, хватит ли места для того, чтобы развернуть небольшое сражение, и тут варвару пришла в голову шальная мысль.

– Молчун, Крысенок! Быстро сюда!

Идею, осенившую их капитана, понять было несложно. Висячий мост, переброшенный через реку, крепился с обеих сторон на паре толстых канатов, обмотанных вокруг установленных в незапамятные времена и почерневших от времени столбов. Достаточно было перерубить опоры, и мост неминуемо рухнет, а без него реку не перейти, разве что попробовать обшарить все берега в поисках брода.

– Рубить? – осведомился Метос, вытаскивая меч и примериваясь, как поудобнее расправится со сплетенным из нескольких прядей канатом.

– Еще чего! Разматывать!

Крысенок почесал в затылке, безуспешно попытавшись догадаться, зачем надо отматывать канаты от столбов, вместо того, чтобы без особых затей перерубить их и не дать команде «Блудливой красотки» подойти к воротам. Однако приказы капитана исполняются, а не обсуждаются, поэтому Вайд вцепился в толстый, пропитанный какой-то смолой канат, отдирая его от шершавой поверхности столба.

Когда Боргеса и его люди подошли к переправе, все было готово – дальний конец моста свисал почти до самой воды, а противоположный берег пустовал. Сквозь плеск бегущей воды

отчетливо доносились голоса вопивших за воротами дарфарцев.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Дарфар

– Кто из них Боргеса? – Фелле, зло прищурившись, переводила заряженный арбалет с одной мечущейся на противоположном берегу фигуры на другую. Добравшийся до реки отряд графа пребывал в явной растерянности. Они уже накричались до хрипоты, напрасно окликая сгинувшего караульного, потом сделали попытку перейти реку вброд, тут же близко познакомившись с подводными обитателями, и сейчас, столпившись на самом краю обрыва, старались разглядеть, что же случилось с мостом. – Какой он?

Граненый вытянутый наконечник болта менял цели, плавно перемещаясь то влево, то вправо. Фелле не забыла о том, что привело ее в пещеры, и не собиралась прощать убийство своего единственного оставшегося родственника. Ей нужна была жизнь зингарского аристократа, а все остальное сейчас не имело никакого значения.

– Погоди, – Конан, внимательно смотревший на другой берег, положил ладонь на темное ложе самострела, мешая девушке целится. – Что ты собираешься делать?

– Как что? – яростным шепотом взвизгнула Фелле. – Ты обещал, киммериец! Я провела вас к пещерам только потому…

– Я знаю, почему, – не дал ей договорить северянин. – Послушай, Боргеса сам вынес себе приговор, еще в Кордаве, когда встал на моем пути. Он никуда от тебя не денется, но сначала пусть ответит мне на пару-тройку вопросов. Потом можешь делать с ним все, что угодно. Хоть на медленном огне поджаривай.

– Нет! – девушка зашипела разъяренной коброй. – Я должна его убить! Сейчас, а не потом!

– Да погоди ты! Я же не защищаю его, мне всего-то нужно кое-что узнать!

– Нет! – Фелле безуспешно попыталась выдернуть свое оружие, а прятавшийся неподалеку Крысенок сердито спросил:

– Вы можете орать потише? Они нас услышат.

– Фелле, угомонись, а то отберу игрушку, – пригрозил Конан. – Послушай, что я скажу. Боргеса все равно покойник. Но у него половина проклятой штуковины из-за которой погибли мои люди, и он пытался меня подставить. Я хочу, чтобы Боргеса знал,

за что будет убит, хотя это не слишком важно… Прежде чем отправится к Нергалу, он выложит мне, во что ухитрился нас втянуть и кто стоит за его спиной. Погоди! – киммериец резко выдернул у зарычавшей Фелле ее арбалет. – Вот так будет спокойнее. Не злись, отдам. Посмотри лучше вон туда, и скажи, что видишь.

– Ворота, – с еле сдерживаемой яростью отозвалась Фелле.

– Там дарфарцы. Мы вчетвером при всем желании не сможем их перебить. Отсиживаться здесь – через пару дней сдохнем с голода, а дикари не двинутся с места. И, кстати, сдается мне, что кое-кто вовсе не собирается возвращаться в форт, а нацелился прогуляться к побережью…

– Не твое дело, куда я пойду, – угрюмо огрызнулась девушка, предательски вспыхнув. – Ну хорошо, я поняла. Хочешь предложить им сделку? Поднять мост, если они отдадут часть от вашей штуковины и помогут пробиться к реке? Ты не забыл, у них еще должен оставаться наш баркас… А что потом? И если они не согласятся?

– Еще как согласятся! – ухмыльнулся Конан. – Видишь, вон там, вниз по течению? Кто, по-твоему, так торопится сюда?

– Хрюшки идут! – вполголоса сообщил Молчун. – Десятка два, если не больше. И с ними еще какая-то тварь…

– Это Зубатка, – определил Тао, подняв голову и всмотревшись в полумрак над рекой. – Очень глупая и кусачая.

Бывшая Тень осторожно толкнула Крысенка в бок рогом и еле слышно сказала:

– У людей на том берегу половина Ключа. Вы хотите ее отнять?

– Хотим, – подтвердил Вайд. – Послушай, как ты думаешь, получится у меня еще разок пугнуть этих ваших Стражей, если понадобится?

– Конечно, – не раздумывая, ответил Тао. – Можно даже велеть им напасть на других людей.

Крысенок прикинул, не предложить ли такую идею капитану и с сожалением отказался – не поверят. Даже если представить дело так, что Стражами якобы будет командовать Тао. Да и кто знает, вдруг в неминуемой суматохе уронят Ключ в реку, а оттуда его уже никому не достать…

На другом берегу тоже заметили приближающихся обитателей подземелья. Кто-то, потеряв голову от страха, прыгнул в реку, надеясь переплыть. Добрался он только до середины, рядом с ним вскипел беззвучный водоворот, и человек мгновенно, без всплеска, исчез.

– Вот теперь самое время побеседовать, – сказал киммериец, с

нескрываемым удовольствием наблюдая за возникшей на другом берегу паникой. – Фелле, держи их под прицелом, но не увлекайся… Эй вы, отродья!

Он поднялся в полный рост, широко расставив ноги и ткнув кулаки в бока. На противоположной стороне реки растерянно замолчали, и, расталкивая всех, на обрывистый берег вышел высокий человек. Издалека можно было разглядеть лишь то, что неизвестный черноволос, порывист в движениях, но держится уверенно, точно не замечая приближающихся чудищ.

– Варвар, это ты там? – донесся металлически-звонкий голос. – Конечно, ты… Ну, и чего тебе надо?

Кабаны с сопровождавшей их Зубаткой – уродливым существом с огромной головой, смахивавшей на акулью – неторопливо пробирались по узкой тропинке, прекрасно понимая, что угодившим в ловушку людям от них никуда не деться. Экипаж «Красотки» жался все ближе к провисшему мосту, но, видно, уже ни на что не надеялся.

– Конан! – снова выкрикнул человек. – Хорошо, признаю, что проиграл! Да не молчи же, Сет тебя побери, скажи, какие условия? Половину? Все? Или ты подождешь, пока нас здесь сожрут?

– Могу и подождать, – невозмутимо отозвался киммериец. Дикари за воротами притихли, и это было хорошо – чем позже Боргеса и его люди узнают о ожидающем их, тем лучше. Пусть считают, будто северянин задержался лишь для того, чтобы полюбоваться на противника, признающего свое полное поражение. – А что, ты согласен отдать все? Я бы не отказался…

На другом берегу длинно и замысловато прокляли всех северных варваров, сколько их ни есть на свете.

– А еще благородный… – фыркнул Крысенок. – Чешет, как последний попрошайка с Вшивого Двора…

(Вшивым Двором в Кордаве именовали местечко у Старой гавани, где собирались, так сказать, отбросы нищенского братства, презираемые даже собратьями по ремеслу.)

– Может, и в самом деле забрать у них все? – задумчиво спросил у своего маленького отряда Конан. – Что по этому поводу думают мудрейшие философы?

– Жадность – величайший порок человечества, – величаво, но не без иронии отозвался Молчун. – А лично мое мнение – золота никогда не бывает много.

– Эй, твоя занюханная светлость! – рявкнул киммериец. – Так и быть, переправа вам сегодня обойдется по дешевке! Мне нужна одна штучка, что ты увел из здешней сокровищницы.

– Какая? – крикнул Боргеса немного нервно, потому что

Зубатка и ее спутники, явно намеревавшиеся плотно закусить, находились уже от силы в пяти десятках шагов.

– Демон… То есть Тень, ты можешь узнать, у кого из них нужная половина? – Конан обернулся к внимательно наблюдавшему за непонятыми людскими делами Тао.

– Могу, – кивнул однорогий зверь. – У того, что разговаривает с тобой. Она лежит в… Как называется вещь, похожая на те, что вы носите на поясе, но пришитая?

– Боргеса! Та самая, что припрятана у тебя в кармане!

Над рекой повисло молчание, нарушаемое шелестом волн и скребущими звуками, издаваемыми когтями Стражей.

– Хорошо, чтоб тебя… – донесся наконец ответ. – Мост-то подними!

– Какая поразительная сговорчивость, – заметил Метос. – Ну что, спасаем несчастные души, обреченные на безжалостное съедение?

Канаты медленно натянулись, мост, раскачиваясь и скрипя, занял подобающее ему положение. Увидев творимое людьми безобразие, чудовища из Лабиринта возмущенно захрюкали и попытались двигаться быстрее, что было нелегкой задачей для таких туш на узенькой тропинке. Добыча все равно ускользнула. К тому моменту, когда первый из лохматых кабанчиков выбрался на площадку, мост снова провис над самой водой, став совершенно непригодным для переправы. Постояв на срезе берега и порычав для порядка и самоутверждения, звери стали один за другим снова спускаться на тропу. Зубатка задержалась дольше всех, пялясь злыми круглыми глазами на недосягаемых людей.

…Человек, впервые увидевший младшего представителя некогда известного семейства графов Боргеса из Кордавы, наверняка не поверил бы, что сия особа умудрилась вызвать стойкую неприязнь не только у царствующего дома Зингары, но и в кругах, мало схожих с аристократическими. А Крысенок был просто донельзя удивлен – их маячивший где-то в отдалении противник оказался совершенно не таким, как он представлял.

Во-первых, Боргеса-младший абсолютно не выглядел законченным негодяем (а как, собственно, они должны выглядеть?), во-вторых, он был всего-то лет на шесть или семь старше Вайда, ну, и в третьих, проигрывал господин граф достойно. Похоже, что такого не ожидал даже Конан. Боргеса, перейдя на безопасный берег, от души выругался, а затем без разговоров отдал крупный камень светло-голубого цвета, признанный Тао за недостающую часть Ключа. Узнав, кто такая Фелле, многословно, и, кажется, искренне извинялся, утверждая, что не хотел смерти ее дядюшки, и заверял, что готов лично

преподнести собственную отрубленную голову столь очаровательной женщине. Фелле отмалчивалась, но молчание ее было каким-то растерянным… Боргеса также вежливо полюбопытствовал, что представляет из себя Тао и откуда он взялся. Известие о толпившихся за воротами дикарях воспринял спокойно, в отличие от своих людей, тут же начавших ворчать, что их обвели вокруг пальца. Коротко приказал всем заткнуться, заявил киммерийцу, что был о нем несколько лучшего мнения, после чего деловито спросил, как варвар собирается справляться с дарфарцами.

Похоже, Боргеса отлично понимал, что сейчас оба отряда зависят друг от друга – и тем, и другим нужно выбраться из пещер и достичь побережья. Вот там спор будет продолжен. Пока надо уцелеть.

Крики с наружной стороны ворот стихли, площадка перед входом в Лабиринт опустела, но, приглядевшись, можно было заметить в ближайших зарослях фигуры, быстро перебегающие с места на место. Осаждаемые и осаждающие выжидали, что сделает противник.

– Можно тебя на пару слов? – кто-то слегка хлопнул Конана по плечу, и, обернувшись, варвар увидел Боргесу. Граф выглядел несколько встревоженным, но совершенно не огорченным тем печальным обстоятельством, что его обставили подчистую. Киммериец в подобном положении, наверно, вел бы себя также – не повезло здесь, повезет в другом месте.

– Ну?

– Когда мы вырвемся отсюда, я собираюсь возвращаться по реке, мы оставили там под охраной баркас. Ты и твои люди пойдете с нами или предпочитаете прогуляться через джунгли? – словно уточняя нечто давно обговоренное, осведомился Боргеса. – Речка мелководная, но подняться вверх по течению до форта можно. Потом вернем баркас и двинемся к морю…

Он посмотрел в сторону стоявшей у ворот Фелле и извиняющимся тоном добавил:

– Нехорошо как-то вышло с этим фортом… Она действительно собирается меня убить?

– Просто жаждет, – с наигранным простодушием подтвердил Конан. – А шляться по лесу мне надоело до смерти, так что мы отправимся с вами.

Боргеса кивнул, пристально уставился на носки своих потрепанных сапог, затем резко вскинул голову:

– Я сожалею, что по моей вине погибли твои люди, – отчеканил он и уже спокойнее добавил: – Знаешь, как это бывает – приказывает один, передает приказ другой, исполняет третий, а

убивают четвертого, который совершенно не при чем. В самом деле, я не хотел становиться твоим врагом, – он коротко улыбнулся. – Говорят, это очень опасно, а мне хочется еще пожить на свете. Могу даже вернуть то, что было в шкатулке. Мне нужна была только карта.

Что-то было не так. Уж слишком охотно, без всякого нажима и каверзных вопросов, граф выдавал свои секреты и признавался в сделанных ошибках. Ну-ка, если упомянуть Вальдрио, что он скажет?

– А зачем прикончили Вальдрио? Это он рассказал тебе о карте?

В темных глазах Боргесы появилось искреннее недоумение, он нахмурился, точно пытаясь сообразить, о ком его спрашивают и, наконец, решительно заявил:

– Я не знаю такого человека. Если ребята из моей команды и убили его, то мне об этом ничего не известно. Про план подземелий я узнал от… Ну, скажем так, людей, некогда входивших в мой экипаж, а затем перешедших к тебе. Они были недовольны своим положением и иногда ставили меня в известность о твоих намерениях. Мы незаметно шли за «Вестрелом», в подходящий момент они украли карту и сбежали. Честно говоря, я рассчитывал, что капитан Конан повернет обратно, и совершенно не ожидал, что ты объявишься здесь, да еще и опередишь нас… Как вы умудрились пройти через пещеры? Мы и с картой-то едва не заблудились.

– Вот он провел, – Конан хмыкнул и ткнул во внимательно слушавшего Тао. Маленький демон, смекнув, что к чему, с готовностью закивал головой. Не объяснять же про запомненную карту и Крысенковы странности…

– Этого я, конечно, не предусмотрел, – с огорчением признал Боргеса. – Ну да ничего… В конце концов, до сокровищницы мы добрались. Тамошняя зверюга на вас нападала? У нас троих утащила, потом успокоилась и уползла обратно. Давненько я так не бегал! Ох, как мы оттуда сматывались…

Граф отошел к своим людям, а киммериец подумал, что рассказанная история очень правдоподобна. Настолько, что может действительно оказаться правдой: Боргеса не имел никакого отношения к Вальдрио, а действовал на свой страх и риск. Почему, собственно, они с Зелтраном решили, что эти двое людей связаны между собой? Только потому, что перед смертью Вальдрио навестил дом на Парусной улице, а затем был убит в той же хибаре, что и корсары с «Вестрела»? Но Боргеса сам признался, что виновен в их гибели из-за своей излишней предосторожности. Случайное совпадение? Но убийства

происходили в одном и том же доме… Что вообще делали там люди с «Красотки», да еще и в форме королевской гвардии? Правда, никому не пришло в голову точно разузнать, в какой именно дом заходил тихий знаток тайн, ведь на Парусной наверняка не один особняк… Выходит, что Боргеса – обыкновеннейший ловец удачи, тайком узнавший о чужом секрете и решивший этим воспользоваться, дабы чуток поправить свои пошатнувшиеся дела. Такое случается сплошь и рядом, Конан сам не раз проделывал подобное.

Тут киммериец напомнил себе о предостережении Чабелы. Принцесса неплохо разбиралась в собственных подданных, особенно в тех, что денно и нощно крутились во дворце. Если королевская дочка утверждает, что верить Боргесе ни в коем случае нельзя, значит, так оно и есть. Вряд ли граф рискнет сейчас предпринимать что-то против отряда с «Вестрела», но лучше никому не поворачиваться к нему спиной. Слишком уж спокойно он смирился с поражением. Впрочем, какое тут поражение? Так, болезненный щелчок по излишней самоуверенности – ведь у Боргесы на руках остались камни из желтой шкатулки да вдобавок то немалое, что сумел прихватить в здешней сокровищнице.

Правда, если выяснится, что крохотная неведомая безделушка, этот самый Ключ, стоит в сотни раз дороже всего вынесенного из пещер… Вот тогда можно говорить о настоящем проигрыше.

– Что ему было нужно? – спросил незаметно подошедший Молчун. – Между прочим, я тут кое с кем перекинулся словом, так похоже, что нам невероятно повезло. У них здешние хрюшки половину отряда разделали в мелкую крошку…

– Клялся, что никогда в жизни не видел Вальдрио, а о наших делах пронюхал сам, – проворчал Конан. – И будто прикончил наших парней по чистой случайности. Еще предложил место на баркасе и идти к побережью вместе.

– А ты согласился? – недоверчиво уточнил Метос.

– Да.

– Я бы предположил, что он попытался обставить тебя, – медленно, точно рассуждая вслух, проговорил Молчун. – Молодой самолюбивый аристократ без гроша в кармане против битого-перебитого наемника… Ты ему веришь? – неожиданно закончил он.

– Нет, – отрезал киммериец. – Поэтому и согласился пробираться к берегу вместе. Так он будет у нас на глазах и не подстроит никакой гадости. Дойдем до моря, а там разберемся, кто из нас чего стоит.

Дальнейшие действия объединенных отрядов строились на старом как мир утверждении: в сражении побеждает не тот, у кого больше воинов, а тот, кто нахальнее себя ведет. Дарфарцы видели четырех человек, стоявших у ворот и скрывшихся при первых выстрелах. Вряд ли им известно, что теперь за створками прячется около двух десятков человек, твердо решивших выбраться из пещер. План был незамысловат: распахнуть ворота и, вопя во всю глотку и круша любого, рискнувшего встать на пути, пробиваться по еле заметной старой дороге к реке. Требовалось преодолеть около трех-четырех сотен шагов, а вот сколько дикарей засело в зарослях – оставалось неизвестным.

Старые ворота, не открывавшиеся нараспашку не одну сотню лет, отворились с ужасающим скрипом, слышным на всю округу. Выскочившие из Лабиринта люди удачно проскочили простреливаемую насквозь площадку и вломились в густую поросль колючих кустов, окружавших вход в подземелья.

А дальше началась свалка. С пронзительными криками, хрустом ломаемых веток, а может, и костей, визгом скрещивающегося оружия – стального и бронзового… Свалка, в которой быстро перестаешь понимать, кто возле тебя, и успеваешь только вертеться на месте, не подпуская к себе лезущие напролом черные фигуры с безумными глазами одержимых убийц. Рядом кто-то истошно вопит и катается по земле, через него перелетает звериный силуэт цвета глухой полночи и со всего размаху прыгает на твоего противника. Оба валятся, слышен хлюпающий звук, животное вскакивает на ноги, а человек остается лежать с разорванным горлом. Зверь торжествующе верещит, приседая на задние лапы, и уносится дальше. Звон металла и крики усиливаются, становясь просто нестерпимыми, и неожиданно обрываются, рассыпаясь на отдельные невнятные возгласы еще сражающихся и стоны раненых. Чей-то резкий крик: «Прекратить! Все! Да остановитесь же, болваны!» звучит над безжалостно истоптанными зарослями, и постепенно становится тихо. Значит, действительно все.

Конан тщательно вытер меч об тряпки, заменявшие его последнему противнику одежду, и огляделся. Маленький отряд с «Вестрела» уцелел; во всяком случае, все трое (если считать с Тенью – четверо) были живы и передвигались на собственных ногах, а не ползком. Тень что-то горячо доказывал Крысенку, привалившемуся к стволу дерева, Вайд кивал, но, судя по выражению лица, понимал одно слово из трех. Похоже, Тао делился впечатлениями от первого в жизни боя. Маленький демон, пусть и лишенный особых магических дарований, оказался существом далеко не безобидным и беспомощным: когти, зубы да

еще рог, острый, словно только что заточенный кинжал…

Фелле бродила по площадке, собирая уцелевшие болты, Молчун вместе с несколькими людьми Боргесы обшаривал заросли, разыскивая раненых. Иногда в кустах раздавался истошный вскрик – корсары добивали не успевших или не сумевших спрятаться дикарей.

Киммериец пересек залитую кровью полянку, попутно отвесив пинка еще шевелившейся черной фигуре, и присел рядом с Крысенком. Мальчишка вымученно улыбнулся и пробормотал:

– Говорила мне мама – не ходи, сынок, в пираты, они тебя плохому научат…

– Чему плохому? – тут же влез любознательный Тао. Не дождавшись ответа, обиженно фыркнул и прилег возле людей, посматривая по сторонам. Откуда-то появились блестящие зеленые мухи и пронзительно зажужжали, кружась над трупами. Конан прикинул, во что обошелся лихой прорыв из Лабиринта – пятеро убитых и столько же тяжело раненых. Могло быть и хуже… Кстати, где Боргеса?

Граф стоял рядом с мрачной Фелле, крутившей в руках сломанный арбалетный болт. Они о чем-то негромко разговаривали, но в долетавших голосах не было злости или раздражения. Наконец Фелле отрицательно покачала головой, повернулась и шагнула в сторону. Мгновение Боргеса пристально смотрел ей вслед, затем, резким движением схватив уходящую девушку за короткую разлохмаченную косу, рванул к себе. Фелле протестующе вскрикнула, попыталась вырваться… и неподвижно замерла на месте, почувствовав у горла холодное и острое лезвие.

– Та-ак… – зло процедил северянин. Его клинок, не убранный в ножны, лежал на траве рядом с ним, но Конан не успел схватить его, остановленный звенящим голосом Боргесы:

– Ты ведь не хочешь, чтобы с ней что-нибудь случилось, а, варвар?

Краем глаза киммериец уловил движение на краю поляны – побелевший от злости Метос шел, как бык, прямо на Боргесу и его пленницу. Молчуна остановил Тао, вскочивший на ноги и загородивший дорогу. Тень, похоже, не слишком понимал, что происходит, однако сообразил, что любая попытка освободить Фелле может обернуться чем-то еще худшим. Крысенок зашипел, как разъяренный кот, и потянулся за своими ножами.

– Не дергайтесь, – Боргеса чуть пошевелил тонким стилетом. – Я не люблю проигрывать, варвар… также, как и ты. Неужели ты решил, что так все и закончится? Я считал тебя умнее… На твоем месте я бы просто не пропустил нас через мост. Что ж, услуга за услугу – верни взятое, и будем считать, что мы в

расчете.

– А не пошел бы ты… – спокойно отозвался Конан. Его и графа разделяло шагов пять – один хороший прыжок. Экипаж «Красотки» стоит довольно далеко, они не успеют ничего сделать. Потом к пещерам, закрыть двери и пусть ломятся хоть до скончания веков… Да, но перерезать человеку горло можно за одно мгновение. Допустим, он убьет Боргесу, однако Фелле-то этим не воскресишь! Сет, Нергал и все демоны, предупреждали же! Сам виноват – нечего было уши развешивать!..

– Я жду, – напомнил Боргеса. – Неужели жизнь прекрасной девушки не стоит какой-то паршивой побрякушки?

Фелле, несмотря на запрокинутую назад голову, сумела внятно выругаться и попыталась пнуть удерживающего ее зингарца.

– Подавись, – голубая сияющая искорка пролетела над поредевшей травой и упала неподалеку от Боргесы.

– Просто замечательно, – глумливо хмыкнул тот, но девушку не выпустил. – Нет, нет, дорогие мои, вам не удастся устроить еще одно небольшое побоище. Ну-ка все встали и пошли! Обратно, капитан, обратно, вы меня совершенно правильно поняли…

Тяжелые деревянные створки, окованные бронзовыми пластинами, с грохотом захлопнулись за четырьмя людьми и маленьким демоном. С другой стороны шумно завозились, подпирая двери стволами только что срубленных деревьев. Кто-то крикнул пронзительно-звенящим голосом:

– В конце концов, я сохранил вам жизнь, хотя меня очень просили покончить с вами раз и навсегда! Надеюсь, мы никогда больше не встретимся, варвар!

Четыре человека молча стояли в прохладной полутьме, избегая смотреть друг на друга. С другой стороны ворот издевательски засмеялись, потом донеслись перекликающиеся голоса и постепенно удаляющийся топот многих ног.

– Хотите, я вас обрадую? – нарушил затянувшееся молчание неуверенный мальчишеский голос. – Вот.

Крысенок, покопавшись за пазухой, бережно вытащил какой-то крошечный предмет и разжал ладонь. В пробивающихся сквозь щели в досках солнечных лучах ярко блеснул крупный алмаз чистой воды, окрашенный в светло-голубой цвет.

– Украл, – еле слышно сказала Фелле.

– Самым простым и вульгарным способом – вздохнул Крысенок. – Подменил.

Четверо переглянулись… и расхохотались. Маленький демон непонимающе пошевелил острыми ушками, но на всякий случай

тоже тихонько захихикал.

* * *

– Вот сам видишь, что получилось. А все из-за того, что не дал его пристрелить, – ворчала Фелле. – Сидим тут, понимаешь, как…

Конан ничего не ответил, продолжая с остервенением вгонять клинок в щель между двумя расшатанными досками ворот. Очень хотелось, чтобы на месте ни в чем не повинных створок оказался Боргеса. Это ж надо! Расскажи кому – не поверят! Нет, в Кордаву теперь точно лучше не показываться – засмеют! Разве что вернуться и сказать Чабеле, что она была сто раз права, а некий Конан Киммериец как был тупым варваром, способным только пить вино да размахивать мечом, так и остался таковым. Несмотря на прошедшие годы, вколоченный в голову опыт и многочисленные передряги, из которых удавалось выкарабкаться. Гадючий выползок, ну я до тебя доберусь, куда бы ты не спрятался…

Лезвие проскрежетало по прикрепленным снаружи бронзовым пластинкам и застряло. Конан со злостью рванул клинок на себя, вырывая его из подгнивших досок. Неожиданно ему стало смешно – а что, собственно, Боргеса собирается делать с половиной Ключа, да еще и поддельной? Вальдрио служил кому-то и его хозяин наверняка сумел бы определить, подлинную вещь ему доставили или нет. Боргеса действовал сам по себе (только стоит ли в это верить?), значит, он может никогда и не узнать, что раздобытая им безделушка – не настоящая. Большой вопрос – кто кого обставил.

Крысенок сидел, съежившись и обхватив ноги руками. Ему было холодно и очень страшно. Не потому, что пришлось вернуться в Лабиринт – как раз сюда-то он вошел с удовольствием, пусть и не по своей воле. В подземельях он чувствовал себя защищенным от всех невзгод мира. Страшно было по другой причине. Когда Боргеса схватил Фелле, Вайд точно наяву увидел кого-то, стоящего за графом. Человека – а может, не человека? – с холодным бесстрастным взглядом большой и опасной змеи. Человека, для которого жизни всех остальных людей были фигурками на черно-белых клетках той мудреной игры, что недавно завезли в Кордаву из Турана. Именно ему Боргеса обещал расправиться с капитаном «Вестрела» и его

людьми, но не рискнул этого сделать: неизвестный был далеко, а вот Конан совсем рядом. Еще неизвестно, чем бы все обернулось, посмей граф хоть оцарапать Фелле… И таинственному незнакомцу сейчас везут голубой камень, который Боргеса искренне считает Ключом. Крысенок сам не знал, как у него хватило нахальства и ловкости быстро и незаметно заменить подлинный самоцвет на очень похожий, прихваченный из сокровищницы. Повезло, что все в этот миг смотрели на Боргесу и Конана, а сам капитан совершенно не заметил, как у него из кармана вытаскивают камень.

Значит, на какое-то время все в безопасности – пока Боргеса доберется до своего нанимателя (или господина?), пока тот поймет, что ему привезли половину требуемого, да еще и фальшивую… Но что будет потом? Крысенок ни на мгновение не верил в то, что неизвестный на этом успокоится. Он наверняка начнет искать настоящий Ключ и рано или поздно (а скорее рано, чем поздно) узнает о «Вестреле». Тогда дело примет совсем скверный оборот – этот некто, стоящий за спиной Боргесы, не остановится, пока не получит желаемого. Ему очень нужен Ключ. Непонятно зачем и для каких целей, но ему необходима эта вещь. А значит, надо сделать все возможное и невозможное, чтобы она к нему не попала. Вот это, кажется, и называется – попасть из огня да в полымя…

Крысенок с тоской посмотрел, что происходит у ворот. Капитан с помощью Молчуна и Фелле сумел расшатать одну из досок, и теперь они втроем азартно ее выламывали. Хруст, протяжный треск, старое дерево поддается совместным усилиям и в створке появляется рваная дыра, достаточная для того, чтобы туда протиснулся кто-то не слишком большой. Например, Тао.

Маленький демон, крутившийся рядом, с величайшей охотой вылез наружу, но через мгновение просунул мордочку обратно и доложил:

– Там три бревна. Подпирают ворота. Я сейчас попробую одно сдвинуть.

– Ломаем дальше! – скомандовал северянин. Два меча и длинный кинжал снова начали крушить изъеденную временем древесину, а с другой стороны донеслись пыхтение и возня – Тао изо всех силенок пытался отпихнуть толстый пальмовый ствол.

«Боргеса, наверное, уже на реке, – мучавший Крысенка холод постепенно исчезал. – Бежит, торопится… Кому он везет Ключ? Почему эта маленькая штучка так важна?»

– В мой дом не попасть без ключа, – ответил негромкий, чуть надтреснутый голос, и уже начавший привыкать к здешним порядкам Крысенок не вскочил и не заорал, а удивленно

огляделся по сторонам, ища невидимого собеседника.

– Тао? – на всякий случай окликнул Вайд. Тень, получившая возможность разговаривать вслух, не пользовалась мысленной речью, но вдруг ей понадобилось что-то сказать по секрету? – Тао, это ты?

– Нет, – отозвался голос.

– Тогда кто? – незнакомец говорил о «моем доме», может, это и есть… – Ты – хозяин Лабиринта? – с опаской спросил Крысенок.

– У Лабиринта нет хозяина, – медленно и внушительно проговорили в ответ.

– А люди-змеи? – рискнул напомнить Вайд. – Разве это не их владения?

– Воры, забравшиеся в пустой дом, никогда не станут в нем подлинными жильцами, а уж тем более – владельцами, – в бесплотном голосе прозвучал оттенок горечи. – Я выгнал их отсюда.

В голове у Крысенка образовалось нечто вроде клокочущего водоворота из обрывков узнанного и того, о чем он только догадывался, и он осторожно поинтересовался:

– Значит, ты… м-м… прежний хозяин, так? И не хочешь, чтобы Ключ опять попал к кому-то, кто тебе не понравится?

– Я не хочу, чтобы хранящееся здесь, досталось тому, кто этого недостоин, – кратко и несколько расплывчато ответил Голос.

«Магические вещи, о которых говорила Тень? Это он имеет в виду, что ли? Или другое? Ничего не понимаю, но как интересно…»

– Ты знаешь, что Ключ у нас? – спросил Крысенок. – Может, отдать его тебе?

– Знаю. Нет, нужен не он, а кое-что другое, – Крысенку показалось, что его невидимый собеседник улыбается. – Я создавал это место, чтобы завершить свой путь в тишине и покое. И не предполагал, что Лабиринт не захочет оставаться всего лишь подземельями. Мне нужен хозяин.

– Хозяин для Лабиринта? – переспросил окончательно сбитый с толку Крысенок. – А где ты его возьмешь?

– Я искал и нашел, – похоже, Голос обожал изъясняться загадками. – Я ведь, как и многие другие предвечные и нерожденные, раньше мог принимать человеческий облик. Это подразумевало возможность иметь детей от смертных женщин. Мне нужен был наследник, способный в будущем помочь мне… Впрочем, сейчас не время для столь серьезного разговора, малыш. Если захочешь поговорить обо всем – приходи.

– Куда – приходи? – Вайду показалось, что он начинает

медленно, но верно сходить с ума. – Придти сюда, в Лабиринт? И какой наследник? При чем тут я?..

– Вторая половина Ключа – раковина, – точно не слыша настойчивых вопросов Крысенка, продолжал Голос. – Приходи, у нас найдется о чем побеседовать. Я подожду, пока ты подумаешь и поймешь.

Вайду послышался короткий добродушный смешок, и Голос пропал.

Жуткий скрип возвестил о том, что Тао удалось таки сдвинуть с места бревно, и левая створка ворот, подталкиваемая людьми, медленно сдвинулась с места. Наверное, у дверей Лабиринта, простоявших здесь не одну сотню лет, это был самый неспокойный день – их открывали уже третий раз.

На площадке перед воротами, разумеется, не было ни одной живой души, если не считать роящихся над трупами дикарей мух. Идти к реке не имело смысла – баркас давно уже отчалил и движется вверх по течению. Так что особого выбора не оставалось – положиться на удачу и возвращаться через негостеприимные джунгли к побережью.

Когда они уходили, Крысенок оглянулся назад, хотя знал, что это – дурная примета. Он не слишком удивился увиденному. Там, где полагалось красоваться черному провалу дыры с бахромой из обломанных щепок, были ровные старые доски. Ворота стояли плотно закрытыми, точно было тут никаких людей, а только джунгли, желтые скалы причудливых очертаний да выцветшее голубое небо.

Вайд подумал: не сказать ли остальным, что от пролома не осталось и следа. Уже раскрыв рот, он вдруг криво усмехнулся, помотал головой и тихонько пробормотал себе под нос:

– Дом, понимаешь… Без ключей.

И промолчал.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Побережье Стигии

Костер, разложенный под защитой круга наклонившихся внутрь валунов высотой в рост человека, полыхал вовсю. Дни в Стигии, конечно, жаркие, а вот ночи, особенно на морском берегу – очень холодные. Яркое оранжевое пламя вытягивалось мохнатым лисьим хвостом, мотаясь под порывами налетавшего с моря бриза. Наступал вечер, время отлива, и по полосе мокрого песка, усеянного плетями водорослей, бродил причудливого вида черный зверь. Животное с явным любопытством смотрело на мечущихся туда-сюда крабов, обнюхало скользкий бугорок застрявшей на берегу медузы, и шустро отпрыгнуло в сторону, когда шипящая волна задела его лапы. Сердито фыркнув на волну, зверь – помесь газели и пантеры, да еще с единственным матово поблескивающим рогом – вперевалку побежал к костру.

Пламя, радостно пожиравшее щедро подкладываемые дрова, освещало разбросанные повсюду дорожные мешки и двух человек. Один – малорослый, угловато-тощий, с копной давно нечесаных мокрых волос каштанового цвета – быстрыми движениями разрезал на длинные полоски кусок мяса. Полоски затем нанизывались на тонкие палочки и подвешивались над костром – жариться. Подбежавший зверь попытался выхватить из рук человека очередной кусочек, получил щелчок по носу и смирно улегся рядом, смотря прозрачно-желтыми голодными глазами на готовящийся ужин.

– Ты его еще хорошим манерам научи, – посоветовал второй обитатель стоянки, высокий темноволосый варвар-северянин, лежавший, забросив руки за голову и вроде бы дремавший.

– Мой демон, что хочу – то и делаю, – лениво отозвался тощий, нанизав последний кусок. – Правда, Тао?

– Совершеннейшая, – пронзительным голоском ответило животное. Оно говорило, забавно морща подвижную мордочку и дергая нижней челюстью. – Раз я твой демон, то ты меня и корми. А я есть хочу, дай кусочек!

– Потерпишь, – отрезал Вайд. – Еще не хватало – сырое мясо лопать. Я из тебя сделаю порядочного демона, понял?

– Понял, – черный зверь протяжно вздохнул, поняв, что выпросить ничего не удастся.

То, что Тао животное плотоядное, выяснилось уже в первый

день пути через джунгли. Бывшая Тень азартно погналась за взлетевшей птицей, догнала, подцепила на рог и притащила хозяину, которым безоговорочно считала Крысенка. Тао похвалили, птичку на дневном привале ощипали и только собрались поджарить, как маленький демон, принюхавшись, решительно вцепился в добычу и не отпускал до тех пор, пока от нее не остались одни косточки. Отряд в это время стоял вокруг, на все лады проклиная прожорливую тварь и пытаясь отнять будущий обед. Пинки и уговоры не помогали. Наконец, на Тао махнули рукой – в конце концов, это его первая нормальная кормежка с времен появления на свет. А птичка в лесу не последняя.

Тао потом брел позади всех, виновато пыхтел и клялся, что больше так не будет, но уж очень вкусно пахло… Жареное мясо ему, кстати, тоже понравилось, но меньше.

– Ну вот, – Крысенок подвинул поленья в костре, и прислонился к теплому камню. – Сейчас погреется немного и будет готово… Интересно, где это наши бравые охотники изволят пропадать?

– В лесу, где же еще, – хмыкнул Конан.

– Теперь это называется – «ходить на охоту», – тоном старого брюзги протянул Вайд. – Вот в наше время…

Но выдержать роль ему до конца не удалось, он захихикал, и уже обычным голосом спросил:

– Интересно, сильно мы промахнулись?

– На лигу, не больше, – лениво ответил киммериец. – Завтра днем будем на борту, и хватит меня этой Стигии! Хотя я так и не разобрался до конца, во что мы вляпались. Честное слово, даже заплатил бы умнику, способному растолковать, кто кого здесь пытался надуть.

– Плати, – Вайд подставил сложенную ковшиком ладонь.

Конан приоткрыл один глаз и недоуменно взглянул на ухмыляющегося Крысенка:

– Тебе-то за что?

– За сказочку, – невинным голоском ответил Вайд.

– Где ж это видано, чтобы платили за еще не сделанное? Сначала расскажи, а там посмотрим, стоит ли твоя «сказочка» хоть гнутого медяка… И какая такая сказочка?

– Которую я сейчас буду рассказывать, – Крысенок поерзал, усаживаясь поудобнее, и заунывно, явно передразнивая уличных сказителей, начал:

– Давным-давно жили на свете боги и люди. Боги сражались, строили друг другу каверзы и производили на свет других богов. Люди занимались почти тем же самым, только они еще и

умирали время от времени. Боги, как известно, помереть не могут.

И вот однажды одному из богов надоело жить на свете. То ли поклонялись ему из рук вон плохо, то ли просто наскучило ему все. Решил он создать себе тихое и спокойное местечко, где никто бы его не потревожил. Решено – сделано, смастерил он себе красивую могилку подальше от всех, забрался в нее и умер. Стигии тогда еще и в помине не было, но Ахерон уже существовал, и Валузия тоже.

Умер-то он умер, но как всякий уважающий себя бог, не мог же он просто так взять да отдать концы. Тело или что там у него было – рассыпалось, а душа осталась. И могила тоже осталась, с кучей всяких магических штучек внутри нее. Однажды натолкнулись на тихую гробницу валузийцы, и так она им приглянулась, что они остались там жить. Получился Лабиринт.

Владельцу могилы, разумеется, не понравилось, что в его последнем пристанище шастают всяко-разные, смахивающие на змеюг, типы. Он их оттуда мигом выставил. Не слишком вежливо, я полагаю. Наученный горьким опытом, решил он тряхнуть стариной и запер двери на все замки. Правда, запер он их от магов любого вида и цвета, а вот про обычных людей совсем не подумал… Я понятно излагаю?

– Треплешься ты, а не излагаешь, – беззлобно проворчал киммериец. – Ну, давай дальше.

– А где моя монетка? – осведомился Вайд.

– Не заслужил пока. Дальше-то что было?

Крысенок перевел дух, подумал и честно признался:

– Вообще-то это все я лишь предполагаю… Может, все было и не так, но очень похоже… Ладно, а дальше вот что. Жил-был на свете небезызвестный Тот-Амон, любитель змей и всяких гадостей. Однажды он пронюхал про Лабиринт в дарфарских джунглях и ужасно расстроился – столько добра зря пропадает! Разузнав, что маг попасть в подземелья не сможет ни под каким видом, он быстренько отыскал десяток-другой людей, которым все равно куда ползти, лишь бы за это заплатили побольше, и отправил их в Лабиринт, на разведку. Должно быть, ему оттуда притащили что-то такое, что бедняга едва умом не тронулся от невозможности туда попасть. Подумал он, и создал не слишком умное существо, – Вайд погладил внимательно слушавшего Тао, – которое только и сумело, что обойти все пещеры, все посмотреть и все запомнить. Существо прогулялось по Лабиринту, составило карту, а затем было оставлено в подземельях за ненадобностью. Похоже, оно так долго там гуляло, что стало намного сообразительнее и из бестолкового демона получилась Тень.

План подземелья остался у Тот-Амона. Не знаю, почему он им не воспользовался – то ли других забот хватало, то ли не решился связываться с создателем Лабиринта. Зато Тот-Амон проведал о Ключе – вещичке, что может открыть замки в пещеры…

– Это не то, что мы раздобыли? – перебил Конан.

– То самое, – кивнул Вайд. – Здесь начинается третья часть моей сказочки с участием насквозь знакомых личностей. Хочешь – верь, хочешь – не верь, а сплелась такая цепь из случайностей, что нарочно не придумаешь.

Первым звеном в ней оказались карак «Вестрел» и две галеры – «Араминта» и «Блудливая красотка». Пока команда первого грабила вторую, третья околачивалась поблизости. Чистой воды совпадение – они тоже ждали рассвета, а дождались раздавшихся под боком воплей. Как только мы скрылись в тумане, Боргеса подобрался поближе к дрейфующей «Араминте», вытащил из воды тех, кто еще не успел утонуть и выслушал занимательную историю о грабеже и убийстве. Потом, я думаю, он отправил рассказчиков обратно за борт… Прикинул граф так и эдак – с королем Фердруго он вроде не ссорился, хотя правящая фамилия и глядит на него косо. Рассказать королю об этой веселой проделке – глядишь, и толк какой выйдет… Боргеса, решившись, командует «полный боевой», галера разворачивается носом к Зингаре и отправляется в Кордаву.

Но граф у нас все же не полный дурак, и, прежде чем соваться с доносом к высокой короне, он хочет разузнать, что ему с этого может выйти – плохого и хорошего. Здесь опять начинаются мои догадки. Во времена охоты за Короной Змея Тот-Амон побывал в Кордаве, и здесь остались многие из его единомышленников. Боргеса и человек, известный нам как Вальдрио, входили в их число. С одной маленькой разницей – графу нужно было золото и только золото, все разговоры о приходе времени Змея и прочем он воспринимал лишь как досадную необходимость. Вальдрио требовались знания. Поэтому, мне кажется, Тот-Амон доверял Вальдрио (если он вообще способен кому-то доверять), а графа держал на привязи, как кусачую собаку. После очень спешного отбытия Тот-Амона наша парочка осталась ждать у моря погоды, а со скуки познакомилась поближе. И тот, и другой были вхожи во дворец, только один был дворянином, а второй, увы, нет… Итак, Боргеса отправляется в гости к Вальдрио, или приглашает того к себе домой, поговорить о возможности подзаработать. Вот как это произошло…

Крысенок поднял руку с невидимым бокалом, а в его голосе прорезались надменные металлические нотки:

– И вы представляете, дорогой друг, они перебили всех до

единого! Кто? Головорезы с «Вестрела», кто же еще! Да-да, именно те, которым покровительствует наш старый напыщенный индюк Фердруго. Как вы думаете, долго ли продержится в столице этот киммерийский громила, если король узнает о столь прискорбном происшествии? Вот и мне кажется, что недолго… Уф! Похоже?

– Очень, – согласился киммериец. История, рассказываемая Крысенком, походила на правду – одно событие цеплялось за другое, и никто не мог предсказать, что получится в итоге. – Ну и что?

– Да то, что Вальдрио оказался несколько умнее нашего молодого да раннего графа! Он отговорил Боргесу немедленно бежать во дворец, убедил, что необходимо выяснить еще некоторые детали, что он сам все устроит, и отбыл. К себе домой. Где вытащил из потайного хранилища некую маленькую желтую шкатулочку и отдал несколько распоряжений. Как к нему попала шкатулка – лучше не спрашивать. Может, Тот-Амон подарил – за посильную помощь и верность великому делу Сета. Главное, Вальдрио знал, что находится в шкатулке, какую выгоду из этого можно извлечь и понимал – другого подобного случая не представится. Ты эту штуку из-под земли вытащишь, а Боргеса может отправляться ко всем демонам.

Наш знаток тайн и секретов идет к Новой гавани, хватает за шиворот первого встречного побирушку и задает один вопрос: «Где сейчас команда „Вестрела“?» Ему указывают на «Девять стрел», а дальше происходит уже известный разговор. Во избежание возможных подозрений Вальдрио очень успешно разыгрывает постороннюю личность, которая лишь выполняет порученное. Шкатулку же, дабы запутать желающих всерьез заинтересоваться происходящим, доставляют Сигурду. Все! Можно с чистой совестью идти к Боргесе и сообщить ему, что приема у короля ближайшие два дня не будет или что графу Боргесе в аудиенции отказано.

Вальдрио не принял в расчет одного – в «Девяти стрелах» сидели те, кто был предан Боргесе. Может, не всей душой, но какой-то ее частью. Они не расслышали всего разговора, но уловили весьма подозрительные вещи. Вальдрио ушел, за ним вышли мы, а за нами – кто-то из людей Боргесы. Вся компания, следя друг за другом, отправилась на Парусную. Доносчики успели первыми, так что когда прибыл Вальдрио, граф уже имел некоторое представление, что происходит. Дома его наверняка не оказалось. Вальдрио передали отчаянный призыв придти как можно скорее в Кривой переулок – мол, стряслось что-то ужасное. Он и пошел, а мы – за ним. Боргеса не собирался прощать

бывшему другу-приятелю попытки обвести вокруг пальца. Вальдрио вошел в указанный дом, а выйти из него должен был только на Серые Равнины. Нас на всякий случай тоже схватили…

– Значит, его убил Боргеса? – такие подозрения были у Конана и раньше, но теперь все окончательно становилось на свои места.

– Разумеется, – невозмутимо подтвердил Крысенок. – И я сильно подозреваю, что граф был одним из той парочки, что тащила Вальдрио и сбежала при нашем появлении. Вальдрио все равно ничего больше бы не рассказал – даже если бы они его не прирезали, старикан умер бы к утру. Боргеса вытянул из него все возможное, но графу было некогда возиться со шкатулкой. Он сообщил начальнику городской стражи о якобы виденном убийстве, навел на наш след и быстренько смылся. Если бы мы не успели вовремя убраться из Кордавы, то посейчас доказывали, что никого не убивали. К тому времени появились бы и новости об «Араминте». Такая вот веселая сказочка. И я боюсь одного…

– Чего? – не понял Конан, но насторожился. Все, что Крысенок толковал о Лабиринте, не имело большого значения, но вот в событиях в Кордаве мальчишка, кажется, разобрался правильно. Двое проходимцев пытались обмануть друг друга, и втянули в свой спор третьего, не имевшего представления, что происходит. Один из неудачливых искателей сокровищ мертв, второй пока жив, но это неприятность поправимая. Что же до Тот-Амона… Еще неизвестно, имеет стигийская гадина отношение к творящимся безобразиям или нет…

– За всем этим стоит не Боргеса, а Тот-Амон, который сразу поймет – камень не настоящий, – тихо и быстро сказал Крысенок, оглядываясь, будто на пустынном берегу его могли подслушать. – Страшно за «Вестрел». Игра не закончена, капитан, она только начинается…

* * *

Четыре человека – трое мужчин и женщина – неторопливо шли по берегу спокойного утреннего моря. Над водой поднимался призрачный белесый туман, звонко хрустели под ногами мелкие пестрые раковины. Вокруг идущих носился черный зверь, размером с крупную собаку, заставляя испуганных чаек взлетать с пронзительными возмущенными криками.

– Не верю я в твои россказни про Лабиринт и прочее. Пещеры

– они и есть пещеры, – нарушил тишину низкий раскатистый голос. – Все, что там есть – это золото, камешки и страшилища. А больше ровным счетом ничего. Что-то ты после подземелий совсем свихнулся, Крысенок.

– Завладевший Лабиринтом получит власть, – упрямо отозвался Вайд. – Власть, большую чем у нынешних королей. Ты бы хотел, чтобы подобная оказалась, например, у Тот-Амона?

– Нет, конечно, – пожал плечами Конан. – Погоди, ты же сам твердил, что маг в подземелье попасть не может. Тот-Амон – колдун, значит, ему пещер не видать, как своих ушей.

– А что помешает ему найти человека – не мага, но зато полностью преданного, который будет выполнять его распоряжения? – сердито ответил Вайд. Он уже понял, что убедить капитана в самостоятельности и разумности Лабиринта, вобравшего в свой камень сущность неведомого создателя, не удастся. Для насквозь практичного киммерийца пещеры оставались только пещерами, и ничем иным, а Ключ – дорогой безделушкой. Крысенок с помощью Тао сумел отыскать в мешке, набитом самоцветами, вторую необходимую часть древнего магического предмета. Теперь Ключ был собран полностью – серебряная витая раковина с покоящимся в ней светло-голубым камнем. Хранился он в сумке у Вайда.

Лихой переход по джунглям обратно к морю занял шесть дней. «Вестрел» к этому времени должен был вернуться и находиться поблизости, чтобы заметить поданный с берега сигнал. Отряд немного промахнулся – вышел не к месту высадки, а на лигу севернее, и теперь возвращался в бухту у Красных Скал, откуда начался долгий путь. Трое пребывали в полной уверенности, что поход благополучно завершен: они достигли нужного места, разыскали нужную вещь, и не забыли о себе. В походных мешках лежало, побрякивая в такт шагам, целое состояние.

Вайд не был уверен ни в чем, но объяснить причин своей неуверенности не мог, а потому помалкивал.

Солнце поднималось все выше, отражаясь в волнах и в тысячах блестящих песчинок. С океана потянул ветерок, заскрипели, мотая зелеными разлапистыми листьями, растущие вдоль берега пальмы. Далеко впереди показалась сначала неясная, но с каждым шагом становившаяся четче, полоска далеко уходящих в море скал. Вскоре стало видно, что цвет камней – охристый, темно-красный с белыми вкраплениями. Путники, не сговариваясь, зашагали быстрее. Черный зверь, сообразив, что приближается долгожданный конец пути, понесся длинными прыжками, не обращая внимания на сердитые оклики.

Ему очень хотелось первым увидеть «плавающие по воде большие дома «. Другого названия для кораблей Крысенку подобрать не удалось.

Тао добежал до каменных россыпей, покрутился на месте и вдруг стремительно помчался назад. Разогнавшись, он проскочил мимо людей, остановился, подняв веер взметнувшегося песка и уже спокойно поравнялся с поджидавшим отрядом.

– Там человек! – выпалил маленький демон, взволнованно дергая большими газельими ушами. – Лежит между камней и не двигается!

– Какой человек? – озадаченно уточнил Конан. Людям на здешнем пустынном берегу, далеком от любых поселений, взяться было совершенно неоткуда…

– Не знаю, просто человек, – растерянно ответил Тао.

– Он живой? – поинтересовалась Фелле. – Что он делает?

– Ничего, лежит – и все, – бывшая Тень из подземелий подумала и неуверенно добавила: – Кажется, живой…

– Так кажется или живой?

– Чего спорить, пойдем да посмотрим, – немедленно вмешался Крысенок.

Тао не ошибся. Неизвестно как умудрившись втиснуться в узкую щель между валунами, лежал свернувшийся в три погибели человек. Рядом валялся короткий меч со слегка закругленным концом, покрытый высохшими разводами крови.

Когда неизвестного с трудом извлекли из его укрытия и перевернули на спину, киммериец негромко, но яростно проклял всех богов, каких только вспомнил, а Крысенок просто не поверил своим глазам.

– Сигурд!

Неудивительно, что они сразу его не признали – рулевой «Вестрела» выглядел так, будто угодил на стигийские берега прямиком с какого-нибудь на редкость кровопролитного сражения. Фелле, решительно отпихнув Конана и Вайда, присела рядом с неподвижным телом и попыталась определить, отправился уже ванахеймец на Равнины Мертвых или еще нет.

– Живой, – наконец произнесла она, явно донельзя изумленная этим простым обстоятельством. – Это свой?

– Это мой рулевой! – рявкнул разъяренный северянин. – Сет и его змееныши, что здесь произошло?

– Капитан! – негромко позвал Молчун. Голос у него был такой, что все обернулись. – Идите все сюда!

Он поднялся выше по склону и добрался до гребня каменистого холма, откуда открывался вид на полукруглую бухту. Шагах в тридцати от берега на маленьких волнах

покачивались два корабля. Огромная длинная галера, на носу которой красовалась деревянная позолоченная фигура женщины с пышными формами, а рядом – казавшийся маленьким и невзрачным двухмачтовый карак. На берегу был разбит лагерь: пара походных шатров, вытащенная на берег лодка, дымящийся костерок, слоняющиеся возле него в ожидании завтрака люди…

– «Красотка», – еле слышно сказал Вайд.

Ему никто не ответил – все остолбенело пялились на ровную зеленоватую гладь, переливающуюся под лучами полуденного солнца, и на два судна с убранными парусами. Тишину нарушил приглушенный сердитый голос Фелле:

– Чего стоите, как не знаю что? Этот рыжий, между прочим, сейчас концы отдаст – у него голова пробита и, кажется, ребра сломаны. Мне вода нужна и тряпки, может, еще получится залатать…

– Все, с меня хватит! – зло бросил Конан. – Фелле, Молчун, остаетесь здесь. Фелле, если сможешь – постарайся спасти Сигурда. Ты… – он повернулся к Крысенку, продолжавшему во все глаза смотреть на море, точно не веря увиденному.

– Я пойду с тобой, – тоном, не терпящим возражений, заявил Вайд. Откуда-то он твердо знал, что не услышит привычного «нет, сиди здесь».

– Хорошо, – буркнул киммериец. – Только не делай глупостей. Вы, двое, если что – возвращайтесь в форт.

Метос и Фелле молча переглянулись, и Крысенок понял – ни в какой форт они не пойдут. Если им выпало скоро умереть, то случится это именно здесь, на полосе сияющего белого песка возле спокойного и пустынного моря.

– Эй, погоди! – Фелле неожиданно вскочила, догнала уже отошедшего на несколько шагов Вайда и сунула ему в руки свой арбалет вместе с мешочком, из которого торчали оперения стрел. Торопливо пробормотала: – Это последние, их там десяток, не больше. Удачи вам! – и бросилась обратно.

Что собирается делать Тао – никто не спрашивал. Это было понятно и так – маленький демон уверенной трусцой направился вслед за двумя поднимавшимися вверх по склону людьми.

* * *

Шесть человек из экипажа «Блудливой красотки», по-хозяйски расположившиеся на берегу, ожидали от раскинувшихся кругом

бескрайних лесов чего угодно, но только не появления оставленного на верную гибель Конана Киммерийского. Тем не менее, вполне живой варвар шагал сейчас прямо к костру, сопровождаемый невысоким мальчишкой и странным черным зверем. В наступившей тишине отчетливо прозвучал стук упавшего в полупустой котелок ножа и чей-то сдавленный призыв к Митре. Дюжина изумленных глаз уставилась на подходившего северянина, точно он явился прямиком с Серых Равнин, откуда, как известно, еще никто не возвращался.

Замерший шагах в двух позади Крысенок мысленно порадовался тому, что не видит выражения лица капитана. Хотя радоваться было особо нечему – шесть человек, и неизвестно, сидят ли еще другие в стоящем неподалеку шатре. Если находящиеся у костра бросятся на них, можно успеть сделать пару выстрелов, а потом остается полагаться исключительно на ножи и на везение.

Один из корсаров – самый глупый, или считающий себя самым смелым – неуверенно потянулся к висевшим на поясе ножнам. Тао, нагнув голову, шагнул вперед и глухо зарычал. Намек был понят без слов – человек замер, не решаясь пошевелиться.

– Где Боргеса? – ровно и даже несколько равнодушно осведомился Конан. Широкое и длинное лезвие меча в его руке чуть покачивалось вверх-вниз, как язык собравшейся напасть змеи.

– Т-там… – один из трясущихся зингарцев указал на высокий шатер из плотного темно-алого шелка. – Он т-там с…

Почти одновременно с негромким окликом киммерийца: «Боргеса!» входные полотнища шатра раздвинулись и высунулась всклокоченная темноволосая голова.

– В чем де… – внезапно онемевший человек не договорил. Пожалуй, впервые в жизни Крысенок увидел, как происходит действо, обозначаемое словами: «Глаза на лоб полезли». Боргеса тупо вытаращился на незваных гостей, попытался что-то сказать, но издал только неразборчивое мычание.

– Где мои люди? – тем же спокойным и невыразительным голосом спросил капитан «Вестрела».

– Они на корабле, – отвечал не граф, а кто-то из сидевших у начинавшего медленно гаснуть костра. – Они все живы, но заперты в трюме…

– Ты! – Боргеса, наконец, справился с собственным языком. – Откуда ты свалился на мою голову?

– Из леса, – безразлично ответил киммериец. – Не все ли тебе равно?

Каким-то чудом граф сумел взять себя в руки, выбрался из шатра и встал на ноги. Крысенку даже стало немного жаль его – Боргеса был полностью ошеломлен случившимся. Он-то уверился в том, что треклятый варвар никогда больше появится на его пути, и вот, пожалуйте!

Тягучее напряжение, повисшее над лагерем, прорвалось неразборчивым истошным воплем. Один из зингарцев не выдержал, схватился за меч и, прыгнув через затухающее пламя, попытался дотянуться до Конана. Звонко щелкнула спускаемая тетива, зажужжал тяжелый летящий болт. Нападавшего, даже не успевшего сообразить, что случилось, отшвырнуло далеко назад. С пары шагов не промахнулся бы даже ребенок, а стрела ударяла не слабее лошадиного копыта, прошивая человека насквозь. Дергавшееся на песке тело постепенно затихало, но никто не обращал на него внимания.

– Мы можем договориться? – внезапно севшим голосом, из которого разом пропал металлический звон, спросил Боргеса. – Я заплачу… Сколько захочешь… Послушай, я не хотел всего этого! – он сорвался на крик. – Меня заставили!

– Ну и что? – хмыкнул Конан. – Какое мне дело до этого? Ты говорил, что не любишь проигрывать, вот и докажи.

Боргеса неожиданно успокоился и даже попытался улыбнуться. Улыбка вышла несколько кривоватая и вымученная.

– А ведь ты меня обманул, – негромко сказал он. – Камень не настоящий… Что тебе еще надо? Ключ у тебя, твой корабль и людей мы не тронули. Хочешь меня убить? Всего лишь за то, что я попытался разок обойти тебя? Я ведь сохранил тебе жизнь, хотя обещал расправиться с тобой.

– Век не забуду, – язвительно отозвался киммериец. – Только, видишь ли, дело в другом… Мне совсем не нравится, когда меня пытаются выставить полным идиотом. Для кого ты доставал вещичку из подземелья? – резко закончил он.

– Для себя, – без запинки ответил Боргеса. – Нет, в самом деле, я хотел раздобыть ее для себя! Мне про нее говорил Вальдрио, правда, я не понял и половины того, что он нес. А когда узнал, каким образом он распорядился моим секретом, я…

– Ты его убил и сделал все, чтобы виновным в этом сочли меня, так?

– Ладно, – махнул рукой кордавец. – Я все понял. Уйдет только один и так далее. Обещай хотя бы, что не тронешь моих людей. Они лишь выполняли приказ. Между прочим, я честно предложил твоей команде перейти ко мне, но они отказались…

– А Сигурд? – напомнил киммериец.

– Этот рыжий северянин? – Боргеса скривился, точно уксусу

хлебнул. – Он чуть не поднял бунт, устроил взбучку моим парням и сбежал. Не знаю, где он. Ты его встретил? Все вы, варвары, ненормальные…

Крысенок догадывался, каким будет исход разговора. Боргесе конец, его уже ничто не спасет. Зингарцы с «Красотки» вряд ли рискнут вмешаться в неминуемую схватку. Остается только присматривать, чтобы не стряслось никаких неожиданностей. Вряд ли у графа спрятаны в лесу десяток-другой человек…

– Ты ничего не чувствуешь? – еле слышно спросил Тао, настороженно поворачивая голову во все стороны. – Здесь есть еще кто-то. Я его боюсь…

– Где? – теперь Крысенок понял, что его беспокоит – холодный пронизывающий ветерок, возникший неизвестно откуда и порывами проносящийся над лагерем. Похоже, кроме Крысенка и Тени, никто не замечал ледяных воздушных струек. – Тао, оставайся здесь и смотри, чтобы никто из них даже пальцем не шевельнул! Я сейчас вернусь!

Демон понимающе кивнул и свирепо оскалил зубы – любому человеку, неосторожно решившему двинуться с места, сначала придется иметь дело с ним, Тао.

Крысенок сорвался с места и побежал в сторону близкого берега, уловив краем уха чистый свистящий звон – поединок начался. Теперь все зависело только от сражающихся, но Вайд не сомневался в том, кто победит.

Он миновал красный и темно-зеленый шатры, растянутые на колышках, пробежал мимо россыпи валунов, вспугнув гревшихся ящериц, и оказался на берегу моря. Холодный ветер дул навстречу и постепенно усиливался. Крысенок в растерянности огляделся – на побережье, кроме него самого и наполовину вытащенной на песок лодки, не было никого. Вайд потряс головой, пытаясь сообразить, откуда выползает свистящий морозный поток воздуха. Где-то неподалеку негромко заржала лошадь, ей ответила другая.

«Лошадь? Откуда здесь могут взяться лошади?»

Крысенку показалось, что он начинает сходить с ума: сначала леденящий ветер в краю, где камни скоро от жары потрескаются, потом конское ржание, хотя на ближайшие десять лиг в округе нет человеческого жилья! Может, уйти, пока жив и окончательно не свихнулся?

Среди тонких стволов подступавшей к самому берегу рощицы шевельнулось что-то крупное и темное, донесся отчетливый всхрап. Крысенок вздрогнул, выронил арбалет и схватился за сунутый за пояс кинжал. Привычная шершавость рукоятки успокоила и заставила придти в себя. Ну да, там, в роще, стоит

лошадь. Похоже, не одна. Неизвестно, правда, откуда она появилась, да лошадь ли это вообще? Может, какой-нибудь здешний зверь… Но антилопы, кажется, ржать не умеют? Проще пойти и посмотреть.

Крысенок оглянулся и прислушался. Он отбежал от лагеря довольно далеко, но звуки продолжающейся схватки долетали даже сюда. Его присутствие на месте боя ничего не изменит – толку в драке от него все равно немного. Капитан прекрасно справится и сам, а в случае чего Тао поможет.

Новый леденящий порыв пронесся на берегом. Теперь Вайд не сомневался – источник зловещих дуновений находится в роще или за ней. Было страшновато. Нет так, как возле входа в подземелья, а как возле заброшенного ночного кладбища. Да, именно кладбища… Крысенок стиснул нож покрепче и шагнул вперед.

Рощица оказалась совсем маленькой. Вайд, прячась за стволами, быстро прошел ее насквозь, и столкнулся нос к носу с четырьмя воронымиконями. Запряженные в зеленую с золотом колесницу лошади были крепко привязаны к крайним деревьям, и тревожно фыркали, переступая с ноги на ногу. Увидев незнакомого человека, внезапно выскользнувшего из зарослей, четверка испуганно шарахнулась в сторону, мотая головами и пытаясь оборвать привязь.

Крысенок испугался едва ли не больше их. Его поразила колесница, сделанная в виде огромной кобры, раскрывшей капюшон. Плоская морда с разинутой пастью поднималась над спинами лошадей, оскалясь кривыми клыками.

– Если это не Сет, то я… – начал было Вайд, и оборвал сам себя, сообразив, что стоит подумать о другом – где владелец упряжки? А также кто он, как сюда попал и зачем? Непохоже, чтобы кони проделали долгий путь, да и колесница скорее парадная, чем дорожная…

Крысенок запоздало догадался, что уставился прямо в спину таинственному хозяину вороных и странной повозки. Высокий человек в просторной белой одежде стоял, не двигаясь, у самой полосы прибоя, и неотрывно смотрел на два корабля посреди бухты. Крысенок обратил на него внимание только в миг, когда незнакомец плавным движением поднял правую руку. Солнечные лучи блеснули на широком медном браслете в виде свившейся тремя кольцами змеи.

– Что он затеял? – задумчиво пробормотал Вайд, наблюдая за действиями неизвестного и не замечая, что ему уже не страшно. Он опасался этого человека, как опасался бы дикого незнакомого животного, и только. Сейчас они были равны, и следовало любой

ценой помешать человеку в белых одеждах сделать то, что он хотел.

Холод стал просто невыносимым. Так, глядишь, и до снега скоро дойдет. Снега Крысенок никогда в жизни не видел, но по рассказам представлял, как он выглядит.

На поднятой ладони неизвестного затанцевали крохотные язычки огня, бесцветные и неразличимые в ярком солнечном свете. Пламя постепенно росло, приобретая зловещий багровый оттенок и вытягиваясь в сторону моря. Спустя еще одно невероятно длинное мгновение шар из дымного косматого огня сорвался с руки своего создателя и плавно понесся над волнами. Мысленно продолжив его путь, Крысенок понял, где и чем завершится неспешный на первый взгляд полет. Шар неминуемо врежется в борт «Вестрела» и просмоленное дерево тут же вспыхнет…

– А вот и нет, – зло бросил Крысенок. – Не выйдет.

Пламенный комок преодолел почти половину пути и сейчас находился на равном расстоянии от карака и от галеры.

– Не выйдет, – упрямо повторил Вайд, совершенно не представляя, как он сможет помешать стремительному продвижению магического (наверняка магического!) огненного клуба. Зато он очень хорошо представил, как вспыхнет и пылающим костром поплывет по воде «Вестрел». Костром, на котором сгорит вся команда, оставшаяся в трюме корабля. Нужно немедленно, любым способом остановить летящую смерть. Или заставить шар свернуть и направиться в другую сторону. Вот только как?

«А если эта штука, как чудовища в Лабиринте, слушается мысленных приказов? – лихорадочно рассуждал Крысенок, следя за ровно, как по ниточке, движущимся языком огня. – Попробовать приказать ей повернуть?»

И тут появился голос Лабиринта. Вроде бы говорил Он медленно, тихо и размеренно, но на самом деле за время безмолвного диалога между Лабиринтом и Вайдом нельзя было даже моргнуть.

«Слышишь меня?» – спросил Лабиринт.

«Слышу, – отозвался Крысенок. – Помоги, скорее!»

«Постарайся сосредоточиться, выкинь из головы все посторонние мысли. Почувствуй свою мысль, облеки ее в желание. Желание преврати в Силу. Получается?»

Внутри Вайда начали нарастать странные изменения, будто кто-то невидимый, но обладающий невероятной мощью вдохнул в него часть этой мощи. Это было подобно опьянению, как если бы человек выпил полный кубок старого аквилонского вина единым

духом. Сила, пришедшая извне, разлилась по телу, согревая и будоража.

«Собери ее в один луч, – посоветовал Лабиринт. – Луч направь на огненный шар. Как только они соприкоснутся, отдай приказ. Все очень просто.»

Крысенок закрыл глаза. Перед внутренним взором Сила предстала в виде горячего, но не обжигающего бездымного огня. Он попытался собрать его в одну точку и сделать так, как приказывал Лабиринт. Вроде получилось.

– Стой! Да остановись же ты! – Вайд послал Силу к созданному неизвестным языку пламени, но, не сумев совладать с ее потоком, промахнулся. Огонь Лабиринта лишь слегка коснулся магического порождения. Никаких заметных изменений не произошло – шар все также направляется к своей цели.

– С-скотина, – прошипел Вайд. – Стой!

Он снова собрал всю дарованную ему Лабиринтом мощь в пучок, зажмурился, сжал кулаки и, качнувшись всем телом, отослал приказ вперед. Над океанскими волнами сверкнул голубоватый луч, ударивший в пламенный шар.

Пылающий сгусток замедлил ход, и, точно сомневаясь в правильности указанного ему пути, вильнул влево-вправо. Высокий человек на берегу встревожился, но не особенно.

«Получается, получается! – Крысенок от радости едва не завизжал вслух. – А теперь вперед!»

Огонь рванулся, как охотничья собака, услышавшая приказ: «Взять!». Пролетел над волнами, оставляя след из клубящегося пара, чуть поднялся вверх и со всего размаху впечатался в высокий, слегка изогнутый борт «Красотки». Пламя мгновенно охватило почти весь корабль, взлетев вровень с мачтой. Над галерой клубами повалил густой черный дым, сквозь который проблескивали красные всполохи. Крысенок разглядел две или три фигурки, успевшие прыгнуть с горящего судна в море, но больше, похоже, не спасся никто.

Вайд смотрел на окутанный пламенем и дымом корабль, склонив голову набок, и тихонько насвистывал. Он не испытывал особой жалости к оставшимся на «Красотке» – они бы при случае поступили точно также, если не хуже. Что-то произошло вокруг – то ли в мире, то ли в нем самом. Теперь он знал, как зовут человека не берегу, знал, кто разговаривал с ним в подземельях и что ждет его самого в дальнейшем… Нельзя сказать, что от этого знания становилось радостнее, но зато наступило облегчение. На дне выгребной ямы нашлась не единственная монетка, а целая алмазная россыпь. Оставалось только придумать, как ею распорядиться.

Крысенок выбрался из-за деревьев, отряхнул штаны от налипшего песка и палой листвы и не спеша подошел к одинокой фигуре у полосы прибоя. Услышав приближающиеся шаги, человек оглянулся.

– Вообще-то это корабль моего друга, – извиняющимся голосом сказал Вайд. – Да и как бы мы отсюда выбрались, без корабля? А тебе лучше убраться отсюда, да поживее. Кое-кто не откажется сменять сокровища из пещер на твою голову.

– Даже так? – с легкой иронией спросил незнакомец. Когда он обернулся и заговорил, у Крысенка пропали последние сомнения. Именно этого человека имел в виду Тао, говоря о своем создателе.

Вместо ответа Крысенок кивнул и отступил на пару шагов в сторону. Сейчас он еще не может бросить вызов этому поклоннику Сета, но когда-нибудь, очень скоро…

Стигиец неторопливо отвязал своих лошадей, тревожно косящихся по сторонам, и забрался в колесницу. Прежде чем тронуть упряжку с места, он повернулся к снова засвистевшему Крысенку.

– Кто ты?

– Хозяин Лабиринта, – беспечно ответил Вайд. – Постарайся не вставать на моем пути.

В глубине черных, глубоко посаженных глаз мелькнула тщательно скрываемая ярость.

– Хозяин? – переспросил Тот-Амон, в угрюмство впав окончательное. – Деточка, да ты хоть представляешь, в какую историю влип?

– Понятия не имею, – откровенно признался Вайд. – А что, объяснить можешь?

Колдун стоял на колеснице, будто заметенная снегом скала – непоколебимый и суровый. Темные глаза его смотрели вроде бы бесстрастно, но некоторое волнение выдавали руки: длинные сильные пальцы мяли поводья, и Крысенку показалось, будто ладони Тот-Амона чуть подрагивают. С чего бы? Неужели стигийский маг боится мальчишки?

– Ты связался с живым подземельем, – тяжело уронил колдун, выделив голосом последние два слова, а потом задумчиво повторил: – Да, живое подземелье. Смертным можно иметь дело лишь со смертными, не впутываясь в дела высших Сил. А сила, скрытая там, под холмами, одна из таких. Ты встал на путь, ведущий к смерти. Ты не можешь быть Хозяином подземелья. Это у тебя сейчас появился хозяин. Удивляешься, почему я не нападаю на тебя, пускай и мог бы обратить в пепел за краткий миг?

– Ну? – простодушно спросил Вайд.

– Да просто твой нынешний властелин рассердится, если я отберу у него новую игрушку, – в голосе мага звучало ничем не скрываемое презрение. – А я – человек благоразумный, и стараюсь не раздражать лишний раз Силы, много превосходящие меня. Запомни, мальчишка, Лабиринт исключительно могуществен, и, благодарение Сету, что он мало интересуется делами большого мира. И я не хочу, чтобы он стал ими интересоваться. Если твой нынешний повелитель выползет из своих пещер, ему не поздоровится. Я ему не угрожаю. Мой владыка просто предупреждает.

Вайд покосился на колесницу, и ему почудилось, будто глаза кобры недобро сверкнули.

– Уезжай. У тебя своя дорога, у меня своя, – ответил Крысенок и отвернулся. После недолгой паузы громыхнул голос Тот-Амона:

– Они пересекутся, эти дороги. Много раз. Как дороги наших владык, так и мои с тобой. Что ж, я не прощаюсь надолго. Привет твоему капитану.

Маг хлестнул поводьями обиженно заржавших коней, колесница выехала на полосу слежавшегося, плотного песка и быстро покатила прочь от лагеря. Крысенок посмотрел ей вслед, тихонько рассмеялся и прислуушался – неподалеку хрустели безжалостно ломаемые ветви. Кто-то лез напролом через рощу, яростно круша все, что вставало на пути. Вполне может быть, враг. Но сейчас Вайд не испугался, он вдруг понял, что теперь ВООБЩЕ НИЧЕГО НЕ БОИТСЯ.

Даже капитана Конана.

В нем, в Крысенке, беспутном пиратском юнге, над которым смеялись все и каждый, за какие-то мгновения случились такие изменения, что Вайд даже не представлял, во что его превратила Сила Лабиринта. И почему именно его? Однако, руки-ноги на месте, голова цела, соображает вроде сносно. Крылья, как у летучей мыши, не выросли, и даже, что характерно, крысиного хвоста не появилось. А ведь могло – с этой магией в такое вляпаться можно – собственный капитан не узнает, не говоря уж о родной матери.

Но зато Вайд теперь точно знал, что неприятный господин по имени Тот-Амон испугался вовсе не Лабиринта, а его, зингарского оборванца. Недаром у стигийского колдуна руки дрожали. Пускай имеющаяся Сила пока не своя, а целиком заемная, но и собственная рано или поздно появится. И тогда посмотрим, кто победит в споре – служитель Сета или Хозяин Лабиринта.

Но зачем Лабиринту такой Хозяин? Беда с этими древними богами…

Черный однорогий зверь оказался на берегу первым. Увидел Крысенка, радостно завизжал и бросился навстречу. Выбравшийся вслед за ним человек был настроен куда мрачнее.

– Какого демона ты смылся? – рявкнул Конан, убедившись, что перед ним действительно Крысенок. – Видел, что стряслось с «Красоткой»?

– Конечно, – согласно кивнул Вайд. – Не сердись, я тут встретил одного твоего старого друга и мы немного побеседовали. Он тебе привет передавал. Такой любезный…

– Какого друга? – настороженно спросил киммериец. – Здесь? Ты опять за свое?

– Да ты его хорошо знаешь, – весело сказал Крысенок. – и Тао знает. Он маг, маг из Стигии. Предпочитает называть себя Тот-Амон.

– Что?! – взвыл Конан. – Где он?!

– Уехал. Он не получил желаемого, а в отместку пытался поджечь «Вестрел», – пожал плечами Крысенок. – Не слишком достойный поступок даже для стигийского мага, не находишь?

– Крысенок, – медленно и веско начал северянин. – Если ты опять врешь, я из тебя…

– И не вру я ни капельки! – возмутился Крысенок. – Человеческим языком тебе говорю: нас тут поджидали. Если бы Боргеса не добыл подлинный камень, то следующим пришел бы Тот-Амон. Но ни тому, ни другому не повезло. Маг сейчас торопится к своему кораблю, так что вам надо успеть смыться отсюда, а второй… Что с графом?

– Ничего, кроме хорошего, – хмыкнул Конан. – Этот гаденыш настолько привык полагаться на других, что сам даже не знает, за какой конец меч держат!

– Ты его… – осторожно поинтересовался Крысенок.

– Больно надо! Живой он. Увидел, как «Красотка» полыхнула и грохнулся в обморок. Кто ее так, бедную?

– Я, – с гордостью сказал Крысенок и хихикнул. – Не веришь? Я так и знал…

ЭПИЛОГ

Западный Океан неподалеку от побережья Стигии, борт «Вестрела»

– Так вот, я и говорю – этот троллий выкормыш свалился нам как снег на головы. Мы пришли на пару дней раньше срока, встали в бухте, утром просыпаемся, а он рядом торчит, – Сигурд допил содержимое своей вместительной кружки, неловко повернулся и болезненно охнул.

– Будешь вертеться – на всю жизнь останешься кривобоким, – притворно строгим голосом сказала Фелле. – Разбивать головы – это вы, варвары, мастера, а кому вы нужны-то будете, с пробитыми головами? Ладно, что потом было?

– Он заявил, что все, вместе с капитаном ушедшие в лес, погибли, – ванахеймец, стараясь двигаться как можно осторожнее, протянул опустевшую кружку Санче, взявшей на себя должность главного виночерпия «Вестрела». Девушка наклонила стоявший рядом с ней бочонок, темно-алая струя хлынула в подставленный сосуд. – А я сказал, что поверю в это, только когда увижу трупы собственными глазами. И то буду очень долго сомневаться. Короче, мы полаялись, нас растащили, хотя в морду я ему дать успел.

– Два раза, – уточнил Зелтран. – Санча, плесни-ка и мне немножко. Потом его побитая светлость долго заливался соловьем и звал нас перейти к нему. Мол, вашего капитана все равно в живых нету, и другого выбора не остается. Мы подумали и ответили, что веры в его слова у нас тоже нету. А если наш капитан действительно погиб, то мы по обычаю имеем полное право выбрать себе другого, из своей команды. И советы всяких там графьев нам без надобности. Он жутко обозлился и ушел, а мы решили ждать, как договаривались. До срока-то еще было три или четыре дня.

…Шесть человек сидели на нижней палубе карака, на низкой крыше кают-компании, застеленной звериными шкурами. Кораблик, всеми парусами ловя попутный ветер, быстро уходил от поросшего лесом пустынного берега. Посреди остававшейся позади бухты, выгнувшейся подковой, исходил дымом наполовину сгоревший остов большого судна. Остатки некогда гордого корабля чудом держались на плаву и походили на перевернутый обглоданный скелет кита. Обгоревшая до угольной

черноты носовая фигура печально таращилась на далекий горизонт. К вечеру бывшей галере графа Боргесы наверняка было суждено затонуть.

– А на следующий день объявился этот… стигийский колдун, Тот-Амон, чтоб его припекло и на том, и на этом свете! – снова вмешался Сигурд, считавший, что рассказ о событиях на караке должен принадлежать только ему, как самому активному участнику и свидетелю происходившего. – Ух, как он орал на Боргесу! Даже у нас на борту было слышно. Кричал, что доверился полным идиотам, которые упустили и провалили все, что только было можно. Что втянули в дело лишнего человека, да еще такого, что нарочно не придумаешь! Будто позволили провести себя, как сопливые младенцы, и что все потеряно. Короче, много разного кричал, потом угомонился и послал беднягу графа к нам. Тот после нахлобучки был не то чтобы бледный, а слегка синеватый с прозеленью. Его позарез интересовали наши намерения. Мы честно ответили – ждать. Боргеса вяло намекнул – не могли бы мы ждать где-нибудь в другом месте. Тогда мы послали его подальше, а он даже не обиделся. Колдун его так допек, что он и на берег возвращаться не хотел. Сидел, ныл весь вечер, как ему не везет в жизни, а потом начал приставать к Санче.

– Сволочь исключительная ваш граф, – зло бросила девушка. Половина ее лица была скрыта повязкой и распущенными волосами. Тогда, несмотря на свое легкомыслие и ветреность, подружка капитана «Вестрела» совершенно не собиралась выступать в роли переходящего приза. О чем и сообщила Боргесе, для верности сопроводив слова оплеухой. Умело изобразивший оскорбленного до глубины души аристократа Боргеса схватился за меч, немедля выбитый Сигурдом, и поднял крик.

– Половина его мерзавцев сидела в лодках у нас под бортом и ждала, когда он заголосит, – мрачно сообщил Зелтран. – И рванула якобы спасать своего капитана. Хоть их и потрепали в лесу, но нас-то все равно было в три раза меньше… Вот и пришлось сдаться, а то бы перебили нас за милую душу. Сигурд пробился, прыгнул за борт, чтобы вас встретить, если что…

– Ну да, и нарвался на берегу на засаду, – хмыкнул неунывающий ванахеймец. – Повезло, что ночью они не стали меня искать. А то добили бы с удовольствием. Я хотел и Санчу с собой утащить, да не получилось…

– А-а! – с досадой отмахнулась девушка. – Сама виновата. Страшно было прыгать, высоко же, и плаваю я не очень…

Она с вызовом поглядела вокруг, но никто и не думал смеяться. Фелле сочувственно вздохнула, и Санча, шмыгнув

носом, тихонько спросила:

– А Крысенок что, совсем не вернется?

* * *

…После внезапно вспыхнувшего на «Красотке» пожара Метос и Фелле, плюнув на всякую осторожность, примчались в лагерь, с твердым намерением либо героически пасть, либо узнать, что творится. К их удивлению, в лагере их встретили живые и невредимые Конан и Вайд, а также пришедший в себя и явно несколько тронувшийся умом Боргеса. Зингарцы из бывшей команды «Красотки» сочли за лучшее быстро сменить хозяина. Теперь они с мрачными физиономиями сворачивали шатры и копали могилу для своего приятеля, застреленного Крысенком.

Не менее мрачный Крысенок сидел на валуне, не отзываясь ни на какие вопросы. Тао околачивался поблизости, путаясь у всех под ногами и недоумевая, почему его друг молчит. Лишь когда с каменного холма притащили неподвижного Сигурда и уложили в лодку поверх сложенных на дне вещей, Вайд оторвался от камня, окликнул капитана и сел обратно.

– Я остаюсь, – угрюмо сообщил Крысенок. Присевший рядом Конан удивленно присвистнул и переспросил:

– Что-о? Сдурел?

– Мы с Тао остаемся и возвращаемся обратно, – внятно выговаривая каждое слово, повторил Вайд. – В Лабиринт.

– Зачем? – ошарашено поинтересовался киммериец, окончательно уверившись в том, что Крысенок спятил. – Свет клином сошелся на этих пещерах?

– Сошелся, – уныло согласился Крысенок. – Против судьбы не попрешь. На, возьми.

Он вытащил из кармана тонкую цепочку с качающейся на ней серебряной раковиной и голубым камнем.

– Выпьете в Кордаве за мое здоровье. Кстати, передай Чабеле: Тот-Амон в Зингаре больше не появится.

– Ты-то откуда знаешь? – недоверчиво спросил Конан, пряча драгоценную вещичку. – И как ты без этой штуки войдешь обратно? Да как вообще туда доберешься?

– Я теперь много чего знаю, – отозвался Крысенок и невесело улыбнулся. – И про себя, и про тебя, и еще много разного. Кстати, Тот-Амон нас не нанимал. Нас просто позвал Лабиринт. Древние боги способны на многое, в том числе и на такие авантюры. Это

он передал нам карту, использовав Вальдрио и простягу Тот-Амона. Лабиринт хотел видеть меня. А за то, что капитан Конан привез меня сюда – дал ему награду в виде камешков. Это очень хорошие алмазы, честно.

– Сам знаю, – буркнул Конан. – Только как все-таки ты собираешься пройти через Дарфар? Сгинешь ведь!

– Я доберусь, – твердо сказал Вайд. – А Ключ… Он всего лишь красивая игрушка. Слишком многие хотели в нее поиграть, а досталась она мне. Удачи тебе и счастливого пути.

Он поднялся с камня и свистнул прилегшему рядом Тао. Маленький демон с готовностью вскочил, фыркая и помахивая пушистым хвостом. Киммериец остался сидеть, удивленно смотря вслед уходившей странной паре, затем вскочил и, сделав пару прыжков, догнал их.

– Погоди, ты действительно собираешься пройти через джунгли? В одиночку?

Крысенок снизу вверх посмотрел на него и молча кивнул.

– Крысенок, – Конан оглянулся и понизил голос. – Мне начинает казаться, что ты не сошел с ума, но влип в нехорошую и недобрую историю. Ты сказал, будто сжег «Красотку»…

– Сжег. Правда Тот-Амон к этому тоже приложил свои волосатые лапы. Нечаянно.

– А теперь хочешь снова забраться в пещеры. Что ты сделал с собой?

– Ничего, – хмыкнул Крысенок. – Прыгнул за монеткой.

– Чего? Какой монеткой? – не понял северянин.

– Я уже рассказал тебе одну сказочку, но платы так и не получил. Ладно, послушай вторую. Однажды молодому наемнику предсказали, что он станет королем. Так оно и случится. Но если дикий северный варвар может занять трон, то почему бы уличному воришке не стать магом, а?

– Этого я никому не рассказывал, а тем более тебе! – возмутился Конан.

– А я и так знаю, – невозмутимо сказал Вайд. – Пошли, Тао!

* * *

– Не вернется, – неохотно ответил киммериец. – На что он тебе сдался? Вы ж ссорились десять раз на дню.

– Ну и что? – удивилась Санча. – Потом мирились… Жалко.

Метос поднял лежавшую рядом с бочонком потрепанную

виолу, попробовал подобрать простенькую мелодию. Инструмент отозвался жалобным звоном.

– Перестань, – скривилась Санча. – Кому налить?

Она собрала протянутые кружки и принялась по очереди наполнять их. Раздавшийся на юте крик заставил ее вздрогнуть и пролить часть вина на палубу.

– Парус! – орал вахтенный. – Парус на восходе! Галера!

– Быстро убрать все! – Конан вскочил на ноги. – Сигурд, ты куда? Сидеть! Фелле, присмотри за ним!

– Но… – заикнулся было возмущенный рулевой, насильно отстраненный от дел. Его не услышали. Команда, грохоча по трапам, высыпала наверх, пристально выискивая на горизонте замеченный парус.

– Шемиты, – определил киммериец, углядев движущееся темное пятно. – По местам, к повороту! Зелтран, где тебя носит?

«Вестрел» описал плавную дугу, меняя галс, и стремительно понесся наперерез неторопливо взмахивающей веслами галере.

Дж. Джонсвуд
Ноябрь 1996 – январь 1997 года
СПб